

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

УПАДОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

ЕСЕНИНЩИНА

ДОКЛАД А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ВЫСТУПЛЕНИЯ: Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
Л. С. СОСНОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО
В. В. МАЯКОВСКОГО, В. М. ФРИЧЕ, К. РАДЕКА
И. М. НУСИНОВА, Л. ЛЕОНОВА, В. В. ЕРМИЛОВА
В. Г. КНОРИНА, Т. СОЛОВЬЕВА, Т. БОГДАНОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. Г. КНОРИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА ♦ 1927

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия—В. Г. Кнорин	I
Доклад А. В. Луначарского	5
Прения по докладу:	
Е. А. Преображенский	47
Л. С. Сосновский	64
Вяч. Полонский	76
В. Маяковский	91
В. М. Фриче	97
Л. Леонов	103
К. Радек	110
И. Нусинов	119
В. Ермилов	128
В. Кнорин	132
тов. Богданов	137
тов. Новоселец	139
тов. Соловьев	143
тов. Эткин	145
тов. Иванов	147
Заключительное слово тов. Луначарского	150

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На одном весьма ответственном собрании коммунистов (в Коммунистической Академии) тов. Преображенским была брошена фраза о «кризисе советской культуры», которую он там же пытался обосновать целым рядом теоретических доводов.

Нам кажется, что на эту фразу, даже если бы она была брошена случайно, нам следует обратить серьезное внимание. Но она далеко не случайна. Она с логической неизбежностью вытекает из экономической теории тов. Преображенского и из всей той системы взглядов, которая считает гибельным для социалистического строительства темп, которым мы строим нашу промышленность. Она «дает» легкий ответ на вопрос о причинах, так называемых, «упадочных» явлений среди молодежи. Вваливая вину на «кризис советской культуры», она весьма «удобно» для мелкобуржуазных и буржуазных писателей объясняет их поворот вправо, к чистому искусству, к старым формам.

Поэтому одной фразы о кризисе советской культуры было бы достаточно, чтобы нам заняться вопросами нашего культурного роста. Но это не фраза, не обмолвка, а теория, *целая* теория, о которой нельзя умолчать.

Что означает кризис советской культуры? Это означает поражение рабочего класса на одном из самых важных и трудных участков фронта борьбы за социализм.

Есть ли у нас такой кризис? Нет. Есть ли у нас застой культурного роста? Тоже нет. Не отвечаем ли мы

в культурном строительстве от других участков нашего строительства? Это вопрос, на который мы должны найти ответ в конкретных данных нашего государственного бюджета и в общекультурном росте рабочего класса. В этом нужно разобраться.

Чем решается вопрос о культурной революции в нашей стране?

Вопрос о культурной революции, в первую очередь, решается индустриально-техническим переоборудованием нашей страны, ростом ее социалистической промышленности, рационализацией и удешевлением производства, поднятием, техническим усовершенствованием и кооперированием крестьянского хозяйства. Наша политическая система — система диктатуры пролетариата — есть та необходимая предпосылка, которая дает возможность гораздо быстрее двигаться по пути культуры и цивилизации, притом на новых, социалистических началах. Октябрьская революция, сосредоточивши всю крупную промышленность в руках государства, сосредоточивши в руках государства банки, кредит и монополию внешней торговли, создав возможность индустриализации страны, тем самым обеспечивает нам возможность подняться на необходимую для социалистического общества ступеньку культуры и цивилизации. Она обеспечивает возможность более быстрым темпом, чем это было в капиталистических странах, добраться до вершин современной техники и культуры, догнать и обогнать передовые культурные страны, остающиеся при капиталистическом способе производства. Руководящая роль пролетариата, строящего свою коммунистическую программу и тактику на достижениях науки и материалистическом понимании явлений общественной

жизни и природы, есть величайший фактор культуры. Руководящая роль партии, индустриализация, советская власть — это три силы, действующие совместно и перестраивающие отношения людей на более рациональных социалистических началах. Устранив бога и божескую мораль, устранив всякую метафизическую авторитарность и магию, привлекая науку и искусство к выполнению наших политических целей, мы создаем все условия для быстрого технического и культурного подъема, для коммунистического перевоспитания народа.

Ведущая роль в культурной революции принадлежит индустриализации и техническому переоборудованию народного хозяйства. Это технически-культурное выражение ведущей роли рабочего класса. Установив это — мы решаем вопрос о соотношениях рабочего класса и интеллигенции и о соотношениях расходов на капитальное промышленное строительство и просвещение. Только рабочий класс, несмотря на то, что он малокультурен, может быть ведущей силой в культурной революции. В культурной революции, так же как в политической, впереди не интеллигенция, а рабочий класс. Именно это создает действительную, практическую, реальную постановку вопроса о культурной революции. И путь культурной революции — сперва завоевание и укрепление советской власти, потом поднятие культуры путем технического и индустриального переоборудования страны.

Этой постановкой мы руководились в течение всей нашей революции.

Когда противники советской власти из меньшевиков, русских и заграничных, выступая против нашей социалистической политики, говорили, что в нашей стране для построения социализма нет необходимой техники и культуры (Суханов, Бауэр), то между нами спор

шел вовсе не об оценке уровня нашей техники и культуры, а о том, нужно ли нам «вызреть» по-меньшевистски для социализма в рамках капиталистических производственных отношений, дорости, в рамках капитализма, до современного европейского уровня техники и культуры, или мы можем не ждать, пока мы «вызреем» и дорастем, можем начать с другого конца и, воспользовавшись «полной безысходностью положения», созданной мировой войной и «удесятеряющей силы рабочих и крестьян», «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного (культурного) уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться *догонять другие народы*» (*Н. Ленин*, т. XVIII, ч. 2, стр. 119).

Мы признали, что культурно и технически отсталый народ, при напряжении всех своих сил, может не только победить своих врагов на поле брани, но может на путях социалистического строительства преодолеть свою собственную мало-культурность, мало-организованность и техническую отсталость своей страны. Рабочий класс России мог взять государственную власть в свои руки и начать строительство социализма не только потому, что буржуазия в нашей стране была слаба, но, прежде всего, потому, что развитие производительных сил России к моменту Октябрьской революции достигло такой ступени, когда организация социалистического производства объективно стала возможной. А капиталистическая организация промышленности предполагает соответствующий уровень культуры и техники и определенную степень организованности своего могильщика — пролетариата.

Когда в 1847 году, 50 лет тому назад, Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Принципах коммунизма» и в

«Коммунистическом Манифесте» ставили вопрос о социалистической революции и обобществлении средств производства, они не ставили никаких дополнительных условий по линии культурного уровня и организованности рабочего класса. Но в то же время они неоднократно подчеркивали, что тот человеческий материал, который у нас имеется, страдает всеми пороками и недостатками старого общества, что потребуются продолжительные сроки для его перевоспитания. Это заставляет предполагать, что они считали возможным начать осуществление программы социализма при тогдашнем уровне культуры и организованности рабочего класса, не требуя «вызревания», не требуя особых внеочередных культурных мероприятий, а полагая, что в гражданских войнах и битвах народов и в строительной работе перестроится сам человек. А уровень передовых стран Европы в 1848 г. не был выше теперешнего культурно-технического уровня СССР, а наоборот.

Но тут мы встречаемся с одним доводом, который теперь приводится некоторыми теоретиками.

Если бы социалистическая революция началась 80 лет тому назад в передовых капиталистических странах, или если бы она теперь началась в Англии, Германии или в Америке, то мы имели бы наивысшую форму производственных отношений в странах, имеющих наивысшее развитие производительных сил данного времени. Неравномерность капиталистического развития за последние 50 лет выдвинула на передовые посты социалистической революции страну технически и культурно отсталую, создала то своеобразие, что «в результате закона неравномерного развития капитализма» «получилось неравномерное приспособление производственных отношений к производительным

силам» (Е. Преображенский). Страны с наивысшим развитием производительных сил (Америка, Германия, Англия) остались еще при более отсталой форме производственных отношений, а страна сравнительно отсталая перешла к высшей форме производственных отношений. Этот парадокс, однако, не означает ничего другого, как только то, что производственные силы во всех капиталистических странах, в том числе и в России, уже вызрели для социализма, что объективные предпосылки социалистических производственных отношений во всех капиталистических странах имеются уже налицо.

Но этим «парадоксом» хотят сказать совершенно другое: хотят сказать, что перед нами трудность не только из-за того, что мы мало-культурны, но еще дополнительные трудности из-за того, что мы менее культурны, чем англичане, немцы, французы, что нам нужно в сверхэкстренном порядке обгонять передовые культурные народы, что не в наших силах. Этим хотят подчеркнуть нашу особую слабость по сравнению с передовыми культурными народами и некоторую незаконность социалистического строительства в нашей стране.

Что мы на это можем ответить?

Раз данная ступень развития производительных сил создала условия для захвата государственной власти рабочим классом и начала социалистического строительства, то ее сравнительная отсталость не создает других новых затруднений, кроме затруднений от низкой техники и малой концентрации рабочего класса, приводящих к сравнительно меньшей обороноспособности революции. Культура есть составная часть производительных сил в широком понимании этого слова. В то же время она есть производное этих производительных сил в узком понимании слова. Каждой данной ступени развития произ-

водительных сил соответствует созданный ею определенный минимальный уровень культурности масс, без которого эта ступень была бы невозможна. Этот объективно минимальный уровень культурности составляет непреходящую часть производительных сил и делает доступным все формы производственных отношений, которые при данном уровне производительных сил возможны. Более высокая ступень культурности, вызванная более продолжительным развитием на данной производственной основе, обеспечивает только более быстрое приспособление к новым более высоким формам производственных отношений. Каждая ступень развития производительных сил и каждый тип производственных отношений определяют формы организации общества и приспособляют к себе человеческий материал.

Этим решается вопрос о соотношении техники и просвещения, индустриализации страны и культурничества в культурной революции нашей страны. Ведущей силой в культурной революции, в виду этого, являются не университеты, литература, искусство, а создание социалистической промышленности и концентрация социалистического пролетариата. Фридрих Энгельс 25 января 1894 года писал в письме Г. Штаркенбергу:

«Если, как вы утверждаете, техника в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то, обратно, наука гораздо больше зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем 10 университетов».

Мы это положение Энгельса можем прекрасно подтвердить опытом нашего революционного десятилетия. Широкая потребность в повышении культурного уровня рабочего класса, любовь и уважение к науке, понимание, что без овладения наукой рабочий класс не может дви-

нуться к социализму, не могли дать для нашего культурного строительства и десятой доли того, что дает наш переход к новому промышленному строительству и рационализации производства. Только возможность вкладывания новых капиталов в промышленность, только возможность переоборудования нашей промышленности влили новые соки как в наши технические школы, так и в университеты и научно-исследовательские институты. Явно реакционными являются взгляды, развиваемые некоторыми академиками (в частности, академиком А. Е. Ферсманом), что научные исследования не поддаются планированию, а являются свободными, что наука не может ставить себя в зависимость от нашего промышленного строительства, а может оказывать ей помощь со стороны. Переход к большей плановости хозяйственной работы ставит перед нашей наукой ряд новых конкретных задач, которые могут быть выполнены, только сочетая планы научных исследований с планами народного хозяйства.

Иначе наука останется бесплодной смоковницей.

Возвращаемся к вопросу об организационно-культурной подготовке рабочего класса нашей страны для социалистического строительства. В том же выступлении в Коммунистической Академии развилась такая система взглядов, что то, что у нас происходит, нельзя иначе назвать, как кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям. У нас прежде всего нехватает достаточной материальной базы для более быстрого культурного движения вперед. А, с другой стороны, нам нехватает человеческого материала, который был бы адекватен социалистической структуре нашей промышленности. Мы имеем явную диспропорцию, явные ножницы между тем

огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав нашу промышленность, с одной стороны, и тем запасом людей, которые могли бы быть в полном смысле социалистическими строителями в смысле государственного правления и в смысле руководства хозяйством. Вот эту диспропорцию, говорит оратор, нам предстоит преодолеть. Мы имеем здесь явный кризис.

Что нам ответить на эту систему взглядов?

Совершенно верно, что мы начали строить социализм в стране, имеющей весьма ограниченные кадры квалифицированных рабочих, в стране, имеющей малокультурный рабочий класс, не прошедший во всей массе до конца долготелней организационной школы в капиталистической промышленности и в организованном рабочем движении (профсоюзы, кооперация, партия). Совершенно верно, что т. Ленин неоднократно указывал на нашу техническую и культурную отсталость. Но разве все это дает основание говорить о кризисе приспособления полученного нами био-психологического материала к новым социалистическим производственным отношениям?

Наши кадры социалистического строительства недостаточны. Важнейший вопрос нашей политики — это подготовка пролетарских кадров. В силу малокультурности наших кадров нередко оказывается, что отдельные органы государственной власти и отдельные хозяйственные предприятия вырываются из рук их руководителей. Но проблема кадров была поставлена нашей партией еще несколько лет тому назад. Тов. Бухарин дал ряд статей, посвященных этому вопросу («Борьба за кадры», Москва 1926 г.). Тов. Сталин в своем выступлении на Московской губпартконференции в январе 1927 г. особо

ярко выдвинул вопрос о расстановке людей в качестве основного вопроса ближайшего периода. Наши вузы работают по подготовке новых квалифицированных руководителей и техников. Кадры, вошедшие в работу 5—6 лет тому назад, подросли и превратились в крупнейших организаторов промышленности и рабочих масс. Да, их недостаточно. Да, для выполнения поставленных нами задач нам нужны гораздо более широкие и гораздо более квалифицированные кадры. Они создаются. Они должны быть созданы и будут созданы. Никак нельзя говорить о кризисе подготовки кадров. Это нелепость.

Мы должны были направить значительную долю внимания рабочего класса на производственную и организационную учебу. Но эта учеба может происходить только в процессе нашего общего роста, потому что наши кадры могут вырастать только вместе с ростом нашей экономики, а не вне его.

Но постановка вопроса о несоответствии нашего «био-психологического материала» новым социалистическим производственным отношениям говорит не только о кадрах, не только о командном составе, а о неподготовленности большинства рабочего класса к делу социалистического строительства. В этом усматривается кризис.

Но это есть клевета на наш рабочий класс, который по праву признан наиболее революционным и наиболее социалистическим отрядом международного пролетариата. Если еще теперь пытаются говорить о непригодности русского рабочего класса к новым социалистическим производственным отношениям, то это означает, что люди, выдвигающие такие теории, не видели тех процессов, которые происходят в рабочем классе. Они не заметили, как распыленный в годы хозяйственной разрухи пролетариат вновь собрался, как он участвует в

организации производства, как он усваивает на своей социалистической фабрике социальные навыки. Да, совершенно верно, что мы не имеем большой трудовой культуры. Но не замечать нашего роста, говорить про отсутствие социальных навыков в рабочем классе и не видеть роста этих навыков — означает не видеть основного процесса, происходящего в рабочем классе. Если кто хочет в 1927 г. все еще повторять заученные слова Ленина о распыленности и деклассированности нашего пролетариата, относящиеся к 1922 г., тот явно не заметил процессов, которые произошли по намеченному Лениным пути и дали уже и впредь еще более быстрым темпом будут давать свои плоды. Постановка вопроса о неприспособленности нашего био-психологического материала к задачам социалистического строительства означает превозношение организационного опыта европейского рабочего движения, прошедшего школу социал-демократии, которая отнюдь не была школой революционной, школой, воспитывающей международную классовую солидарность, которая отнюдь не была безупречной школой подготовки строителей социализма. Европейскому пролетариату, несмотря на его культуру и организационную школу, после взятия власти придется проделать еще большую работу над преодолением своих собственных мелкобуржуазных традиций и мещанских навыков, которую он пройдет более быстрым темпом, чем мы, но без которой и ему не обойтись.

На что же опираются, чем аргументируют теоретики кризиса приспособления «био-психологического материала» к новым производственным отношениям? Хулиганством, упадочничеством, увлечением Есениным. Поэтому все «упадочные» теории культуры проявляются при обсуждении вопроса о так называемом упадочничестве. Но видеть хулиганство и упадочничество и не видеть роста

социалистической организованности пролетариата — значит быть одержимым действительно черным пессимизмом и упадочными настроениями.

Происходит какое-то странное явление. В стране мало-культурной, отсталой, где художественная литература проникает только в незначительные верхушечные слои, вдруг поэта Есенина, сочинения которого разошлись всего в десяти-пятнадцати тысячах экземпляров, делают знаменем общественного явления, происходящего в самых отсталых слоях рабочего класса. Этим дают флаг отсталым настроениям, под которым объединяются все мелкобуржуазные элементы, мелкобуржуазные писатели и поэты, мелкобуржуазная молодежь, не находящая себе места в процессе социалистического строительства. И непригодность на данной стадии их воспитания этих слоев переносится на пролетариат.

Но знаменует ли хулиганство, упадочничество, есенинщина какой-нибудь кризис приспособления биопсихологического материала к новым производственным отношениям?

Для ответа на этот вопрос нужно взять явления совершенно другого порядка. Рабочий класс неоднороден. Наряду с высококвалифицированными, сознательными и культурными социалистическими слоями в нашем рабочем классе имеются слои еще далекие от понимания социалистических производственных отношений, своей социалистической роли и своих задач в деле строительства. У нас имеются слои, которые только что пришли из деревни и не прошли пролетарской фабрично-заводской школы, которые еще полны мелкобуржуазных традиций и на наше строительство смотрят еще как на постороннее дело. Задачей авангарда рабочего класса является подтянуть эти отсталые слои, поднять их до уровня наиболее сознательных и передовых слоев

рабочего класса. Эту задачу берет на себя наша партия и выполняет ее в целом ряде политических кампаний. Кампания по перевыборам советов, поставившая одной из основных задачу поднятия активности отсталых слоев рабочих, ведения борьбы с абсентеизмом и обывательщиной в рабочем классе (без меня, мол, обойдутся), была крупнейшей кампанией по приближению этих слоев рабочих к задачам социалистического строительства, по приспособлению наиболее отсталых слоев рабочих к новым производственным отношениям и к новым формам участия в решении вопросов своего класса. Участие 87% рабочих в выборах по Москве и Ленинграду есть крупнейшее достижение в деле приобщения отсталых слоев рабочего класса не только к советам, но и к новым социалистическим производственным отношениям. Участие 97% рабочей молодежи в избирательной кампании показывает, что в первых рядах в этом процессе идет рабочая молодежь. Не нужно никаких других показателей, чтобы опровергнуть все теории о кризисе приспособления рабочего класса к тем задачам, которые перед ним поставлены строительством социализма в нашей стране.

Стать на «кризисную» точку зрения в вопросах культуры и приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям означает стать на точку зрения неверия в возможность социалистического строительства в нашей стране уже не только из-за нашей технической отсталости, преодоление которой «кризисники» все-таки считают возможным, но из-за отсутствия культурного социалистического пролетариата, создание которого якобы отстает от роста производительных сил страны. Выдвигая вопрос о противоречиях между данным био-психологическим материалом и данными производственными отношениями, говоря о кризисе приспособления, наши «кризисные» философы становятся на доволь-

но-таки скользкую почву. Производственные отношения не есть отношения между машинами, а есть отношения между людьми, в которые (отношения) они становятся друг к другу в процессе производства материальных благ своей жизни. Социалистические производственные отношения становятся возможными, как только носители их оторваны от своих собственных средств производства, т.е. как только создались технические условия для фабрично-заводского труда.

В чем должна заключаться культурная подготовка пролетарских масс к новым производственным отношениям?

В их политической классовой организованности, классовой сознательности и солидарности. Наличие пролетарской партии, пользующейся безраздельным влиянием на массы, участие масс в общественно-политической жизни есть все нужное и необходимое для перехода к строительству социализма. Грамотность есть основа, без которой не может быть никакой культуры. Но грамотность есть только ключ к классовой сознательности и политической активности, к созданию строителей социализма. Никак не возможно сперва создать соответствующий био-психологический материал, а потом создавать соответствующие производственные отношения. По отношению к классам не может быть другого пути воспитания, как организация этих классов на определенной производственно-технической основе и в определенных производственных отношениях. Только на этой основе может быть переделана культура масс.

Нам не хватает достаточной материальной базы, наши ресурсы недостаточны для более быстрого движения вперед в деле организации народного образования и более широкого культурного обслуживания масс. Нам необходимо создать эту базу. Новая фабрика и завод,

новая машина, развитие новых отраслей промышленности есть крупнейшее культурное достижение всей страны и вместе с тем база для более быстрого культурного продвижения вперед. Удвоение пользования электрической энергией в стране, электрификация ряда отраслей нашей промышленности, широкая радиовещательная сеть, ежедневная миллионная масса в театрах и кино суть факты величайшей культурной значимости. Увеличение тиража наших книг по сравнению с довоенным в несколько раз, увеличение тиражей высококвалифицированной научной книги в три раза против довоенной, многомиллионные тиражи политических брошюр суть факты величайшей культурной значимости. Практический подход к осуществлению всеобщего народного обучения, увеличение количества средних и высших учебных заведений, создание целого ряда новых научных организаций, даже при все еще низком уровне оплаты научных работников, при малой обеспеченности студентов и при плохой постановке лабораторий и исследовательских кабинетов, суть факты величайшей культурной значимости. Но еще более крупную культурную значимость имеет факт ассигнования 1.100 миллионов на капитальное строительство, развитие дизелестроения, турбостроения и т. п. в нашей стране, ибо экономика в сумме наших производственных сил играет первенствующую и ведущую роль.

Производственные отношения включают всю сумму экономических сил нашей страны, плюс культура рабочего класса, плюс географические условия и природные богатства. Рост культуры и просвещения не может выскочить из этой суммы сил, но мы должны приложить все силы к тому, чтобы он не отставал. Если нельзя создать сперва высокой культуры и цивилизации, ввести всеобщее народное образование, а потом строить нашу промышленность и поднимать крестьянское хозяйство, то

нельзя поступать и наоборот. Нужно со всей отчетливостью осознать взаимозависимость просвещения и техники, нужно приложить все силы к тому, чтобы рост ассигнований на культуру и просвещение, на науку и искусство соответствовал общему росту производительных сил нашей страны. Это обеспечит нам действительную, реальную, возможность продвижения вперед по путям к культуре и цивилизации, это обеспечит нам действительные успехи на путях культурной революции.

Нет никаких оснований говорить о кризисе советской культуры, нет никаких оснований жаловаться на «ножницы» (модное слово!) между социалистическим сознанием рабочих масс и производственными отношениями. Каждой ступени развития производительных сил соответствует свой минимальный культурный уровень. Мы двигаемся широким фронтом от этого минимального — конечно, не удовлетворяющего нас — уровня культурности к более высокому, мы идем широким фронтом по путям культурной революции, — но идем на основе развертывающейся социалистической экономики.

В. Кнорин.

Помещаемая в настоящем сборнике вместо предисловия статья тов. В. Кнорина взята нами из № 7 журнала «Коммунистическая революция» за тек. год, где она напечатана под заглавием «Культура и культурничество».

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

*УПАДОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ*

Товарищи, пристально всматриваясь в политический и хозяйственный горизонт, вдумываясь в положение нашей страны, — а стало быть, вместе с тем, и всей пролетарской революции, величайшим и решающим актом которой был Октябрь, — можно с некоторым удивлением опросить себя: как в нашей стране возможна сколько-нибудь заметная волна упадочных чувств, притом не у врагов нашего строительства, а у его друзей, или во всяком случае в тех элементах нашего общества (в особенности нашей молодежи), которые мы склонны рассматривать, как свои или к нам близкие.

Международное положение характеризуется нами, как частичная стабилизация капитализма, что означает, с другой стороны, частичную стабилизацию мировой революции.

Но может ли эта стабилизация капитализма, весьма неустойчивая, грозящая военными катастрофами, может ли эта приостановка революции, — на фоне которой, однако, рисуются такие грандиозные события, как всеобщая английская забастовка, забастовка углекопов, движение китайского пролетариата, все более возглавляющего значительные массы китайской бедноты, — должна ли, при всех этих условиях, эта стабилизация внушать нам пессимистические мысли? Я думаю, что ни

Стенограмма доклада и прений в Коммунистической Академии (секция литературы и искусства) 13 февраля и 5 марта 1927 г. — под председательством В. М. Фриче.

для каких пессимистических мыслей нет оснований. Если бы даже мы были в таком положении, когда нам приходилось бы целиком и полностью чувствовать себя зависимыми от явлений мирового масштаба, если бы мы просто сидели у мирового моря и ждали погоды благоприятной для нас, то и тогда мы могли бы констатировать только одно — что нужно известное терпение, что нужна известная выдержка, что Октябрьская революция не была актом, который должен был почти без промежуточных звеньев перейти в решающий, смертельный удар по капитализму. Это значило бы только, что предсказывавшие (в их числе и Ленин), что эпоха пролетарских войн с капитализмом затянется на несколько десятилетий, были правы.

Но положение совсем не таково. Исторические судьбы дали нам возможность даже эту передышку, которую исторические обстоятельства дали не только нам, но и капитализму, использовать необыкновенно благоприятно для наших судеб, для судеб пролетарской революции. Революционные бури, если бы они сейчас возникли на мировой арене, конечно, нас порадовали бы. Но вместе с тем они означали бы наступление чрезвычайно рискованных моментов; и никто не может заранее сказать, что такая бурная форма борьбы с капитализмом непременно привела бы к его немедленному крушению, а не к некоторой заминке, частичному поражению революции, которое революционный марксизм, говоря о перспективах великой революции, всегда допускал, и возможность которого отнюдь не является равной нулю. Наоборот, это равновесие сил капитализма, который не решается на наступательную войну против нас, и наших сил, которые не позволяют нам еще перейти в самую острую форму критики капитализма, критики оружием, дает нам возможность вести необыкновенно плодотворную деятельность, при

которой мы, повидимому, бьем капитализм наверняка и подготавливаем, хотя в медленных и как бы, на первый взгляд, полустрых — в не военных — формах, несомненную для него гибель.

Почему мы постоянно повторяем, что мы жаждем мира? Именно потому, что сохранение мира на наших границах гарантирует нам интереснейшую и принципиально победоносную борьбу на почве устройства нашего хозяйства.

Всякая война, в которую сейчас втянули бы СССР, была бы революционной войной. Но из этого вовсе не следует, что мы желали бы войны и приветствовали бы ее, как переход от заминки к бурным действиям. Мы стараемся и дипломатически — и иными способами — сохранить этот мир потому, что лучше бить наверняка. Хочется, чтобы силы и у нас и на Западе настолько созрели и организовались, чтобы борьба имела характер не частичного и рискованного взрыва, и тем менее обороны от наскока со стороны капиталистов, а имела бы характер действительной революции коммунистических партий во главе международных пролетарских и крестьянских масс, как это предудказано всей тактикой Коминтерна.

Мы знаем, что положение наше до некоторой степени опасно, что капиталистический мир может организовать против нас ту или другую форму интервенции, в виде какойнибудь экспедиции лимитрофов, которая должна была бы пощекотать нас штыком между ребрами, чтобы посмотреть, насколько мы сильны и способны сопротивляться, или более серьезного столкновения с военными силами Европы и Америки. Мы знаем, что возможно кровавое вмешательство враждебных нам сил, которое искусственно помешает процессу нашего роста. Но это ни в коем случае не должно порождать у нас пессимизма.

Каковы причины этих опасностей? Причина заключается в нашем росте.

Именно планомерное развитие у нас социалистического хозяйства, именно то, что вследствие этого магнитная, притягательная сила нашей страны для рабочекрестьянских элементов всех стран постоянно неимоверно возрастает, именно это и заставляет нас априорно предположить (об этом же свидетельствуют конвульсии, которые мы видим в капиталистическом мире), что капитализм готов пойти на какой угодно риск, готов пойти в банк; ибо в мирной игре, которую мы ведем, он безнадежно проигрывает. Если бы для капиталистического мира не было рискованно в настоящее время устроить такую интервенцию, он ее давным-давно устроил бы. Но он не берется за оружие прежде всего потому, что он знает, как массовое общественное мнение рабочих и крестьян встретило бы попытку такой интервенции. Она явилась бы началом быстрого крушения его. Если мы тем не менее опасаемся, что капитализм возьмется за меч, то только потому, что ему все равно грозит смерть и сознание это все больше проникает буржуазный мир.

Таким образом, теперешняя ситуация наша должна была бы преисполнить нас величайшей уверенностью. Мы не только завоевали $\frac{1}{6}$ часть суши, мы не только организовали сильное пролетарское государство, победоносно обороняли его на протяжении фронта в 11 тыс. верст, но мы, несмотря на всю бедность наших ресурсов и материальных и культурных, перешли: к строительству и используем мирную эпоху таким образом, что в общем, по росту нашей массивности, нашей весомости на весах истории, мы прогрессируем сильнее всех других стран. Великая угольная стачка и нынешнее китайское революционное движение до такой степени проникнуты духом наших идей и проходят при нашей моральной поддержке,

что наши «враги прямо считают нас чуть ли не главными авторами этих политических выступлений. Это тоже свидетельствует о том, какое мировое значение мы за это время приобрели.

И, переходя к нашему внутреннему положению, нужно сказать, что оно-то именно и является причиной всего этого, в конце концов благоприятного, хотя и революционно-рискованного, требующего от нас величайшей бдительности и величайшей готовности положения.

Еще в прошлом году, при неудаче большой операции товарообмена, можно было говорить о каких-то острых подводных камнях, на которые мы могли напороться, либо уже напоролись: прошлогодняя задержка хлебных излишков деревней истолковывалась некоторыми политическими работниками даже нашей партии, нашего правительства, как сознательный акт кулачества и доказательство его мощи. Если кулак, говорили они, оказался настолько хозяином хлебных запасов страны, что смог нас «регулировать», то это означает, что вырос уже чрезвычайно важный, второй, негласный хозяин в стране, при всей своей формальной дезорганизованности достаточно единый, с которым нам приходится в высшей степени считаться и который, быть может, регулирует нас не один раз, и не таким частичным образом, а самым широким.

Но хлебная кампания этого года совершенно рассеяла этот туман. Мы видим теперь, что дело обстояло совсем не так, что никакой мало-мальски организованной или полуорганизованной кампании против наших экономических планов в деревне не таится, что крестьянин в прошлом году не бросил хлеб на рынок достаточно интенсивно потому только, что чувствовал бестоварье, которое там царило. А в этом году, несмотря на то, что полного

исчезновения товарного голода мы не достигли и цены еще далеко не урегулированы, он не смог выдержать этой линии (потому что он нуждается в городском товаре) и вывез свой хлеб. Бесхлебья у нас в этом году совершенно нет. Таким образом, это как будто грозное облако «кулацкой опасности» рассеялось и приобрело те черты, которые нам всем хорошо известны. Конечно, деревня растет не только путем кооперации, но и путем поднятия середняцких и отчасти кулацких слоев. Конечно, это представляет собой известную опасность, с этим надо считаться, но мы до такой степени учитываем эту опасность и так прекрасно чувствуем, что в общем овладели этой силой, что здесь не может быть и речи о каком бы то ни было катастрофическом положении.

Каково же в общем положение внутри нашего Союза? Лозунг индустриализации, провозглашенный Центральным Комитетом партии и проводимый Советским правительством, совершенно себя оправдывает. Первый год дал нам возможность кинуть на это дело 1.100 милл. руб. и обеспечил на этот год больший процент роста, чем тот, который т. Рыков предсказал на последней конференции. Мы продвигаемся на 21—22% вперед, тогда как капиталистические страны, самые мощные, самые лучшие по организации, движутся с быстротой 6% в год. Это все чрезвычайно отрадные явления. Хозяйственное строительство в стране происходит в эффектных, бросающихся в глаза формах. У нас скоро Свирьстрой поднимет голову выше Волховстроя, а там пойдет и Днепрострой; мы начинаем постройку громадной дороги, которая свяжет Сибирь с Туркестаном и откроет громаднейшие равнины, на которых мы разовьем первоклассное производство хлопка. И куда ни кинешь взор, везде видишь этот замечательный рост, превосходящий всякие априорные вероятности, обгоняющий по темпу то, чего мы сами ждем. Вот что,

в общих чертах, характеризует наше нынешнее положение.

И в это время начинается речь, и весьма настойчивая речь, о том, что у нас имеются упадочнические настроения, что они растут, что они выражаются в острой волне хулиганства, доходящего чуть ли не до массовой уголовщины, в унынии, пессимизме, безверии. Комсомол получает письма от своих корреспондентов, где говорится, что только верхушка комсомола не видит того, что безверием заражены почти все. Помните, это было напечатано в «Комсомольской Правде».

Повидимому, мы имеем болезнь с двумя симптомами, хулиганством и пессимизмом, которая грызет самые кости нашего молодого поколения. При условиях, о которых я говорил, это чрезвычайно странно и заслуживает самого пристального рассмотрения.

Есть ли у нас такие явления, каковы их границы, каковы причины, каковы формы проявления, и каковы могли бы быть средства излечения этой болезни (если она действительно в нашем организме живет)?

Тов. Томский в своей речи на последней конференции пытался почти отрицать наличие хулиганства, наличие упадочнических настроений в пролетарской среде. Он говорил, что все это не имеет никакого отношения к пролетариату, к пролетарской молодежи, а скорее всего распространено среди интеллигенции, среди деклассированных буржуазных элементов и т. д. И, в некоторой мере, он был прав. Он правильно высмеял преувеличения, возникшие, когда борьба с хулиганством стала модой. Идет паренек и песню насвистывает, — за шиворот его, — хулиган! Такие анекдоты, такие безобразные выходы со стороны не в меру ретивых администраторов имели место, было, и по-моему мнению, значительное преувеличение всего этого «упадочничества», в особен-

ности в том, что касается хулиганства. Кое-кто, кому нравятся панические эффекты, стал говорить по этому поводу: вот, смотрите, какая бездна внезапно разверзлась под нашими ногами! Никакой бездны не было, была только зловонная яма.

Но было бы в высшей степени неосторожно сказать, что пролетариат и его молодежь целиком и полностью здоровы, и что такие явления выдвигаются только среди тех классов, у которых мы вышибли почву под ногами. Это совершенно неверно. Многочисленные факты говорят против этого. У нас есть статистические данные, которые показывают, что хулиганство развито по преимуществу среди молодежи, и не только среди пролетарской молодежи, но даже среди комсомола.

По Ленинграду мы имеем цифры, которые показывают, что процент комсомольцев среди хулиганов больше, чем процент молодежи вообще, так, что может показаться, будто комсомол является не только не противодействием против хулиганства, а даже чем-то способствующим хулиганству. Цифры говорят сухим, точным языком и от них не отделаешься. Я знаю, что в таком большом центре, как Нижний Новгород, когда стемнеет, в Канавине опасно ходить. И там не бандиты зеленые или какого-нибудь другого цвета разбойные элементы, а просто пошаливают свои, которым некуда силушки девать, — ищут себе приключений на улицах Канавина, за невозможностью искать их в девственных лесах Бразилии.

А от другая сторона дела — пессимизм. Факты выхода из комсомола с объяснением, что «выхожу потому, что разочаровался» — учащаются. Может быть дело изменилось в самое последнее время, я не могу об этом говорить, в течение последних двух недель у меня не было отчетных данных, которыми я за прошлое время располагаю, но я не думаю, чтобы могло произойти радикальное улуч-

шение в этом отношении. Разного рода жалобы по этому поводу раздаются и сейчас, и мы имеем здесь симптомы, которые столь же резки и яркие, как известные уголовные факты по линии хулиганства.

Если хулиганство нечувствительно переходит в уголовщину, то пессимизм нечувствительно приводит к самоубийству. И одно время сильно участвовавшие случаи самоубийства среди вузовцев показали, что действительно такая болезнь существует. Не будем ее преувеличивать, будем верить, что это явление все-таки спорадическое, что это только проступающие пятна какого-то нехорошего разложения, не охватывающего весь наш в общем здоровый организм. Но наличие этих явлений мы ни в коем случае отрицать не можем и не хотим.

Прежде всего поставим перед собой вопрос: что такое упадочничество, откуда оно вообще, с социологической точки зрения, берется, каковы корни упадочничества вообще в его двуликости — хулиганства и пессимизма, которые для меня являются совершенно сочетаемыми одно с другим в одном общественном явлении. Делается данный упадочный субъект хулиганом или пессимистом — зависит только от темперамента; пессимист в пьяном виде может превратиться в хулигана; хулиган может в пьяном виде заливать слезами и говорить о мировой скорби, о своей неудовлетворенности. В общем и то и другое вытекает из того же душевного склада. И этот душевный склад мы не должны связывать с какими-то физиологическими причинами биологического характера — рождаются-де такими неудовлетворенными, такова уж их планида, что они должны быть пессимистами. Корни этого явления социальные, хотя большая или меньшая склонность к ним, может быть, объясняется и биологическими причинами.

Упадочничество вырастает там, где много «лишних» людей. Возьмем буржуазный строй в любой стране, хотя бы наш бывший царский режим. Само собой разумеется, что там огромное количество неудовлетворенных.

Мы отнюдь не можем сказать, что неудовлетворенные жизнью вообще ниже по своему типу, чем удовлетворенные. Среди неудовлетворенных, среди недовольных мы должны поставить на первое место революционные элементы.

Революционные элементы, в свою очередь, нужно разделить на инстинктивных, которые принимаются бунтовать против строя, осуждающего их на какую-то скучную, затерянную, голодную жизнь, заслоняющего перед ними перспективы, не давая им двигаться вперед, и на таких, которые действуют организованно. Мы прекрасно понимаем, что неорганизованные бунтари, люди, осознавшие всю звереобразность самодержавия, или протестующие индивидуально-анархическим образом — против буржуазного строя, представляют из себя материал для грядущей организованной революции. Таких бунтарей, такие неорганизованные революционные силы, затаянное или, иногда, вырывающееся бурным порывом чувство ненависти против существующего, порядка, мы рассматриваем как сырье для нас, как материал для нашей пропаганды.

Нам нужно только подойти к этой силе и постараться привязать ее так или иначе к нашему организованному выступлению, говоря им: «Да, ты неудовлетворен — и ты прав, ты миллион раз прав, потому, что действительно общество топчет тебя ногами, вся структура этого общества, вся деятельность государственной власти направлена на то, чтобы навсегда задержать тебя в таком положении. Общество — твой враг, но с ним надо вести борьбу таким образом, каким ведет пролетариат».

Но спустимся несколько ниже этих несознательных революционеров, и мы наткнемся на пессимистов и хулиганов, на людей, которые совершенно не сознают, что именно общество взяло их за горло, прибило их ноги к определенной половице и не дает итти дальше, что никто другой, как общество, в его нелепом построении, является источником тех скорбей и мук, которые гложут их сердце. Они только знают, что им плохо, и отсюда начинают развертывать как бы теоретическое объяснение этого своего недомогания. И находят его обычно или в пошлости человеческой природы вообще, или в коренном зле, которое лежит в самых основах природы, мироздания и т. д. Тут, так сказать, переходы всех цветов радуги — от хандры, пытающейся себя объяснить, до целых философских концепций. В других случаях, у активных элементов эта непроходимая скука, на которую их осудила жизнь, сознание своей заброшенности, выливается в припадки озлобления, с одной стороны, и желания как-то реагировать на угнетение, с другой стороны. Хулиган в бывшей царской России и в нынешней Европе есть озлобленный человек, не понимающий ясно, где причины одури и скуки, которые его сковывают, где причины того чрезвычайного недовольства своим положением, которое в нем возникает. Он хочет отомстить за свои обиды, излить свою злобу, с другой стороны — стремится разнообразить эту свою серую жизнь, раукрасить ее, расцветить каким-то проявлением протеста, ухарством, как-то доказать, что он есть сила, что его должны уважать, что он тоже заставит кого-то шапку перед собой ломать.

Конечно, и то, и другое явление могут принимать болезненные, отвратительные, безобразные формы. Пессимизм может принять форму полного разложения духовных сил человека и довести его, в конце концов, до самоубийства, самоистребления. Хулиганство может принять

характер издевательства над слабыми, над которыми можно покуражиться, иногда — характер организованных выходов, овладения путем физической силы какой-нибудь улицей или проезжей дорогой, чтобы там «поцарствовать». Это уже превращает хулиганскую банду в своеобразную разбойничью власть в известном квартале и кончается чрезвычайно часто уголовщиной, хотя бы по одному тому, что каждый хулиган старается превзойти другого на этом поприще — существует такая своеобразная борьба честолюбий, — а на общество нам-де наплевать, мы ничего не боимся! В конце-концов это толкает на поступки все более и более озорные, все более и более зверские. От хулиганства до бандита — в особенности, если хулиганы организовались в банду — один шаг.

Не отрицая того, что пессимизм и хулиганство могут принять в не революционном, в не социалистическом обществе очень тяжелые формы, отвратительные формы, мы говорим, что эти явления там все же естественны. Мы далее спрашиваем себя: кто же все-таки ближе к нашим симпатиям — такой ли пессимист и хулиган или добродетельная обывательская овца, которая в царские времена, или в нынешней Европе говорит, как чеховский учитель: «Я доволен!»? На этой овце зиждется сила буржуазии, это вечный, или по крайней мере долговечный, источник ее. А власть буржуазии — организованное хулиганство, издевательство меньшинства над большинством. И поэтому даже те, кто выражает свой протест в чувстве неладности чего-то в мире, в тоске — стоит выше того, кто к этому миру приладился, кто себя чувствует в нем добропорядочным элементом, стой он наверху или внизу, будь он самодовольный пан или самодовольный холоп. Хулиган в некоторых случаях радует наше сердце — но только когда он проявляет себя в чужой, буржуазной стране. (Смех).

Товарищи, когда приближается революция, давление на стенки государственного котла усиливается, и тогда хулиганство растет. Перед 1905 и перед 1917 г. росла волна хулиганства, хулиганства в значительной степени неорганизованного, несознавшего своего протеста; когда полиция начинает говорить все тревожнее о хулиганстве, о том, что от дерзких выходов деревенских парней проходу нет, что фабра в окружности Ленинграда стала такой, что подступу к ней нет, ни перед какой кокардой шапки не ломают — это все как будто озорство, но озорство такое, которое заставляет насторожить уши всех блюстителей порядка, которое означает, что внутри общества накопились такие элементы, которые не могут найти себе дороги в нем.

С одной стороны рост хулиганства и рост пессимизма является признаком приближающейся революции, а, с другой стороны, эти группы, в лучших своих элементах, — там есть элементы более или менее хорошие, для которых есть спасенье — являются силой, питающей дальнейшую революцию.

Во время резко выраженной политической революции, во время боев, хулиганство прекращается. Я должен сказать, что на некоторое время прекращается даже уголовщина потому, что многие взломщики, карманчики и целый ряд подобных милых людей говорят о себе: «зачем же мы будем воровать, когда на другой день, может быть, собственности-то не будет. Надо подождать». А для хулигана, для массового озорника, для озорника в силу недовольства своим существованием, в силу недовольства общественным строем, хотя бы не сформулированного никак, открываются великолепные перспективы, он слышит громкий голос: «Иди мстить. Иди разрушать. Иди низвергать, иди военным путем устраивать наше общее счастье». И хотя ему придется пустить кому-то кровь и,

быть может, самому пролить ее порядочное количество, даже пойти на смерть, — это его не пугает.

И Блок в «Двенадцати» правдив. Мы знали таких. Не они, конечно, делают революцию. Революцию делает организованный пролетариат; но такие полухулиганствующие элементы идут в революцию охотно. И как во время наводнения в Ленинграде не бывает луж, — какие уж лужи, когда второй этаж залит! — так и во время революции исчезает хулиганство; ибо то, что является дезорганизованным, грязноватым проявлением недовольства, вырастает во время революции в колоссальную разрушительную стихию, которая с трудом сдерживается силами организованных. Были, конечно, во время революции эксцессы, чрезмерный ненужный террор, всяческие разрушения. Но прав, конечно, был Ленин, когда говорил, что нельзя без этого: лес рубят — щепки летят. Революция дело косматое, дикое, стихийное, но в него надо внести максимум организованности. И в этом бесконечная честь и слава нашего пролетариата, в частности коммунистической партии, что такую гигантскую волну стихийной революции, которая разлилась по городам и деревням, в конце концов сдержали и ввели в рамки государственности и революционного порядка. Но без этой стихии, без этого превращения каждого недовольного в мстителя и разрушителя, организованная революция, пожалуй, ничего сделать не может.

Теперь мы победили, мы строим. Отчего же у нас теперь есть и пессимисты, и хулиганы? Конечно, оттого, что мы только строим, а не построили уже. Целый ряд явлений, которые приводили к наличию лишних, недовольных, скучающих людей, есть еще и сейчас. Это общий тезис, из которого я буду исходить в дальнейшем.

Первым делом мы имеем огромное количество очень интересных, истинно-революционных элементов, которые

на наших глазах в настоящее время разлагаются, погружаясь в пессимизм; а ведь там, где есть такой сердечный надрыв, легко переходят и в самое настоящее хулиганство и даже в уголовщину. Я не могу сказать, чтобы я был в безусловном восхищении от последнего романа Леонова «Вор», но, по существу говоря, его Векшин есть фигура, над которой нужно задуматься. Как это происходит, что люди, бывшие в нашей Красной армии, превращаются в «Евграфов, искателей приключений», в Векшиных и т. д.? Ведь подобное явление встречается и среди коммунистов. Сначала уныние: «Эх, брат, не те нынче времена, обмещанились мы». Потом пессимизм: «Не удалась революция. Напрасно кровь проливали, опять вернулись к старому». А дальше — совершенная потерянности, озлобленность, отсутствие идеала, незнание, куда себя кинуть, доводящие до того, что те силы, которые прежде, когда пушки стреляли, шли на революционное разрушение, теперь, не находя применения, врываются и ранят всех, кто попадает под этот взрыв.

Почему это так? Потому, что мы вовлекли в нашу революционную армию огромное количество людей, которые осознать все внутренние закономерности движения, в котором приняли участие, не могли и сейчас не могут. Они с величайшей богатырской энергией рвались в бой. Почему? Потому, что казалось им: вот еще какая-то позиция врага, вот еще несколько вершин, на которых укрепился враг, — но ведь это последние. Возьмем их — и увидим, наконец, дорогу в обетованную землю. Там дальше социализм, там дальше — счастье. А плечи в синяках и сочатся кровью. Ничего! Этим окровавленным плечом еще раз ухнем, вышибем и эти ворота, и дальше — царство правды на земле.

И воевали, и врага вышибли, а царство правды сразу не обрели. Что мы завоевали? Мы завоевали нашу страну,

внутренне очень богатую, а по степени развития экономики — убогую, да еще до крайности разрушенную войной. Мы завоевали право на десятки лет тяжелого напряженного труда, чтобы создать из завоеванного нами сырого материала, из этих руин и прежде небогатого русского хозяйства базис для нашего социалистического счастья. Разумеется, кое-кто разочаровался.

Другие думали: конечно, не сразу счастье придет. Надо успокоиться, пот с лица стереть, а там и за именинный пирог сядем. — Но идет год, другой, третий — и все как будто по-старому, а в иных отношениях и хуже старого. За что же тогда боролись? Не обманывают ли опять? Этот длительный труд, это длительное ожидание само по себе уже начало плодить, с одной стороны, пессимизм, а с другой, для более активных натур, нелепые выходы.

Кроме этого, есть и другие причины. Говорят: «Знаете, ребята, вы не разочаровывайтесь: надо работать. Теперь надо отложить винтовку и браться за инструмент». Но растащить, например, автомобиль, чтобы его как будто и не было — это легко, а построить автомобиль трудно. Уметь работать в нашем государственном хозяйстве еще гораздо труднее. Нам нужно большое количество пролетариата высокой квалификации, нам нужны в деревне руки, способные вести все более и более интенсивный, обмашиненный труд. Огромное большинство ни в чем неповинных, иногда симпатичнейших молодых людей не умеет ничего этого делать. Они говорят: учите нас. Каждый раз, когда у нас в Москве бывает прием в вузы, стоят толпы в Наркомпросе, ходят за мной гуськом, плачут, показывают стоптанные лапти, в которых пришли издалека. Хотят учиться. Но количество мест, которое мы можем предоставить, ничтожно по сравнению с этой волной желающих. Кроме того, некоторые совершенно

к учению и планомерной работе не подготовлены и не знают, куда себя деть.

Переквалификация всей страны — это само по себе дело гигантское. Мы имеем сотни тысяч безработных и в то же время боимся как бы нам не споткнуться об отсутствие рабочих рук. Но нехватает нам именно квалифицированных рабочих. Железный голос революции сказал: ты умел разрушать, посмотрим, умеешь ли ты строить. Это относится к каждому из нас. Мы пришли к строжайшему экзамену — умели ли мы только завоевать право быть хозяином, или мы способны быть хорошим хозяином.

И здесь у многих руки опускаются: в школу не попал, на завод не попал, есть кое-какая работешка, — но какая жалкая плата, какая скука, я не удовлетворен этим, не того душа просит. Скучно стало. Да еще после таких происшествий, какие были в жизни, после того, что за год переживал больше, чем за 50 лет обычной жизни! Я бы сказал, что для многих в этом отношении теперь стало хуже, чем в военную пору. Разве вы не слышали, не видели, не читали, по крайней мере, про эти факты, которые в настоящее время повсюду разбросаны? Человек, который дрался на фронте, не имеет порядочной квартиры, не имеет обеда, часто даже не имеет гривенника, чтобы зайти погреться чайком, видит витрины магазинов с предметами довольно утонченного комфорта, может встретить какого-нибудь спеца или нэпмана, о котором доподлинно знает, что он в лучшем случае где-нибудь хоронился, а в худшем поддерживал врага, а теперь под'езжает к магазину, чтобы купить роскошные вещи для своей любовницы, или всякой снеди у «быв. Елисеева». Постоянно встречая на улице такие вещи, он говорит: «Ах, вот что — поклонились буржуазии! Призвали ее торговать. Даете ей барыши. Позволяете ей роскоше-

ствовать. Спеца посадили мне на шею, дали ему сверхжалованье. А я задавлен нищетой. Значит, для них все это было? Моими руками жар загребали». Какой же может быть отсюда вывод? Так как организованного вывода, к счастью, быть не может и не будет, — для этого слишком сильна наша партия, — то получается неорганизованный вывод. У более пассивных: слезы, водка и слезы; у более активных: ругань, водка и хулиганские выходки.

Но это свойственно не только этим элементам, но и таким, как вузовцы. Говорят: «грызите гранит науки». А он уже часть зубов сломал, остальные должен класть на полку. Сидят друг на друге в общежитии; чувствует вузовец, что он заболел, что ему бесконечно тяжело, и в то же время он видит кажущиеся противоречия, — в его глазах преступные противоречия — того, что принес с собой НЭП.

Товарищи, я не знаю даже, стоит ли терять слова для раз'яснения того, какая огромная ошибка подобные выводы и настроения с точки зрения марксистского, ленинского подхода к политике. Для всех вас совершенно ясно, что мы не можем не оплачивать высокого спеца, хотя бы пролетариат еще должен был держаться на чрезвычайно ничтожной плате, хотя бы были везработные люди, люди в нищете, потому что без спеца мы не сможем двинуть вперед нашу индустрию. Нам нужны спецы не только в промышленности, но и в здравоохранении, по путям сообщения и во всех других областях. А спеца нельзя заставить работать добросовестно под револьвером. Ленин говорит, что мы не только должны оплатить спеца приблизительно так, как его оплачивали раньше, чтобы его не тянуло за границу, но еще должны окружить его товарищеским отношением; только тогда он перестанет нас ненавидеть и тогда откроется для него путь если не к товариществу с нами, то, по крайней мере, к увлечению

делом строительства, которое мы ему поручаем. Нам нужно купить его не только материально; нам нужно купить этого самого спеца и моральным сочувствием. И не о том мы должны кричать, что спец слишком много получает, а о том, что он мало получает, когда слышим такие почти истерические речи, как, например, на съезде ученых. Они говорят: вы нам даете $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$ часть того, что мы получали раньше. Проф. Салазкин, один из виднейших ученых, с горечью говорит, перечисляя всякие беды, в которых живет ученый: «Нам говорят, что нас любят и уважают. Нет, пока, мы будем в таком положении, как сейчас, мы будем говорить, что нас не любят и не уважают». А мы их действительно любим и уважаем: уважаем, конечно, потому, что это большая творческая сила, а любим потому, что эта сила — очень благотворная. Мы не говорим им: вы буржуазного происхождения, у вас папаша и мамаша были такие-то, вы тайный советник, проделывали вместе с Кассо такие-то операции, и к нам пути для вас заказаны. Мы ведь не говорим: пушка, ты — буржуазная, ты отлита на буржуазном заводе и мы из тебя не будем стрелять (смех). Мы ее просто поворачиваем на 180 градусов и стреляем в буржуазию. Неумелый человек и пушки не повернет. А спеца надо повернуть чрезвычайно тонко, ибо он будет нам служить только если будет нас хотя бы чуть-чуть любить и уважать.

Если спеца оплачивать хорошо, то надо давать ему возможность и покушать на эти деньги.

То же и с нэпманом. У нас сейчас около полумиллиона частных торговых посредников. Мы постепенно вытесняем их не только из оптовой и полуоптовой, но и из розничной торговли, вытесняем и госторгом, и нашей кооперацией. Но покамест спецы-торговцы нужны так же, как специалисты в производстве, на фабриках и в мастерских. Я помню, как Владимир Ильич говорил с комическим

ужасом, когда узнавал о все новых национализациях: «боже, чего мы только не национализировали — до последней калачной лавочки!» А национализировали потому, что надо было разбить промышленный аппарат врага. Когда свой начали создавать, оказалось, что крыша есть, а стен нету. Оказалось, что централизация товаров, а отчасти и производства, без наличия частного производителя и торговца в наших условиях немислима. И Владимир Ильич правильно говорил, что если бы они с самого начала пошли на стовор, мы может быть с самого начала стоворились бы с ними, но они не пошли на это, боролись против нас, и мы их разбили вдребезги. Мы и теперь под твердым пролетарским кулаком держим эту публику. Мы даем им какую-нибудь аренду, но вместе с тем указываем пути, по которым она должна идти. Буржуазного духа мы, как Гассан в арабской сказке, в бутылку загнали; теперь мы выпустили его оттуда — не для того, конечно, чтобы он украшал благовонием своим атмосферу нашу, мы прекрасно знаем, что дух этот нечистый; но он нам необходим, он должен сослужить нам службу, и он ее нам неуклонно служит.

Но надо позволить иметь барыш. Мы не позволяем ему капитализировать его, но мы должны дать ему возможность расходовать деньги: нето, для чего он будет работать? Мы должны позволить нэпману «пожить». Нищета наша избывается через посредство того, что мы этим, часто нам чуждым, враждебным, иногда едва-едва примирившимся с нами элементам даем возможность жить довольно комфортабельно и довольно хорошо зарабатывать. Они нам нужны для нашего строительства. Но людям, у которых нет политической подготовки, это понять трудно. Они констатируют изменения: «У меня четыре раны и орден Красного Знамени: и у меня власть, которую я защищал, вынула хлеб изо

рта и отдала спецу и нэпману». Это источник для пессимизма, это же источник и для хулиганских выходов: «Вот встречу такого пузатого нэпмана с его дамой в пустынном переулке. Я напомню ему 18-й год!». Словом — «запирайте этажи, нынче будут грабежи».

Однако, влияние буржуазных элементов в нашей стране не ограничивается только тем, что они самим своим существованием мозолят глаза этим неустраившимся элементам, часто с хорошим революционным прошлым. Они, кроме того, влияют прямо, непосредственно. Я говорю о тех помойных ямах, в которых существует у нас и в которых догнивает разная, обездоленная революцией, интеллигенция, своими кокаинными чарами обслуживая и мир более зажиточной новой буржуазии. Из этих наполненных миазмами ям идет удушливый запах гниения, который заражает атмосферу: он просачивается в литературу, в театр, сказывается в суждениях, в уличных разговорах, намеках. И там, в этой среде деклассированных или прижатых революцией, тех, кому предстоит социальная смерть, кого революция постепенно изжует и переварит, там, конечно, эти пессимистические явления вполне уместны, они непременно должны там быть. Там только тот не пессимист, кто недостаточно сознает свое положение: а сознает свое положение — ему каюк. Если он осознал свое положение до конца и сказал себе: брошу это и пойду на тот берег, — тогда он должен пересоздаться и отвергнуть свой класс. Но на это способны только отдельные исключительные единицы. И вот неизбежно соединяются вместе те, кому предстоит умереть, и те, кто еще социально не родился, перед кем большое будущее, о ком мы заботимся, когда строим социализм, который поднимет их до жизни, достойной человека. А пока, неудовлетворенные, не сознавая этого пути, который им кажется нелепым зигзагом, подпадают они под влияние

того, кто недоволен сознательно, по самой своей классовой сущности.

Хулиганы, как говорят ленинградские данные, почти всегда оказываются пьяными во время совершения своих «подвигов».

Неправильно думать, что водка сама по себе может явиться корнем каких-нибудь социальных явлений. Нет, корнем она не является; но если злой корень поливать водкой, то он быстрее дает ростки. Мы все знаем эту горькую философию водки, которая нам навязана самой жизнью и культурным уровнем страны. Когда водка была запрещена, развился в ужасающих размерах самогон. «Веселие Руси есть пити». И поэтому, если ей не давать водки, она из себя самой испускает ее и при этом при самых неблагоприятных условиях, потому что тогда она делает ее, с точки зрения гигиенической, отвратительно, да еще без контроля государства. Прибыль при этих условиях остается в руках самогонщиков. Мы пустили сначала водку дорогую и слабую. И эта водка была положена самогоном на обе лопатки. Пришлось сделать водку достаточно крепкой и дешевой, чтобы вытеснить самогон.

Но тут в городах развились всякие пьяные подвиги. Когда нам в Совнаркоме делали по этому поводу отчет, то (человек, конечно, поневоле смотрит с точки зрения своей непосредственной работы) один уважаемый товарищ с величайшим удовольствием оказал: теперь, с понижением цены на водку, достигнуты замечательные результаты — в Ново-Сибирске стали пить в пять раз больше. (Смех). Вот, товарищи, говорят нить можно, но не до бесчувствия. И, по-моему, вести эту водочную политику — тоже. Надо все-таки знать какую-то меру и помнить, что мы боремся с самогоном вовсе не для того, чтобы открыть побольше своих кабаков. Насчет водки можно бы-

ло бы многое возразить, но политика наша по водке все-таки, в конце концов, здоровая. При тех обстоятельствах, которые сейчас имеются, иначе нельзя было поступить.

Но вот я был недавно в редакции «Правды» на собрании рабкоров. Мы провели вечер в великолепном контакте. Но работницы выступали в буквальном смысле слова со слезами и говорили о пивных нашей красной столицы Москвы, которые так расположены, что, получивши заработную плату, мужа раньше, чем попадают домой, проходят через пивные. Да хорошо, еще, если бы только пили, а то там какие-то женщины напудренные что-то выделывают на эстраде. Зашел бы муж в пивную, выпил бы пару бутылок: а то он оставляет там половину заработка. Зачем это все делается? Что это? Культура, может быть? Может быть, музыку прививаем, или вообще то или иное прикосновение к цивилизации? Нет. Если спросить у наших водочных и пивных вельмож, — королей у нас нет, у нас республика, — какими культурными целями они могут оправдаться, они ответят только одно: мы выжимаем проклятую копейку, которая идет, в числе прочих затрат, и на культурные цели. А что это означает? Что мы толкаем рабочего на бесконечно нерациональные траты его и без того невысокого заработка. Я считаю, что такая вещь, как политика привлечения в пивные, до такой степени не клеится с нашей широкой борьбой с хулиганством и пессимизмом, как это только может быть. (Аплодисменты). Товарищи, повторяю, нельзя думать, что это есть корень зла. Но правда, что пьяному море по колено; верно и то, что — что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. Трезвый он сдержался бы, принял бы во внимание всякие привходящие обстоятельства, а раз он пьян, эти обстоятельства исчезают из его соображения.

Вот совокупность причин больших и маленьких, которые порождают эти явления. Эти явления должны уничтожиться сами собой, по мере нашего общего хозяйственного и культурного роста; но это не значит, что мы не должны их организованно, усиленным темпом уничтожать.

Что мы сейчас можем сказать хулигану? Если бы такой хулиган, парнишка лет 16—18, который озорует, как только может, встретился бы нам в старое царское время, мы бы объяснили это тем, что он не знает, куда девать свои силы, тем, что все это нелепая игра крови: выражается она, правда, в отвратительных поступках — но происходит это потому, что жизнь не сладка, нет у него той культурной, разнообразной жизни, в которой места не остается для этой гадости. Мы бы ему сказали: ты поставлен в такое положение своим классовым, социальным врагом и этими силами, которые ты затрачиваешь чорт знает на что, ты попробовал бы нам помочь, хотя бы по части раздачи прокламаций. И из таких людей выходили бы иногда превосходнейшие революционеры.

А сейчас, что мы можем сказать хулигану, пессимисту, изливающимся в слезах? — «Как же ты не понимаешь, что, в отличие от всякого строя в Европе, который по самому существу направлен к тому, чтобы увековечить те корни, от которых получают эти самые твои страдания, у нас весь общественный строй, вся государственная деятельность направлены к тому, чтобы эти корни уничтожить. Поэтому надо развить, воспитать в себе стойкость, терпение и стремление во что бы то ни стало научиться подойти с какой-то стороны к нашему строительству. Мы тебе протянем руку, поможем, насколько сумеем». — Надо только помнить, что одних раз'яснений, конечно, не достаточно. Часто они бессильны. Понятно, что в человеке, который находится в безвыходном поло-

жении, которому очень тошно, раз'яснение, что, по существу говоря, мы, в целом, движемся вперед, часто вызывает только новый глухой протест: вот вы движетесь вперед, а меня это движение не коснулось. Это все равно, что человеку, которому трамвай перерезал обе ноги, сказать, что статистика показывает, что такие случаи становятся все реже и реже. В этом смысле, товарищи, нельзя, конечно, считать, что такого рода убеждения могут иметь волшебное действие. Но известное значение они все же имеют. Я об этом скажу после, когда перейду к известной программе, намеченной Совнаркомом в разрезе государственном и общественном.

Но раньше я хочу остановиться на есенинщине, о которой меня просили специально поговорить. Действительно, разобраться в этом симптоме упадочных настроений, уделив ему минут 15, довольно любопытно.

Обыкновенно, когда подходят к Есенину, к его поэзии, прежде всего стараются установить, что он сам хулиган, сам пессимист, сам упадочник. Это до некоторой степени верно, но только до некоторой степени. Это односторонняя и для нас мало выгодная позиция. Мы этим замалчиваем кое-что из того, что нам нужно для борьбы с есенинщиной, ибо, по-моему, одним из самых крупных борцов против есенинщины должен явиться сам Есенин. Это тот человек, который совершил акт большого мужества в борьбе с хулиганством. Вот эту сторону мне и хочется раскрыть; попутно я хотел бы сказать несколько слов и о Есенине вообще.

Не нужно Есенина и есенинщину отождествлять абсолютно. Конечно, мы при этом ни недооценивать, ни переоценивать Есенина не будем.

Есенин был человеком с очень нежной душой, чрезвычайно подвижной, очень легко откликающейся на всякие прикосновения внешней среды, и, как это у художни-

ка и должно быть, кроме этой необыкновенной нежности и впечатлительности душевной, он имел талант чрезвычайно точно и свежо, по-своему, эти свои, столь быстро возникавшие и изменявшиеся настроения передавать. Не подлежит никакому сомнению, что обе стороны того, что делает поэта поэтом, у него были: большая, исключительная впечатлительность и дар поэтической речи — и притом не простой, а именно речи, насыщенной эмоциями, речи, при помощи которой можно передать переживания, возникающие при различных столкновениях с внешней средой. И как такой чувствительный манометр того, что происходит вокруг, он был достаточно замечателен, хотя сфера влиявших на него явлений была сравнительно узка. Как мастер слова, он уже, несомненно, представлял собою выдающееся явление.

Но вместе с этим мы должны сказать, что с самого начала Есенин по существу не представлял собою той первоклассной обще-социальной величины, того, так сказать, сокровища общественного, каким его пытались сделать. Явился он из деревни. Неточна версия, что он чистый деревенский самородок; он окончил учительский семинарий. Это был мужицкий интеллигент, полукулацкого происхождения. Он сам говорит, что больше других на него, на деревенской почве, влияние имел религиозный, кулаковатый дед. Он пришел в город с песней о деревне в то время, когда было не совсем здоровое, с оттенком распутинщины, пожалуй, увлечение деревней. Это был акт такого народничества наизнанку, с обратного конца, братания городских и деревенских верхов. А тут свежий человек, которого еще одели в шелковую рубаху, бархатную безрукавку, а ля распутинский мужичок, и человек этот сладко поет, говорит свои стихи, и ничего в нем нет такого, чтобы могло шокировать кого-нибудь, кроме нашего брата-революционера. Деревня, в красоте ее пейзажа,

которую Есенин умел передать прекрасно, деревня, в которой опоэтизированы убожество и покорность, которые ей присущи так же, как и природа, полная грусти, — эту, вечно веющую над деревней, печальную песню уловил Есенин, и ее прекрасными звуками, очаровательными складками узорного плата народного, он одевал все свои деревенские впечатления.

А, кроме того, все это сильно пахло ладоном. Купола в значительной степени закрывали весь пейзаж. Почерпнутые из духовных книг сравнения, церковщина, во всем своем многообразии, глядели из всех углов. Эти поповские представления и сравнения пронизывают во всех направлениях поэзии Есенина первого периода. И они создали ему очень широкий успех. Такое было время, что и у мужичка готовы были «искать правды», и мистицизмом увлекались, и за новинками гонялись. Понятно, что на Есенина обратили внимание: «Вы слышали Есенина? Вы, душечка, еще не слышали Есенина? Послушайте, очень интересно». В меценатствующих на полкопейки кругах Есенин вошел в моду в качестве пейзажа, пейзажного поэта: поет приятно, сладко — прямо, как тульский пряник! — и притом несомненный мастер. Я не придаю большого значения тому, что в дооктябрьский и послеоктябрьский период у Есенина были порывы революционного чувства. Правда, оно говорит: «я большевик». Но на самом деле это для него самого было довольно неясно. Он с восторгом говорил: «Пляшет перед взором буйственная Русь». Элементы разинщины и пугачовщины имелись в нашей революции, и эти элементы доступны пониманию крестьянства, в том числе и Есенина. Пойти богу помолиться, а если лишняя чарка выпита, так и ножичком чиркнуть, — ведь это лежит в крови «русского человека», особенно того круга, из которого Есенин вышел и которому остался верен. Но нужно было выйти из этого

узкого поэтического круга, погрязшей в прошлом деревни (мы знаем, конечно, и другую нашу деревню), перебросить мост к городу, к революционному городу; а это Есенину ни в какой степени не удалось. Осознать внутреннюю сущность пролетарской революции он мог только путем чрезвычайно усиленной работы над собой и над всем общественным материалом, его окружающим.

Вначале он не только этого не сделал, но даже и не стремился к этому, тем более, что город его захлестнул мутной кабацкой волной. «Ты поэт — и мы поэты, ты должен быть среди нас, ты будешь одним из первых, а, может быть, и первым» — так заманивала его городская «кабацкая Русь». Нарядили его в цилиндр. Он даже в деревню писал: я теперь высокий поэт, и даже в цилиндре хожу. Его стали пропитывать всеми отвратительнейшими пороками, отвратительнейшим ядом городских отбросов. Есенин, сделавшись городским, обласканный городом, стремился доказать, что «мы тоже не в лапоть сморкаемся, мы всем вам, шершеневичам, покажем, что значит смысленый крестьянский поэт». И Есенин, как широкая натура, пошел во всю. Кабацкие людишки гибнут неизбежно, но иногда они умеют рассчитывать свою дозу кокаинчика на долгий срок, на очень долгий срок жизни. А этот не рассчитывал никак. Всех перепить, всех перестихотворить, всех перехулиганить! И т. к. он был талантлив, то штуки свои показывал очень мастерски, делал всякие кульбиты и сальтомортале ради того, чтобы всех перепить и перепеть.

В этом было много не только -бессодержательного, но порой и просто оскорбительного. Есенин, взапуски с другими, стал замазывать нечистотами лицо своей музыки. Я так именно и писал в моем открытом письме к имажинистам, заявляя, что отказываюсь от всякого отношения к ним: вы воображаете, что, нарумянив вашу музыку нечи-

стотами, делаете подвиг, а я думаю, что вы устраиваете надругательство над собственной своей душой.

Развал внешний, нетопленная, неосвященная Москва, вышибли всех из колеи ровного быта; казалось, повисла над всеми чуть ли не неминуемая гибель. Голодное существование толкало на пир «во время чумы» тех, кто не дрался, кто не строил, тех, кто не участвовал в самом процессе революционного разрушения и революционного строительства. Это создало Есенина второго периода.

Товарищи, теперь перехожу к третьему периоду жизни и творчества Есенина. Есенин стал ощущать, что у него не только трясутся руки, болит голова, не только чувствовал, что он стареет и что не только все ему надоело, перестало доставлять радость, но что меркнет и его талант, меркнет, как потухающая лампа, в которой нет керосина. И тогда он испугался и — взмолился к окружающим. Он бывал у многих наших товарищей, он был и у меня. Он просил, чтобы его выручили, потому что он, как герой знаменитой английской повести, сначала по собственной своей воле, вполне свободно пустил в себя эту обезьяну гульни и разврата, а потом оказался в ее лапах. Как сейчас вижу перед собой Есенина с его прекрасным лицом, с испуганными синими глазами, которое как будто говорит: вот сейчас возьмет меня опять, уже сосет под ложечкой, совершается то преображение, которое описывается в английской повести, как нашествие духа, которого сначала призывали нарочно, но который потом стал приходить сам, приходить и искажать это прекрасное лицо в морду гориллы, искривлять все тело; и дух этот гонит к тому, чтобы опять как-то спастись от неверия в себя там же, откуда ушел, где губил себя в эти годы, которые уже разложили сердце и изъели мозг.

В это время Есенин выкидывал разные хулиганские поступки. Незадолго до своей смерти он пришел ко мне,

рассказал, как он обругал в пьяном виде курьера Наркоминдела и говорил: «что поделаешь, знаю, что он милый человек. Я считаю, что я сам не плохой человек, но когда я пьян, я ничего не понимаю, я не помню, что говорил. А уже был судебный процесс, ославили меня на всю Россию антисемитом. Теперь опять в суд зовут. А я просто не могу еще оторваться от этой, подлой водки». И лицо у него было искаженное, бледное и бесконечно искреннее. Человек спастись от этого не может, но он хотел спастись. Он был искренен, когда говорил, что «хотел бы я, задрав штаны, бежать за комсомолом». Он и за Марксом сидел, зубрил, стараясь что-то понять. Но вещь эта была для него трудная: другое направление ума. А тут еще постоянное напоминание всех развратных привычек: иди к нам, ты наш, для тебя спасения нет. Наступил глубокий упадок; этим пользовались контр-революционные круги и говорили: ничего теперь Есенин не пишет; как взялся за советские мотивы, гораздо меньшим талантом стал.

Второй и третий периоды Есенина поэтически самые сильные. Это был взрыв тоски, отчаяния, самоосуждения. Уже во второй период его жизни ужас этот сквозил в обращении к людям, которые его топят в водке, уже тогда появилась снова тоска по деревне, выступает сознание, что может быть он уже ненужен, вообще, не нужен людям, которые строят будущее. Это выступает все время в напечатанных и в особенности в ненапечатанных в то время (напр., «Черный человек») стихах. Он видел свою гибель, его нежную, чуткую душу все сильнее угнетало это безвыходное, беспросветное крушение, в котором он винил прежде всего себя самого. Но он был прежде всего поэтом, и настроение это стало источником чудесных песен скорби. Когда Есенин себя убил, он убил в себе хулигана, пьяницу, убил в себе пессимиста. Он решил: поро-

ки сильнее меня, они убивают во мне поэта, хотят превратить меня в обывателя, который коптит небо, или в окончательного кабацкого пьянчужку, который когда-нибудь, потеряв все, будет стоять на углу и просить гривенничек на выпивку. Нет. Я их убью, потому что во мне еще жив, еще силен поэт.

Есенин хотел жить, как настоящий человек, или не жить вовсе.

Вот почему я говорю, что портрет Есенина делает его борцом против есенинщины. И когда говорят (среди вузовцев это, кажется, особенно часто бывает), что Есенин погиб не потому, что он был ниже нашей действительности, а потому, что он выше ее, то в этом просто сказывается нездоровость мыслящих так. Оттого-то он и тосковал и пьянствовал, что у него советская поэзия не шла из уст. Есенин до хрипоты, умирающим голосом кричал: я себя осуждаю, я лишний, я хочу здоровья, но у меня его больше нет. А часть публики вообразила, будто именно нездоровье это хорошо, и в его смерти увидела не тот своеобразный подвиг, который сводился к тому, чтобы разделаться с собой за то, что стал негоден, а какой-то род протеста. Против кого? Конечно, антисоветские, контр-революционные элементы поняли смерть Есенина, как протест против советского строя, который будто бы никого не устроил. А на это поддались и такие элементы, которые оказываются в скорбном положении, не понимая, что те вершины, которыми надо овладеть, могут быть захвачены борьбой другого порядка, чем военные позиции.

Вот какова природа и история Есенина и есенинщины. Требуется более пристальное и внимательное рассмотрение этой по-своему замечательной души, чтобы увидеть, где посредственный деревенский ситчик, где хулиган, напаявший на себя цилиндр, а где настоящий поэт,

который против всего этого где-то внутри протестует и который со своим протестом подоспел слишком поздно. Мы не помогли ему достаточно. Это верно. Я думаю, что настоящая среда, организованная литературная среда могла бы все-таки помочь Есенину, не в самое последнее время, тогда он был почти безнадежен, но раньше. Его надо было втянуть в здоровую общественность. А вместо этого Есенин постоянно валялся в луже имажинистско-штукарской поэзии, в богемских кабаках, вроде «Стойла Пегаса», которые ему кроме зла ничего, конечно, не давали.

Теперь, товарищи, позвольте перейти к заключению. Что же мы можем сделать для того, чтобы эту болезнь, которая сказалась особенно ярко и тяжело в Есенине, в его больной стороне, изжить во всех ее проявлениях?

На первый план я поставлю культурно-политическую пропаганду. Надо, чтобы каждый наш гражданин понимал пути революции, понимал, за что мы взялись, что мы делаем и что нам осталось сделать, как мы осуществляем наши идеалы, каким темпом мы идем вперед. Это совершенно необходимо.

Во-вторых, надо поднять общий культурный уровень наших масс, который сейчас довольно низок. Мы очень бедны, и почти праздно говорить о том, что надо немедленно шире открыть двери учебы, ниже спустить лестницу учебы, сделать школу лучше и доступней. К этому требованию приходится прибавить: в той мере, как позволяют средства. Значит, основным является увеличение этих средств, а стало быть, и наша индустриализация. Одно с другим неразрывно связано. Индустриализация без роста учебной работы споткнется о недостаток работников. А без развития индустриализации учебная работа всегда будет хилой. Только заботясь о развитии и того и другого, мы пойдем вперед.

Необходимо отметить, что надо приблизить к нашей молодежи, в частности к комсомолу, художественную жизнь, сделать жизнь молодежи более оплодотворяемой искусством. Мы сейчас уже настолько выросли, что имеем и в области музыки, и в области театра и кино замечательные достижения, которые дают нам совершенно исключительное место в мировой культуре. Но они во многих случаях являются совершенно закрытыми для молодежи. И мы не знаем еще способов выделить то, что имеет художественно воспитательное значение, и давать это молодежи, как необходимейшее лекарство против упадочнических настроений. В форме ли особого комсомольского театра, в форме ли известных ассигнований на рациональное посещение театра молодежью Москвы, мы будем делать все, что тут только возможно. Мы сейчас приняли ряд мер для приближения кино к нашему зрителю. Прежде это было почти смешно: зачем приближать его, когда он дает вещи нездоровые? Но теперь, когда мы развиваем интересную, все растущую продукцию, мы имеем право об этом говорить.

Очень часто указывают на необходимость широкого развития физкультуры. И я на этом настаиваю. Физкультуру надо использовать широко, и не только в форме гигиенической гимнастики и спорта, но и в форме организации экспедиций, хотя бы и трудных даже, рискованных, с ничтожными денежными средствами, направленных с какой-то целевой установкой, организации пионерства в нашей, еще далеко не исследованной, гигантской стране. На это нужно направить те бурлящие силы, которые находят себе выход в нелепом ухарстве.

И, наконец, — система клубов, которая все эти элементы может совмещать. Надо уменьшить количество и улучшить качество клубов.

Это все, конечно, меры, которые требуют значитель-

ных затрат. Но пока мы будем только говорить об этом, пока Советы на местах и в центре не обратят на это должного внимания и не отразят это в своих бюджетах, до тех пор мы плохо двинемся с места. И вот почему я считаю вредным замалчивать, что упадочничество, хотя оно и не охватывает всю молодежь, имеется налицо. Надо отдать себе в этом отчет, потому что лекарство нужно давать сейчас же. Может быть важнее всего братская взаимопомощь самой молодежи.

Когда-то немецкий социолог и педагог Наторп, который впоследствии стал с.-д., рассматривая вопросы о преступности, болезнях, ранней смерти, самоубийствах, проституции среди берлинской молодежи, установил тот факт (теперь всем известный), что большой город вообще является губителем и соблазнителем молодежи и что молодежь сторает на его огнях, как мотыльки. Спрашивая себя, что может уменьшить процент гибели молодежи, Наторп, тогда еще беспартийный, приходит к выводу, что лучше всего спасают массовые организации с.-д. Среди с.-д. организованных подростков, юношей, мы имеем не только наименьший процент всех этих отрицательных явлений, но резкое, радикальное снижение, — говорит Наторп, — и вот причины: во-первых, у этой молодежи есть высокие идеалы; во-вторых, их союз дает организованное времяпровождение; в-третьих, прекрасная среда, которая создает «foi d'honneur» известное представление о каком-то престиже, чести данной организации, взаимную поддержку в этом отношении, стремление не ударить лицом в грязь, не скомпрометировать с.-д. и не дать другому этого сделать. Эти причины и были той благотворной силой, которая сказывалась в оздоровлении организованного с.-д. юношества.

Но что такое представляли собой эти с.-д. юношеские организации в то время, в 1909 г., когда писал Наторп?

Это были организации, которые сводились в конце концов к каким-то фереинам, очередным собраниям, развлечения сводились к езде на велосипеде, к организации хоровых обществ и т. д. Настоящим организованным трудом, серьезным, большим размахом и настоящим, почти на завтра осуществимым идеалом работа эта не поддерживалась, не освещалась.

А наш Комсомол — творческий коллектив, величайший образец того, что нами в смысле революционного воспитания сделано. Я по своей работе в Наркомпросе знаю, что фабзавуч наполовину создан комсомолом, а крестьянские школы молодежи — целиком. А между тем эти школы, в особенности школы крестьянской молодежи, это самая образцовая находка, которую мы в области социальной педагогики обрели без гроша денег, почти что на чистом энтузиазме. С плохими знаниями, сама участь, богатырская молодежь, которую мы кинули туда в качестве преподавателей, преобразовала почти все эти школы крестьянской молодежи в настоящие культурные центры. Комсомольцы-педагоги не только сумели привлечь крестьянскую молодежь, не только замечательно учатся сами — у них лучшие программы из всех, выработанных Наркомпросом, и эти прекрасные программы комсомольцы составляли сами. Мы очень мало помогали им, но и мешали мало. (Смех). Кроме того, товарищи, эти школы превратились в настоящие очаги культуры. Есть целая литература, посвященная этому вопросу, с большим количеством непосредственных живых корреспонденций. С ней надо познакомиться. Ведь крестьянский парнишка, научившись чему-нибудь, норовит нести это к отцу, сейчас же применить свои знания практически. И, после короткого периода скептицизма, начинается всеобщее увлечение ШКМ, потому что так называемый консервативный, реакционный мужик, видя, что при таких приемах

он получает лишний руль, забывает всякий консерватизм. Ему важно, чтобы ему не рассказали о преимуществах образования, а доказали их на деле. А там это доказывают. Какое-нибудь травосеяние, новые семена, или что-нибудь в этом роде начинает распространяться с быстротой молнии, потому что у того-то и у того-то это вышло удачно. Самую преданную службу этому делу агрокультуры мы имеем в школах крестьянской молодежи. Коснусь хотя бы такого, свидетельствующего о глубокой сознательности, явления, проникшего теперь в мозг каждого школяра; он знает, что должен заботиться не только о том, чтобы поднять дом своего отца, превращать свои знания в рычаг для поднимания своего благосостояния. Он боится этого, такой ученик школы крестьянской молодежи, ему хочется быть общественником. Он говорит: надо работать кооперативно, сообща. Мы сюда пришли учиться не для того, чтобы богатым какой-нибудь Пахом Сидорович, или Сидор Пахомыч. Мы хотим идти по кооперативному пути роста хозяйства.

Таких примеров множество. Куда ни помотришь, — всюду молодые общественные силы. Мы эти силы черпаем из Комсомола. Здесь есть возможности, есть перспективы. Настоящим подручным стоит комсомол при величайшем мастере, творце человеческой истории, какого когда-либо видел мир, — при нашей Всесоюзной Коммунистической Партии.

Комсомол выполняет ответственнейшую работу при невероятно тяжелых условиях. Понятно, как необходима взаимокритика, взаимное внимание. А между тем мы встречаем, — это говорю не я, это говорит сама жизнь, и «Комсомольская Правда» это подтверждает, — что бывает так: какой-нибудь юноша захандрил, напали всякие напасти — экзамен не сдал, или какая-нибудь Машенька или Дашенька не так улыбнулась, — и он думает, что солнце

померкло, революция не удалась, и все что угодно. И часто вместо того, чтобы в таком узком месте, когда эта молодая хандра страшно опасна, вместо того, чтобы такого человека приласкать, подтянуть, сказать, что это ничего, — экзамен? сдашь через полгода; Машенька? ничего, за Сашенькой приударим, — вместо этого начинают говорить: «ага, разлагаться начинает, отчуждаться».

Точно так же обстоит и с хулиганскими выходками. Вы знаете, товарищи, что в училище и дома дети шалят; нас часто хотят заставить прийти к выходу, что это тоже хулиганство. Есть такие умные учителя, которых и революция из футляра не вынула. Они говорят: «В прошлый четверг они мне на пиджак нацепили чертиков. Исключить — нельзя, в карцер — нельзя. А ведь это хулиганы, их надо бы примерно наказать». Но ведь есть же расстояние до какой-нибудь чубаровщины от этой детской шалости!

Молодому человеку свойственно поозорничать, и даже если он выпьет лишнее, это тоже небольшая беда. Но есть такие мудрые секретари, которые говорят: «уже начинает загнивать малый: тогда-то у него заметили такие-то выходки». И вместо того, чтобы обратить особое внимание, выправить, так, как в случаях неверного политического уклона, — отсекают от товарищеской среды, вплоть до исключения из Союза.

По части борьбы с политическими уклонами — чистейшая беда. Беспреданно такие истории: какая-то скверная радость: «Пашка с уклоном, теперь пусть держит ухо востро, чуть еще одно замечание, — я ему покажу, какой я партийный!» Это же безобразия! Можно спрашивать как угодно строго за политические уклоны, но как можно проявлять такую сухость, бюрократическую в полном смысле слова?

Необходимо, чтобы внутри комсомола, внутри студенческих организаций была внутренняя спайка, чтобы каждый понял, какая драгоценность молодые люди в СССР и как нужно их оберечь пуще ока. Нужна взаимная нежность участвующих в одном и том же строительстве социализма. Другой, ведь, может быть, и уйдет, если мы сами не сумеем во-время обратить на него внимание. Поскольку, по сравнению со студенческими организациями, комсомол есть организация высшего типа, он должен, конечно, воздействовать в том же направлении на ту среду, которая стоит за ним.

Товарищи, я совсем не говорю, что все эти меры достаточны для того, чтобы изжить нето, что волну, но тот некоторый уклон к упадочничеству, который мы теперь от случая к случаю, как некоторую сыпь, не очень густую, но заметную, на нашем лице наблюдаем. Но из того, что эти меры не вполне радикальны, не следует, что можно ими пренебречь, ибо все-таки они кое-что дают и не только содействуют изживанию этих явлений, но конкретно спасают какие-то десятки, сотни, а может быть и тысячи людей. А это огромное дело.

В общем упадочничества бояться нечего. И даже если эти принимаемые нами меры в значительной степени себя не оправдают, то есть другая могучая сила: громадное здание всего нашего революционного организма. Мы с такой силой втягиваем молодежь из городов и деревень, с такой силой идет этот смерчеподобный под'ем их на высоту сознательного политического творчества, с такой сочностью разворачивается и наше хозяйство, и наша культура, для всякого, кто не предубежденно смотрит на явления, что когда мы говорим: мы должны изжить и перемолоть эти явления, — то мы должны еще сказать твердо: и изживем, и перемелем. (Продолжительные аплодисменты).

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

*Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ♦ Л. СОСНОВСКИЙ ♦ В. ФРИЧЕ
Вяч. ПОЛОНСКИЙ ♦ В. МАЯКОВСКИЙ ♦ И. НУСИНОВ
К. РАДЕК ♦ Л. ЛЕОНОВ ♦ В. ЕРМИЛОВ ♦ В. КНОРИН
БОГДАНОВ ♦ НОВОСЕЛЕЦ ♦ СОЛОВЬЕВ ♦ ЭТКИН ♦ ИВАНОВ*

В. М. Фриче (председатель). Желательно, чтобы в прениях приняли участие представителя молодежи. Мы специально разослали билеты в разные вузы и другие организации.

Слово принадлежит т. Преображенскому.

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Товарищи, я не могу сказать, что доклад т. Луначарского меня удовлетворил со стороны как раз самой сущности его темы, т.-е. по вопросу о социалистической культуре, об условиях строительства этой культуры и, наконец, по вопросу об известном кризисе нашей советской культуры, частным проявлением которого являются описанные им здесь явления т.-назв. упадочности. Поэтому я хотел бы здесь сделать на первый взгляд длинную диверсию в сущность вопроса. Однако, я постараюсь быть кратким.

Я постараюсь вам показать, какая есть связь между такими положениями, как неравномерное развитие капитализма, и между хулиганством в 1927 г. в Советской России. Наша революция, товарищи, победила вследствие того, что благодаря именно неравномерному развитию капитализма на нашей территории сила сопротивления капитализма оказалась наиболее слабой в период потрясений, вызванных мировой войной. В результате закона неравномерного развития капитализма получается неравномерное приспособление производственных отношений к производительным силам. Производительные силы развиты гораздо больше в странах, как Германия,

Англия, а приспособление производственных отношений нового, социалистического типа к производительным силам началось в стране экономически гораздо более отсталой. Это положение является чрезвычайно оригинальным, своеобразным и связано с целым рядом последствий, которые мы ни в коем случае не можем считать продуктом нормального строительства социализма после захвата власти пролетариатом. Когда мы подходим ко многим явлениям нашего быта, нашего строительства, в частности к тем явлениям, которые нас заставили сегодня собраться, то мы никогда не должны забывать того, что социалистическая революция победила только на определенном участке земли. Мы живем в условиях задержки и, как показал опыт, довольно длительной задержки мировой пролетарской революции. При таком положении, даже априори, можно сказать и предсказать, что целый ряд явлений, целый ряд препятствий в строительстве социализма в нашей стране будет проистекать из факта изолированности этого строительства. Если мы под таким углом зрения подойдем к некоторым вопросам социалистической культуры у нас, в частности к тем явлениям, на которых здесь остановился т. Луначарский, то в таком аспекте они будут для нас гораздо ясней.

Мы, товарищи, победили в стране, производительные силы которой гораздо более слабы, чем в странах, в которых социализм еще не победил. За это приходится платить. И многие отрицательные явления, которые мы в настоящее время наблюдаем в нашем строительстве, являются результатом того, что диктатура пролетариата, национализация промышленности осуществились впервые в стране, которая в экономическом и культурном отношении — в данном случае приходится говорить больше о культуре — чрезвычайно отстала от тех стран, где мы можем рассчитывать на классическую социали-

стическую революцию и классическое социалистическое строительство на другой день после переворота.

Мы победили благодаря союзу пролетарской революции с аграрной крестьянской революцией. Период гражданской войны закончился благополучно для советской республики, начинается период строительства. Перед нами встает тогда следующий вопрос: из какого материала строить, на основании каких принципов строить, и с какими элементами, накопленными в предыдущий период на борьбе с капитализмом или самим капитализмом, мы можем строить социалистическую культуру. И, вот, то, что мы теперь наблюдаем, в сфере нашего быта и культуры, я иначе не могу назвать, как кризисом приспособления человеческого материала к новым производственным отношениям. Чего прежде всего нам не хватает? Нам прежде всего не хватает достаточной материальной базы для более быстрого культурного движения вперед. А, с другой стороны, нам не хватает человеческого материала, который был бы адекватен социалистической структуре нашей промышленности. Мы имеем здесь явную диспропорцию, явные ножницы между тем огромным шагом вперед, который мы сделали в Октябре, национализировав или вернее социализировав нашу промышленность с одной стороны, и культурным уровнем тех масс, которые могли бы выступить активными социалистическими строителями и в смысле государственного управления и в смысле руководства хозяйством. Вот эту диспропорцию нам предстоит преодолеть. Мы имеем здесь явный кризис.

Каждая система производства из наличного зоологического наследства, которое она получает, выявляет и развивает те способности и стимулы у людей, которые прежде всего подходят к данной структуре. Если вы возьмете товарное хозяйство, при нем индивидуализм, по-

гоня за личным интересом, конкуренция на экономическом поле, апелляция к личной заинтересованности и т. д., все это естественно мобилизует в человеческой природе, в биологическом наследстве, такие стимулы, которые больше всего подходят к товарному хозяйству, которые лучше всего могут быть привинчены к экономической машине данного типа. На протяжении более чем полутысячелетнего своего существования товарное хозяйство стихийно нащупало в человеческом материале то, что ему было нужно, систематически приспособляло к себе человеческий характер и создало такие стимулы к труду и навыки в общежитии, которые свойственны данной системе. Такого же свойства огромную работу должна проделать наша революция для того, чтобы из человеческого материала, полученного с одной стороны в качестве зоологического наследства с другой стороны, из наследия исторического периода, отбрасывая все нам враждебное, взять то, что нужно для социалистического строительства. Нужно приспособить человеческий тип к новой системе общественных отношений. Насколько колоссальна предстоящая нам здесь работа, насколько здесь мы сделали еще ничтожные шаги и насколько опасно хвастовство, самохвальство и пустословие в этом деле, это ясно всякому серьезному и вдумчивому революционеру. Если представить себе ясно, что из себя представляют настоящие социалистические отношения в сфере труда, в сфере распределения, ответственности, в области самоуправления масс, в области индивидуальной ответственности каждого перед коллективом, в сфере чисто-товарищеских отношений в быту и т. д., и т. д., станет очевидно, что в данном направлении мы сделали ничтожные шаги. Буржуазные влияния на нас пробиваются с такой стороны, где мы их часто совсем не ожидаем. Регистрировать это, это значит рассказать историю

нашей борьбы, историю наших успехов и неудач на протяжении 10 лет после Октябрьской Революции.

Приспособление к новой системе отношений человеческого материала только началось. Насколько здесь велика разница по части тех стимулов, к каким апеллировало товарное хозяйство, можно видеть из следующего.

В капиталистическом обществе хозяйство ведется и человеческие потребности удовлетворяются при действии стихийного регулятора производства — закона ценности, сцепленного в области непосредственных стимулов к хозяйственной деятельности — с личным интересом.

Перенесемся в нашу систему. Что здесь изменилось? Мы индивидуалистический принцип, стремление к личной выгоде подорвали самым фактом национализации промышленности. Вместо отдельного предпринимателя, который как хозяин данной фабрики был заинтересован в максимальном развертывании производства, который боялся за каждую копейку, потому что это его копейка, его — Коновалова, Саввы Морозова и т. д., у нас огромный коллектив, которому все это принадлежит. Но тем самым мы взяли на себя задачу воспитать совсем другие стимулы к труду, для того, чтобы вся эта машина работала не хуже, чем капиталистическая, а лучше ее.

Приходится при новой группировке людей в производстве перекраивать и их характер, перевоспитывать их стимулы к труду, изменять их отношения друг к другу. А люди каковы? С одной стороны, это рабочие, которые видели капиталистическое общество, с ним боролись, а с другой стороны, молодежь, совершенно свежая молодежь, которая капиталистических отношений не видела и настоящей борьбы с капитализмом, классовой борьбы не вела. Из этих элементов приходится строить. И здесь, мы, товарищи, имеем кризис, «кризис недопроизводства» социалистической культуры. Это приспособление чело-

веческого материала к нашим новым отношениям чрезвычайно отстает, запаздывает. Оправдывается старое положение марксизма относительно того, что психология человеческая является фактором тормозящим, экономика является фактором ведущим. В смысле структуры государственного хозяйства, в смысле приступа к плановой борьбе с рынком и т. д., мы вышли за пределы того, что может дать самый прогрессивный, напр., американский капитализм. Но если мы возьмем наш человеческий материал с точки зрения зачатков социалистической культуры, воспитание социалистических стимулов к труду, воспитание нового человека, то в этом отношении мы страшно отстали. С другой стороны, мы, имея исторически высокую структуру нашего государственного хозяйства, как коллективного хозяйства, мы имеем крайне низкий уровень развития производительных сил, благодаря этому крайне низкий уровень всей нашей материальной базы и вследствие этого огромные затруднения в деле строительства не только социалистической, но и всякой культуры вообще.

Здесь, товарищи, нам приходится расплачиваться за то, что мы строим социализм в одной и притом отсталой стране. Нам приходится платить за наши успехи во время натиска на капиталистическое общество в 1917 г. медленным темпом движения вперед после переворота. Нам приходится, опираясь только на собственные ресурсы, проводить строительство новой культуры, которое в условиях поддержки нас мировой революцией прошло бы гораздо более беспрепятственно, с гораздо большей быстротой, при гораздо более благоприятном соотношении сил между социалистическими и буржуазными тенденциями. Вот как выглядит основной фон. Он выглядит таким образом, что на более низкой базе производительных сил, при крайне низком наследстве предыду-

щей культуры, хотя бы даже буржуазной, при крайней недостаточности материальных ресурсов, со сравнительно немногочисленным пролетарским классом мы должны вести свою стройку, стройку нового типа, строить новую культуру, обволакиваемые ежечасно мелкобуржуазным морем внутри, атакуемые буржуазной культурой извне.

Теперь, товарищи, дальше перейду к ряду конкретных вопросов. Что же нужно для того, чтобы это движение вперед было наиболее быстрым при наших скромных материальных ресурсах? Здесь я должен указать на одно затруднение перед которым мы стоим. Представим себе организацию социалистического хозяйства допустим в современной Германии, в современной Англии. Большинство населения там составляет пролетариат, уже вышколенный капитализмом, имеющий очень большую трудовую культуру. Это между прочим термин, о котором очень своевременно напомнил т. Бухарин в своем фельетоне в «Правде», указывая, что наша молодежь основательной трудовой культуры, к сожалению, не имеет. Это правда. В этом отношении европейский пролетариат, имеющий огромную трудовую культуру, в большинстве находящийся в странах экономической культуры, легче будет строить свое государственное хозяйство. Овладев властью, он не будет проходить азов, он бросит все стимулы саможертвования, солидарности, внутренней дисциплины ит. д., и высокой трудовой культуры, в сферу строительства социалистического хозяйства. Это возможно в странах, которые будут иметь классический тип строительства социализма на другой день после пролетарской революции. У нас же другое положение. Мы осуществляем пролетарскую революцию в союзе с мелкой буржуазией, которая в стране преобладает, с мелкобуржуазной интеллигенцией и деклассированными элемен-

тами, которые пошли в борьбу, потому что были вышиблены из производственного процесса в старом обществе. Вместе с мелкой буржуазией пролетариат проделал натиск на буржуазное общество, провел гражданскую войну, а теперь, когда мы перешли к социалистическому строительству, оказывается, что масса эта совершенно не однородна. Те элементы которые к нам примкнули в силу связи нашей пролетарской революции с аграрной революцией, эти элементы в большинстве, естественно, отхлынули назад. Иного мы, впрочем, и никогда не ожидали. Оголяется пролетарский фронт на социалистической стройке. Мелко-буржуазные элементы, оседают в мелко-буржуазном хозяйстве. Те из них, которые подчиняются, как индивидуальные производители, не имеют интереса к социалистическому строительству непосредственно. Остаются пролетарские силы и эти пролетарские силы должны приступить к строительству, имея в прошлом культуру очень небольшую. Т. Ленин не раз указывал, что мы должны очень ясно и точно давать себе в этом отчет. Говоря в частности о том, на кого мы можем опереться в работе по изменению нашего государственного аппарата, он писал следующее об этом и о самом аппарате в статье «Лучше меньше, да лучше»:

«Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки».

А когда он ставит вопрос о том, на какие силы опереться в борьбе со всем этим, от отвечает, что надо по-

строить социалистическую систему управления, а не теперешнюю, которая у нас имеется, — не бюрократическую:

«Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще. Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами».

Товарищи, когда мы оценивали те отрицательные явления, которые всплывают у нас с огромной силой в настоящий момент, надо эти строки Ленина чаще перечитывать. Хотя это написано в 1923 г., но Ленин брал большие исторические масштабы, он предвидел на 10 — 20 лет вперед. Нам нужно это перечитывать, чтобы многое из того, что у нас происходит, понять. Не раз и в этом месте и во многих других местах Ленин указывал на недостаток культуры, на минимум культуры, с которым мы приступаем к перестройке, и на необходимость в максимально быстрый срок это накопление социалистической культуры проделать.

Какие мы здесь имеем препятствия? Прежде всего, надо обратить внимание на следующее. Нужно различать, собственно говоря две группы, два потока, две классовые струи в тех нездоровых явлениях, на которых останавливался здесь т. Луначарский. Во-первых, элементы хулиганства, упадочничества и пр. представлены со стороны

тех элементов, которые являлись спутниками пролетариата в период натиска на капиталистическое общество и которые для периода строительства либо не годятся совсем, либо должны быть основательным образом перевоспитаны. С другой стороны элементы хулиганства и всяких прочих художеств идут со стороны пролетарской части, пролетарских слоев молодежи, вообще-то говоря, социально вполне здоровых, для строительства социализма при надлежащих условиях годных. Это надо одно от другого отличать. Смешивать одно с другим нельзя. Мы бы сделали громаднейшую ошибку, смешав эти две струи.

Я о первом слое не буду говорить. Меня гораздо больше интересует вторая струя: элементы упадочничества, хулиганства в пролетарской среде, поскольку из наших рук уплывают те самые элементы, на которых мы можем и должны строить, потому что другого материала, кроме теперешней рабочей молодежи у нас нет. Кроме рабочей молодежи, товарищи, другого материала для социалистического строительства, имея ввиду перспективы будущего, у нас нет. Старики умирают, как вам известно. Следовательно, если наша молодежь не безупречна — положение тревожно, дело строительства социализма оказывается в опасности. Так стоит вопрос.

Что мы сейчас наблюдаем в рабочем классе? Известную пассивность — факт. Некоторое разочарование — тоже факт. Говорить, что в рабочем классе, в массе нет известного разочарования, это значит лицемерить. Разочарование известное есть, усталость есть. Если вы пойдете в рабочие районы, вы что увидите? В рабочих клубах пусто, в рабочих кабаках полно. Это что-нибудь да значит. Почему рабочему в клубе скучно, а в пивной веселей и там он душу отводит? Это вопрос, насчет которого обязательно нужно подумать со всей серьезностью.

(С места: «Вы очень мало по кабакам ходили»). Относительно этого достаточно можно прочесть в нашей прессе и литературе, нет надобности даже ходить по кабакам. Если вы пойдете на комсомольское собрание, то казенщины и скуки там больше, чем достаточно. Бегут люди от этой скуки. И нельзя сказать, чтобы настоящая жизнь в комсомоле протекала, главным образом на официальных собраниях. Всегда находится целый ряд ручейков, через которые активность, не находящая здорового выхода, пробивается. Значительные слои рабочей молодежи не находят применения своей энергии в рамках существующего государственного аппарата. Недостаток активности во всех других пролетарских организациях, это тоже факт несомненный. И поскольку этот факт имеешь перед глазами, невольно вспоминается следующее. Я вспоминаю, как в начале 1906 г., попавши в пермскую тюрьму, я знакомился с составом наших товарищей по камерам, откуда они, кто они, чем были раньше? И что же оказалось? Большинство было мотовилихинских рабочих. В период до 1905 г. в Мотовилихе, на Пермском пушечном заводе было колоссально развито хулиганство. Участвовала в этом главным образом рабочая молодежь. Считалось большой честью иметь несколько рубцов или порезов на лице и т. д., иметь славу первого хулиган-молодца по всему заводу. Явление имело массовый характер. Но приходит 1905 г., захватывает весь завод, масса рабочих хлынула в движение. И потом в числе наиболее активных членов наших организаций оказалась та самая молодежь, которая больше всего буйствовала и хулиганила перед 1905 г. Она составляла кадры наших боевых организаций; все эти ребята оказались прекрасными бойцами за пролетарское дело, многие из них погибли в борьбе с царизмом, были казнены, расстреляны, многие сейчас в партии. Что мы здесь имеем перед собой?

Мы имеем перед собой положение, когда энергия определенного класса не находила выхода в борьбе против настоящего классового врага, потом этот путь нашла и хулиганство спало само собой. Отчасти т. Луначарский об этом говорил. Нужно было энергию молодежи каптировать, как каптируют забивший нефтяной фонтан, организовать и направить на борьбу с самодержавием.

И, когда мы сейчас, в настоящее время наблюдаем такие же явления, когда определенные слои молодежи не могут найти применения своей энергии, использовать ее через наши бюрократившиеся организации, — я говорю именно о нашей рабочей молодежи, о нашем классе, о котором нам приходится прежде всего и больше всего заботиться, — приходится поставить вопрос: в достаточной ли степени мы понимаем всю неотложность строительства социалистической культуры, не произошло ли у нас задержки в деле расширения тех концентрических кругов, все новых и новых рабочих масс, втягиваемых в строительство и управление, что предусматривает и наша программа, что составляет нашу основную задачу? Ведь социализация орудий производства и разрыв со старой культурой не позволяют топтаться на одном месте в деле строительства новой культуры.

На этот вопрос, товарищи, нужно ответить отрицательно. Говоря с полной откровенностью, нужно признать, что мы имеем в настоящий момент положение, когда вовлечение широких рабочих масс во всю систему управления, контроля, борьбы с бюрократизмом могло бы быть гораздо более широким по подготовке этой массы, чем та, которую мы видим в действительности. Здесь две причины: известная пассивность самого рабочего класса. Он часто не стучится в двери там, где с маленьким нажимом он может войти и навести свои порядки, например, в профсоюзах, кооперативах. А с другой стороны, есть две-

ри покрепче: наш громоздкий государственный аппарат, о котором т. Ленин так крепко выражался в 1923 г., он и в 1927 г., как каждый по совести скажет, ничуть лучше не стал. А его состояние отражает все соотношение сил в стране. Препятствия идут, значит, не только со стороны рабочего класса, вследствие его известной пассивности, усталости, но имеются в то же самое время автоматические препятствия со стороны госаппарата, над которым нам очень и очень много нужно работать, как завещал т. Ленин. И здесь мы видим, как нахлынул на нас целый ряд всяких буржуазных влияний: погоня за личной выгодой, карьеризм, подхалимство, растраты и т. д. Что это такое? Разве с карьеризмом, бюрократизмом можно социализм строить? Каждый из нас знает, что социалистическое строительство не бюрократическое, не карьеристское строительство. А между тем влияние этого карьеризма облепляет нас, об этом кричат напечатанные корреспонденции рабкоров, а еще больше не напечатанные. Здесь мы имеем перед собой определенное давление чужого класса. В самом деле, откуда это давление идет? Это пролетарское что ли давление? Это, товарищи, давление буржуазных влияний, или по крайней мере влияний, которые пробиваются в мелко-буржуазной стране. Эти влияния затвердевают в форме подбора людей, роста непролетарских, не социалистических привычек в работе, в быту, что вместе взятое является препятствием для развертывания активности рабочих, препятствием в деле приспособления нашего человеческого материала и госаппарата к социалистической структуре нашей промышленности.

Если нам удастся начать и успешно повести борьбу, серьезнейшую борьбу на этом фронте, то мы сможем использовать те элементы, которые несет мимо нас, хотя они являются пролетарскими, и их удастся каптировать

в русло социалистического строительства. Когда вопрос о борьбе с хулиганством поднялся, посыпалось очень много всяких предложений, главным образом, карательного свойства. А что здесь нужно на фронте культурной революции и самостоятельности рабочего класса что-то приоткрыть, об этом разговоров было, к сожалению, очень мало. А между тем здесь-то и зарыта собака, здесь основное, поскольку все это вообще достижимо при том низком уровне производительных сил и при бедности материальной базы, которую мы улучшаем естественно медленно и с большим трудом. Здесь т. Луначарский, говоря о том, что делать с теми или другими хулиганскими элементами из рабочей молодежи, набросал нечто вроде проекта речи к этим хулиганам: стойкость, терпение и т. д. Все это слабо, товарищи. Это как раз вроде его же остроумного примера с человеком, которого утешали данными статистики. Явление лежит глубже и копнуть нужно глубже. Явление глубже и серьезнее, и потому борьба с ним должна вестись с гораздо более основательными средствами. Я, товарищи, ставлю проблему и не собираюсь давать готовых рецептов. Но на одно должен указать. Все мы знаем, что строительство социализма без развертывания самостоятельности широких рабочих масс невозможно. Это есть положение, на котором нас Ленин все время воспитывал, и которое теперь в нашей реальной действительности приобретает огромное значение. Расширение рабочей самостоятельности, вовлечение более широких кругов в работу нашего строительства, как это можно себе конкретно представить? Мы все говорим об этом расширении, о вовлечении широких рабочих масс в борьбу с бюрократизмом, а в борьбе с бюрократизмом развели такой бюрократизм, что хоть отбавляй. (Смех). В общем же воз и ныне там. Мне лично кажется, что здесь нам необходимо вступить на путь раз-

вертывания инициативы и самодеятельности рабочего класса и членов нашей партии в частности таким образом, что мы всячески поощряем, всячески поддерживаем добровольные организации отдельных групп рабочих, коммунистов, комсомольцев, которые ставят себе определенные, задачи в смысле улучшения нашего аппарата, не потому что заседают в том или ином учреждении, — каждый, кто заседает в учреждении обязан по должности это делать — а по добровольному коммунистическому почину. Дело идет об организациях, если так можно выразиться, ревнителей социалистического строительства, которые бы втягивали в свою среду людей, способных на деле вкладывать коммунистические принципы в свою работу. Отсюда должны мы получить подкрепление в борьбе с влиянием на нас буржуазной стихии и мелко-буржуазными влияниями. Помните, когда т. Ленин писал о первом субботнике, который устроили рабочие Московско-Казанской жел. дороги, он об этом «величайшем почине» говорил именно как об образчике добровольного коммунистического труда. Потом он много раз говорил, что слово «коммунистический» нельзя употреблять зря. Коммунистическая работа, это добровольная работа, без принуждения, без приказа начальства, без карьеристских выгод, без непосредственных материальных результатов для участников.

Нельзя ли нам черпануть из резервов рабочей энергии, которой у нас достаточно накопилось среди молодежи, именно с этого конца? С одной стороны мы каптировали и ввели в организационное русло партийной работы и работы государственного аппарата энергию определенной части авангарда пролетариата. Но это оказалось ясно недостаточным. Тот факт, что мы в борьбе с бюрократизмом не можем продвинуться вперед, требует особого социологического анализа. Практически же это

доказывает, что мы должны искать все время новых путей проявления активности рабочих масс. Если мы строим социализм, то мы должны социалистически, а не бюрократически подходить к этим вопросам. Борьба с бюрократизмом крайне тяжела. В крестьянской стране не может не существовать бюрократизма. Но можно и должно бороться за то, чтобы этот бюрократизм не поворачивался лицом к тому классу, который весь аппарат диктатуры построил, чтобы он не душил автоматически тот самый класс, который этим аппаратом пользуется для осуществления своих классовых задач. По приказу строить социалистическую культуру невозможно. Это может быть делом только самодеятельности масс, прежде всего рабочей молодежи, которая ждет применения своих сил в этой области.

Вы знаете, что в нашей Академии имеется Институт Высшей Нервной Деятельности. Такой Институт, как и многие другие добровольческие объединения вокруг себя объединяют энтузиастов своего дела, людей науки, ассистентов. Эти молодые люди, с огромной верой в науку, материально находящиеся в самых бедственных условиях, работают отчасти по тому принципу добровольчества, по которому мы работали в наших подпольных организациях в борьбе с царизмом, по которому шли на фронты гражданской войны, строили нашу партию в героический период, по принципу добровольческому. Это настоящий социалистический способ объединения для борьбы и продвижения вперед. Нам нужно его культивировать максимально, а не убивать бездушным и формальным бюрократизмом. Он находится во внутренней борьбе с бюрократизмом потому, что он построен на другой базе, на базе, которая не мирится с бюрократизмом, которая бюрократизм исключает. Мы вынуждены иметь бюрократический аппарат, но к этому бюрократи-

ческому аппарату, который мы должны неустанно совершенствовать, мы должны иметь некоторое противодействие в форме самостоятельных организаций, которые вырастают из самого рабочего класса, которые действуют или через уже имеющиеся организации кооперативные, профсоюзные, комсомольские, партийные, научные организации, либо наряду с ними, как новые объединения, ставящие себе специальные отдельные цели. У нас с рабочим контролем, с настоящим рабочим контролем дело все не вытанцовывается. Как было достаточно плохо, так и осталось. А между тем, что на эту тему говорил Ленин? Он говорил что «борьба с бюрократизмом может вестись только через низы, через рабочих и крестьян». Он это говорил неоднократно. Перед нами задача не в том, чтобы выдумывать новые алгебраические формулировки этой задачи, а чтобы найти арифметические решения задачи, найти организационные формы для этого вовлечения. Когда Ленин думал относительно Рабкрина и т. д., он пытался решить вопрос привлечением лучших элементов нашей партии. Там речь шла об организации руководящего аппарата. А теперь нам приходится думать о том, чтобы продвинуть это дальше, и ленинскую идею рабкринизма спустить до самых низов.

Поэтому я думаю, что мы не можем рассматривать отрицательных явлений, которые происходят перед нашими глазами: известной пассивности рабочего класса, чиновничьего омертвения ряда наших организаций, развития пьянства, разочарования и хулиганства среди рабочей молодежи, если мы не связываем всего этого в целую картину, в итог, который можно назвать кризисом нашей советской культуры. Нам нужно подготовить и воспитать в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями новый человеческий материал, который был бы приспособлен к новым социалистическим отношениям

в государственном хозяйстве и который двинул бы стройку в области социалистической культуры гораздо более быстро, чем она шла до сих пор. (Аплодисменты).

Л. СОСНОВСКИЙ

Когда т. Преображенский говорил о том, что в клубах пусто, а в кабаках и в пивных достаточнолюдно, тут некоторые товарищи высказали как будто сомнение, правильно ли это. Я, товарищи, не буду приводить ни пивной, ни винной, ни водочной статистики, она в цифрах нашего госбюджета имеется.

У нас есть театры. Новых пьес, которые бы рисовали современность, вообще очень мало, а те, которые есть, — на перечете.

Я вас, товарищи, призываю пройти по двум, самым последним и интересным пьесам. Это «Штиль» Белоцерковского и «Рост» Глебова. Посмотрите, как рисуется наша современность в этих двух пьесах. Мы не будем заподозривать авторов, режиссеров и правление театров в том, что они специально хотели опорочить нашу действительность. Это совершенно отпадает. Они искренно хотели чем-то помочь делу нашего социалистического строительства, потому что иначе все эти пьесы были бы отвергнуты и Главлитом, и коммунистами-режиссерами и т. д., и т. д. Что вы видите в пьесе Белоцерковского? Вы видите пивную, где сидят рабочие, именно рабочие, и пьяным языком разговаривают о Марксе и Моргане. (*С места:* «Так и есть»). Я именно и говорю, что есть.

Иначе это не могло бы быть изображено, или было бы сброшено протестующим зрителем. Возьмите другую пьесу — «Рост». Вы здесь видите опять кабак, опять наполненный рабочими.

А противопоставлено этому и в том и в другом случае что? Пирамида из физкультурников, с одной стороны, какие-то футболисты и боксеры — с другой, как символ здоровой и нерастрепанной социалистической культуры.

В «Росте» изображен самый драматический момент, какой может переживать пролетарская революция: столкновение одной части класса с всем классом, забастовка рабочих — против кого? Против советской власти. Это очень драматический, очень жестокий момент, но он есть и автор его отразил. Кто руководит стачкой в пьесе «Рост»? Это пункт, который меня очень поразил. Я бы не удивился и вы бы не удивились стачке. Мне приходилось ликвидировать ряд стачек на громадных фабриках в период советской власти. Но тут участвуют не меньшевики, не с.р., не беспартийные, а хулиганы, чистейшей пробы хулиганы, чубаровцы, шпана, способные на убийство. Тут же — подкупленный агент американцев, пытающийся убить работницу, которая подслушала его шуры-муры с американцами. И вот рабочая масса, руководимая этими чубаровцами, пред'являет требования коммунистической партии и Советской власти от имени всей массы..

Я думаю, что это сильно сгущено. Те стачки, которые мы наблюдали и изучали, которые, к сожалению, бывали, все таки чубаровцы ими не руководят. Это все-таки сгущено, что нынешняя рабочая масса завода даст чубаровцам руководить собой. Я думаю, что перепущено густой краски. Но все же драматург не мог этого выдумать, если бы таких симптомов не было. И не забудьте, они выглядят довольно хорошо перед лицом массы. Их потом побеждают, но нет единодушного морального отпора, какой бывал. Это на одной стороне.

Посмотрите на другую сторону. Вот пьеса «Штиль» Я исхожу из того, что большинство ее вероятно видели.

Там фигурирует Братишка, матрос, герой предыдущей пьесы Белоцерковского «Шторм». Это герой гражданской войны, простец, Братишка, простой, цельный, наивный, прекрасный герой гражданской войны, который перенесен в эту пьесу. Он настолько импонирует публике, что только он выходит на сцену, не раскрыв еще рта, как его встречают аплодисментами. И это не потому, что играет очень талантливый артист. Этот тип Братишки, героя нашей романтики гражданской войны.

Какова судьба Братишки в этой пьесе? Посмотрите. Сначала Братишка был секретарем райкома, потом его выбросили из райкома, посадили секретарем ячейки, потом его спихнули в технические секретари, т.-е. писаря в ячейке, а потом он попадает в сумасшедший дом. И когда он оттуда совершает побег, то происходит ужасная, драматическая сцена в квартире якобы святого коммуниста, председателя контрольной комиссии, на глазах которого хотят вести насильно, под конвоем, по городу и водворить этого надломленного человека в сумасшедший дом. И только 9-летний мальчик вступается и ограждает этого героя с орденом Красного Знамени от бездушия этого руководителя контрольной комиссии, якобы святого партийца, который склонен согласиться с тем, что Братишку поведут по городу со штыками в сумасшедший дом.

Такова судьба Братишки, он импонирует публике совершенно правильно, она чувствует, что это родной человек. И мы ни разу не видим, чтобы этот коммунист, который изображен таким святым, чтобы он хоть раз спросил: «Братишка, как ты работаешь? Не надо ли тебе переменить работу, я тебе посодействую».

Больше того, на глазах у всех, во главе треста находится исключительный прохвост, каких я в нашей действительности не видел, а я слежу за всеми процессами

трестов и тому подобных воров. (Смех). Я не знаю, товарищи, что вас рассмешило. (С места: «Вы сказали трестов и т. п. воров»). Во главе треста стоит коммунист, который обдумывает побег за границу с деньгами, с золотом, в буквальном смысле — с золотом. У нас прошло много процессов. Но чтобы во главе треста стоял заведомый прохвост самой высокой марки, и когда Братишка протестует и хочет бороться с ним, то чтобы контрольная комиссия судила Братишку?! Знаете, все-таки это производит впечатление.

И этот благодушный председатель контрольной комиссии, этот святой с усами, говорит, что «еле удалось отстоять Братишку от исключения». А об Метелкине никто не подумал. И только случайность, что кухарка его рассказала про его проделки и ГПУ арестовало его. А партия проглядела и Братишку с его болью душевной, и Метелкина. (С места: «Председатель контрольной комиссии и говорил о ГПУ»).

И вот, приходит на квартиру к председателю контрольной комиссии этот негодяй Метелкин и говорит: «Вы меня не троньте, а то я вас трону». Хороши нравы в том городе, если прохвост может притти на квартиру и шантажировать, угрожать. Надо об этом подумать. (С места: «В Ельце так было, вы сами писали»). Я вам говорю о том, что нашелся драматург-коммунист, который изображает, как ему представляется действительность. Давайте критиковать, говорить, что Белоцерковский сгустил краски, преувеличил. Я с вами в известной мере согласен.

Возьмите другую пьесу: «Рост». Вы видите там картину забастовки рабочих. Явление тяжелое. Ее допустил, вызвал, спровоцировал против своей воли директор. Это тип нахрапистого партийного работника, герой гражданской войны, бесспорно заслуженный работник,

но для этого дела не приспособленный, не понимающий, как надо обращаться с массой в наших условиях, нажимающий на нее. Он переводит рабочих на три, потом на четыре станка, потому что фабрика приносит убыток и он хочет его возместить усиленным нажимом на рабочих. Кроме того, он мало следит за производством: у него крыша худая и хлопок вместо сырца мокрец получается.

Там есть идеальный человек, директор-коммунист, тоже подпольщик, который является потом, когда стачка загорелась. О чем он обращается к рабочим? Он говорит: «Вы жалуетесь, что вас жали. Вас мало жали». В 1927 г. слышать на сцене такую речь идеального коммуниста, когда каждому здравому слушателю видно, что прижимавший исходил якобы из того, что есть убыток, а оказалось, что это вранье, что это подкупленный старым хозяином бухгалтер сочинял фальшивые отчеты, что в действительности убытка нет, а есть прибыль (даже при прогулах, при браке), большая прибыль! Все это вскрывается из перехваченного отчета. После этого мыслимо ли, чтобы здравомыслящий человек сказал: «Вас мало жали, надо еще жать» ?

Разве это поднимает настроение у рабочих, когда им говорят сейчас, в 1927 г.: «В 1925—26 г. вас жал ваш директор, явно негодный администратор, зарвавшийся, так он вас мало жал, надо больше жать». Если принять во внимание такие объективные показания художников, которые, конечно, далеко не Шекспиров, но, которые изображают все это и нам публично предлагают присмотреться, подумать над тем, что они изображают, — то вы увидите, что все эти явления в совокупности являются действительно тревожными.

Перейдем к нашей организационной жизни. На днях даже у М. И. Калинина прорвалось такое признание, что

мы замордовали политграмотой нашу молодежь. (*С места: «Правильно»*). Если начинают кричать такие люди, то что же думает об этой политграмоте молодой рабочий, полный каких-то неясных стремлений, которому сразу, как только он вступает в комсомол, или даже еще не вступает — преподносят разработанную какими-то крокодилами методику политграмоты (продолжительные аплодисменты), которая душит и убивает всякую инициативу, которая предписывает о чем спросить, что сказать, которая не руководит, а просто не оставляет никакого места для самостоятельности.

Сидят молодые рабочие, к ним приходит человек и говорит то, что ему хочется, а не то, что их интересует. И от этого замордования вдруг раскрыть книжку Есенина, где говорится о человеческих чувствах, о любви, о горе, где плачут и смеются, где какие-то человеческие звуки есть! Товарищи, ведь это же все равно, что из погреба с прокисшей капустой выйти на весенний воздух (Аплодисменты). И поэтому успех Есенина среди нашей молодежи понятен.

И, вот, товарищи, когда начинаются попытки подойти к этому делу, чтобы оживить его, приблизительно то, о чем говорили т.т. Луначарский и Преображенский, найти выход для энергии молодых рабочих, зачастую вышедших из деревни, еще совсем сырых, — то ясное дело, что начать с того, чтобы именно в политике найти применение для их самостоятельности — это самое трудное и почти невозможное дело. Начинать очевидно надо с каких-то других ступеней, для данного человека наиболее доступных, надо примениться к нему. И вот в комсомоле повяло каким-то свежим воздухом. Начали искать, начали амнистировать танцы, гармошку, устроили возню с аппаратом, с удочкой.

И сейчас же появилась дискуссия в «Комсомольской Правде»: не опасно ли культурничество?

И уже беззубые молодые старухи и старики вопили, что нам нужно заниматься политикой, а культурой пусть занимается не комсомол. Это пишут члены ЦК и других комитетов комсомола.

Товарищи, в ленинградской комсомольской газете «Смена» на днях был напечатан замечательный фельетон под заглавием «Цена человека». Этот фельетон всколыхнул комсомольскую публику Ленинграда. Там рассказывалось, например, несколько фактов, то, о чем говорил т. Луначарский. Ведется ли у нас борьба нето что за спасение, но за поддержку человека, ведем ли мы, как там говорили, зубами борьбу за каждого нашего товарища? Не штампуем ли мы их совершенно безжалостно, беспощадно, бездушно?

И вот, товарищи, сейчас мы ясно чувствуем, какая надвигается опасность. Мы не сумели никак аккумулировать эту энергию молодежи и сейчас упираемся в страшное антидвижение, в неприспособленные, отсталые способы работы среди этой молодежи. Я считаю, что кроме тех материальных причин, о которых говорил т. Луначарский, кроме противоречий, о которых говорил т. Преображенский, это вещь, которая нам все же более доступна, чем изменение материальной базы в короткий срок. Нужно очень внимательно все это пересмотреть.

Я хотел бы еще остановиться в нескольких словах на вопросе о Есенине и есенинщине. Это имеет большое значение. Я думаю, что мы виноваты в том, что не дали достаточного отпора тем из нашей среды, которые не только не замечали яда этого общественного явления, но которые пытались находить для него всякие, очень подходящие, красивые объяснения, оправдания и даже восхваления. Начать с того, что вокруг этого дела напу-

щено очень много тумана: тут и прекрасные голубые глаза, и золотые полосы, и нежная душа, и все такое. Я думаю, что можно было бы этих вопросов не касаться. Но те, которые кричат: не касаться, сами как это сделал т. Луначарский со всеми деталями, касаются.

Начать с того, что легенда о том, будто этот свежий цветок прямо из деревни попал в город, город его ошелолил и этот незащищенный цветок увял, — все это фразы, все это вранье и вздор (аплодисменты). Этот человек был очень хорошо приспособлен. (*Председатель* просит т. Сосновского не забывать, что он в Академии, и осторожнее выбирать выражения). Я в Академии в первый раз. Товарищи, я рассматривал внимательнейшим образом мемуарную, воспоминательную литературу о Есенине, при чем все это написано конечно вернейшими друзьями. Что отсюда вытекает?

Товарищи, прежде всего, обратите внимание, что он отнюдь не явился свежим, неопытным пареньком в тогдашний Петербург. Прежде, чем попасть в Питер, в салоны, он был в Москве, работал в типографии Сытина, состоял в с.-д. кружке, выполнял поручения для с.-д. кружка, был секретарем журнала с.-д. с большевистским уклоном, одним словом, понюхал сначала этого воздуха, а затем он приехал в Петербург и там от этих народничаствующих гримасников из поэтично-литературно-философских кругов попал в салон графини Игнатьевой и дошел до Царского Села, до дворца Александры Федоровны. Таким образом, путь этот человек проделал очень любопытный и вовсе не так внезапно.

Воспоминания Деева, Мариенгофа, напечатанные в журнале «На литературном посту», и тех, кто с ним работал в Москве, в с.-д. движении, любопытны. Интересующиеся прочтут в воспоминаниях Мариенгофа замечательную вещь, как Есенин сам рассказывал о своей спо-

собности обходить людей. Тут присутствует т. Малкин. Там рассказывается, как Есенин обходил Малкина (смех). Я не беру на себя ответственность за стопроцентную правдивость Мариенгофа, это тип известный (аплодисменты). Но во всяком случае это напечатано и никто не опровергал. Там рассказывается, как приходит Есенин к Малкину и говорит: «Т. Малкин, знаете, вы такой замечательный работник, что вам Ленин наверно медаль даст». При чем говорится это нарочито простовато, народным говорком, как простец, который не знает, что Ленин медалей не раздает. Немножко таких разговоров и в результате книжка Есенина идет, печатается, распространяется и т. д. (смех). Дальше рассказывается, что он приходит к Каменеву и опять начинает: «Свет ты наш батюшка, Лев Борисович». И он получает все, что ему нужно от Каменева. Дальше описывает сам Есенин, с его слов рассказывается, как он морочил голову Блоку, — это после того, как он был у Сытина и в наших кружках, — нарядился, чуть не с кухни зашел. Он сам говорит: «я их ненавижу, их надо обманывать, без обмана не возьмешь». И Мариенгоф говорит, что он был очень обходителен, в том смысле, что умел обхаживать людей (смех).

Сами подумайте, 1919—1920 г., никто не покупает, никто не продает, расцвет военного коммунизма, карточек и т. д., а Есенин имеет собственный книжный магазин. И друзья рассказывают, как он великолепно нахаживал книги. Описывается, как он был хозяином ресторана «Стойло Пегаса». (*С места*: «Вранье»). Кто-то из поклонников говорит, что это вранье, можете проверить. Товарищи, можно было бы из этой самой мемуарной литературы, друзей, восхищенных поклонников привести многое. Там описывается, как какой-то наш военный транспортный работник (фамилия не указана, к счастью

для него), который имел собственный вагон и к которому Есенин под'ехал тем, что похвалил то ли кинжал, то ли револьвер, так он возил его из края в край. Товарищи, похоже ли это на тот цветок незащищенный, о котором нам рассказывает легенда? Это нужно бросить, товарищи, и тогда эта героика, некоторая жертвенность, то, чем пленился Анатолий Васильевич и за что и превознес самоубийство Есенина, как величайший подвиг, победу над хулиганством, это будет очень двусмысленная победа.

Что касается самой поэзии, то я думаю, что об этом сейчас нет возможности говорить. Об этом придется говорить в другой раз и в другом месте. Но я думаю, что тот хорошенький залп по есенинщине, который рекомендовал дать Бухарин с очень большим запозданием, этот залп нужно было дать в 1923 г., если не раньше. Но его невозможно было дать по обстоятельствам, от нас независящим. Я видел, товарищи, приехавшего из Орехова-Зуева редактора тамошней газеты. Я был поражен, что первая страница там вся посвящена Есенину. Первая и вся. Оказывается, там на некоторых фабриках, в том числе и на Дулевской фарфоровой им. «Правды», — в комсомоле, наряду с официальным бюро, есть «бузбюро», от слова бузить (смех), из восторженных есенинцев и есенинок, которые ставят задачей срывать организационную работу комсомола. Сотрудник «Правды» т. Володин ездил туда сам, лично разговаривал с комсомольцами и комсомолками, которые открыто говорили: «мы за Есенина, мы считаем, что он наш учитель». Они ему заявили: «вы нас ничем не переубедите». Они рассказывали ему о многих тревожных явлениях среди рабочей молодежи Орехово-Зуевского района, которые его убедили в том, что нужно целую страницу, первую страницу отводить этому делу. Это и есть тот кризис культуры среди

молодежи, о котором здесь говорили. Конечно, этим делом нужно заниматься со всех сторон. Материальная база, товарищи, — это тот же Володин рассказывал, — это жилищные условия: они в Орехово-Зуеве таковы, что кроме пессимизма и даже отчаянья ничего не могут вызвать. Если с ними могли мириться во времена Саввы Морозова, то теперь люди выросли за 10 лет и абсолютно не в состоянии мириться с этим. Кто не бывал в этих самых спальнях, тот не может себе представить, как может вырасти пионер в комнате, где живут три семьи, из которых каждая помещается на одной кровати. Все — и отец, и мать, и грудной ребенок. Тут же девушки и парни.

Мне рассказывали сцену, как со свадьбы приезжают новобрачные и все жильцы этой квартиры, вплоть до мальчика 6 лет, ждут и хотят быть свидетелями совершения брачного таинства. Товарищи, более жуткую обстановку трудно себе представить.

Это большой кризис, большое испытание для комсомольцев. Немыслимо после этого возвращаться к Энгельсу, к его книге о положении рабочего класса в Англии.

И думаешь: действительно, в таких жилищных условиях трудно расти новой социалистической культуре. Ужасны эти условия и на этой почве, конечно, развивается у тех, которые уже выросли, хлебнули воздуха, растет пессимизм. Я понимаю, что там могут быть и есть такие случаи, как самоубийства, разочарование. Тут одной проповедью, агитацией не поможешь, здесь нужно обратить самое серьезное внимание хотя бы на то, как в Сормове 25% заработной платы рабочими пропиваются, идут на водку (это по докладу в Малом Совнарком). Это на заводе, который требовал увеличения дотации на культурные надобности, на постройку народ-

ного дома и т. д., и т. д. Это очень угрожающие явления и одной агитацией, одними залпами ничего не сделаешь.

Я считаю, что действовать надо по двум направлениям. Изменить материальную базу, бытовые условия, с одной стороны, а с другой стороны, изменить метод работы, воспитания, объединения, освежить затхлый метод накачивания голов сухой политграммотой, найти метод, который позволил бы в разных отраслях, от политики до самого невинного развлечения, найти способ объединить активность, самодеятельность, в первую очередь, нашей пролетарской молодежи.

Но это также относится и к крестьянской молодежи. Школы крестьянской молодежи, — я очень внимательно наблюдал за этим делом, следил за литературой, за отчетами, — это превосходное дело. Но то, чем гордится Анатолий Васильевич, что они без средств, без оборудования строят новую школу, новые методы общественного воспитания в деревне, — это все-таки может привести к надлому, к надрыву, если так безнадежно будет обстоять дело в материальном отношении.

Говорят, мы не можем больше отпускать средств, и то, что мы отпускаем, это точно взвешено, размерено копейками, прибавить к которым хотя бы одну копейку из бюджета мы не можем. Я считаю, что это не так. Я думаю, что при всей нашей бедности для такой вещи, как подготовка элементов социалистического строительства среди молодежи, нужно было бы несколько более круто поворачивать материальные расходы на эту отрасль. Иначе, с одного конца, мы будем строить, а с другого конца будем подтачиваться. Чубаровский процесс показал, что в Ленинграде, в нескольких минутах ходьбы от Невского проспекта возможны такие вещи. С этим, товарищи, нужно очень серьезно считаться. (Аплодисменты).

Вяч. ПОЛОНСКИЙ

Товарищи! Волна диспутов об упадочничестве и есенинщине ставит вопрос: какую роль играет здесь поэзия Есенина, которую увлекается молодежь? И в какой мере эта поэзия насыщена тем, что называется есенинщиной и отождествляется с целым рядом явлений, включая чубаровщину? Когда т. Сосновский говорит об отрицательных явлениях нашего быта, о том, что в кабинете председателя контрольной комиссии бандит может угрожать председателю, о том, что рабочие наполняют кабаки, что жилищные условия у нас ужасны, о том, что развитие рабочего класса затормозилось и т. д. — я спрашиваю: в какой мере все это связано с Есениным и в какой мере с есенинщиной? Сосновский неодобрительно говорит о том, что вот-де Сергей Есенин «обходил» т. Малкина, Есенин был с «хитрецей», деляга, это был не такой «нежный» цветок, как иные о нем разглагольствуют и т. д. Все это истинная правда. И Малкина, да и не его одного, Есенин «обходил», и дела свои разные обделывал, и алкоголиком был, — но ведь это факты его биографии, — а речь идет о поэзии Есенина. Мы знаем, что ведь и Пушкин в картишки любил перекинуться, и Некрасов на счет картишек, и на счет вина тоже был не дурак, но при анализе поэзии надо факты биографии как-то отделять от фактов литературных, ставить их на свое место, не подменять ими литературы. Молодежь-то увлекается Есениным не потому, что он был алкоголиком.. А, если мы хотим правильно понять причины увлечения поэзией Есенина, надо прежде всего отграничить поэтическое творчество от биографических фактов. Иной подход будет несерьезным и не даст никакого положительного результата. Наоборот. Он запутает вопрос, свалит в одну кучу самые разнородные факты и

вызовет кавардак в сознании тех наших молодых товарищей, которые сами не могут еще правильно разобраться в этом сложном клубке. А такой кавардак уже налицо. С одной стороны, все отвратные, хулиганские и прочие бытовые явления отождествляются с «есенинщиной», с другой — между есенинщиной и поэзией Есенина ставится знак равенства. И мне приходилось слышать от молодежи: «лоб потираем, а ничего не понимаем. Неужели Есенин и есенинщина одно и то же? Но или мы дураки, или нас обманывают, так разнося в пух и прах есенинскую поэзию. Но если его поэзия — сплошная есенинщина, сплошное хулиганство — то почему Госиздат издает ее?»

Молодежь, так рассуждая, права. Поэзия Есенина не покрывается «есенинщиной». Поэзию Есенина надо отделять от есенинщины — и это надо сделать, если мы хотим правильно разобраться и в есенинщине, и в поэзии Есенина, и в причинах, по которым молодежь увлекается этой поэзией. А ведь в рассуждениях т. Сосновского никак нельзя было найти границу, отделяющую поэзию Есенина от вредного влияния жилищных условий, от прогулов и пьянки на заводах и т. и.

Товарищи, ведь мы имеем дело с поэтом, которым увлекается наша молодежь. Плохой поэт или хороший, но где причина увлечения этим поэтом нашей молодежи? А, когда дело доходит до поэзии, т. Сосновский заявляет: о поэзии мы говорить не будем. Я боюсь, что нам когда-нибудь — лет через пять — будет стыдно, что можно было так легко, походя, говорить о большом крестьянском поэте, действительно с упадочническими настроениями, но погибшем в конце концов, как жертва этой упадочности, не сумевшем себя спасти от ее губительных лап. Будучи жертвой упадочничества, он отразил свое личное упадочничество в своей поэзии, — иначе он не был бы лирическим поэтом, но ведь это не основание для того, что-

бы его делать чуть ли не виновником поднимающейся волны хулиганства и т. п. Как будто здесь виновата «есенинщина». А когда ставился вопрос: что же такое есенинщина, в ответ замечают: Есенин ходил в бархатной безрукавке, у него была книжная лавка, а о поэзии мы говорить не будем, время позднее. Я тоже о поэзии говорить сейчас не буду, хотя я мог бы говорить о поэзии Есенина. Но время действительно позднее (Голоса: «Просим, просим». Аплодисменты). Я бы очень хотел послушать т. Сосновского, что бы он говорил о Есенине, как о поэте, о том, что собой представляет поэзия Есенина, а отделяться тем, что Есенин обходил Малкина, это все равно, что не сказать по существу ничего (т. Маяковский: «Он обошел Полонского, это больше»).

Я говорю о методе, с каким надо подходить к литературе, если хочешь что-нибудь понять в литературе. А. С. Пушкин был камер-юнкером, любил перекинуться в картишки и вел распутный образ жизни. Что это говорит о поэте Пушкине? Разумеется, ничего, или очень мало. Все дело в том, что когда мы говорим с молодежью о литературе, нужно пользоваться каким-то минимумом, чтобы не прививать молодежи распутного отношения к литературе. (Голос: «Правильно»). Тов. Луначарский тоже очень кратко коснулся Есенина. Сказать, что Есенин был человек слабой воли, попал в лапы имажинистов и прочих типов, которые его загубили — и поэтому Есенин повесился, это значит не раскрыть причин смерти Есенина. Ведь то поветрие есенинщины, которое мы наблюдаем среди молодежи, было вызвано громадной силой поэзии Есенина. Ведь в современной русской поэзии можно говорить только о Демьяне Бедном и о Сергее Есенине, как о поэтах всенародно понятных. В поэзии Есенина мы имеем лучшие образцы чистого поэтического русского языка. Голосом Есенина говорила также и народная

песня. В этой силе Есенина, как поэта, лежит причина его влияния. Вот в чем дело. Но ведь это надо сказать. Об этом нельзя забыть. А это значит, что перед нами большой поэт с больными, упадочническими нотами в творчестве, но все же поэт, каким нельзя швыряться, как ветошкой. Когда вы говорите о молодежи, которая упадочнически настроена, ведь вы, как марксисты, понимаете, что Есенин сам вырос на этой же почве, что Есенин не причина упадочничества, а одна из ее жертв, и жертва эта была не случайна. Не нужно закрывать глаза на большой поэтический талант Есенина, которого не отрицает и Сосновский (т. Сосновский: «Отрицаю. Маленький талант»). Пусть он это докажет (т. Сосновский: «Постараюсь»). Я думаю, что не буду неправ, если скажу, что деревня выдвинула не очень много крупных поэтов и среди крупнейших — Есенин. (Голос: «Правильно»). Сила поэтического чувства, великолепно передаваемая простым поэтическим языком, лиризм мотивов, в которых отразилась и народная русская песня, огромная сила лирической настроенности, которую Есенин заражает, — все говорит о том, что Есенин был не маленьким поэтом. Отрицать это — значит не иметь достаточного критического чутья.

Поэзия Есенина раскрывает перед нами трагедию крестьянского поэта, пришедшего в город из деревни и оказавшегося чужим в городе, не сумевшем в городе найти свое место. Я не взял с собой I тома его стихов, вероятно, присутствующие здесь знают, что весь почти первый том есть лирическая автобиография Есенина. И когда мы читаем строки, посвященные родной деревне, когда мы читаем письма к матери, и те строки, которые приводил Луначарский, где Есенин говорит, что хотел бы бежать за комсомолом, когда мы видим поэтический бунт крестьянина против крестьянского мировоззрения, вос-

стание крестьянина против крестьянского бога, и все это на фоне страшного одиночества поэта, и мечтательных его дум о прошлом, и боязни города, нелюби к городу, когда мы встречаем, наконец, мотивы безнадежности, неизбежной гибели деревенского «рая» под натиском городского «железного гостя», тогда нам делается ясной трагедия поэта, который деклассировался, ушел от земли, оторвался от отчего дома и, одинокий, погибает в каменных коридорах города. Есенин был выдвинут крестьянством в ту как раз эпоху, когда старая деревня, старая крестьянская Русь обречена была на слом, и Есенин пал жертвой обреченности этой крестьянской, деревянной Руси. Но он и был поэтом этой обреченной деревни. Мотивы ее гибели и были мотивами его лирики. Я мог бы привести много цитат из его стихотворений, написанных под напором железо-бетонного города, мог бы показать, как эти мотивы угнетали Есенина, и как отразились они в его поэзии. Это была поэзия человека, который в своих произведениях лирически переживал судьбу старой русской деревни, тесно переплетшейся с его личной биографией. Я уже указывал однажды на то, что Есенин принадлежал к той породе поэтов, которые жили для того, чтобы писать, а не писали для того, чтобы жить. Каждый мотив, глубоко его захватывавший, он отражал в своей лирике.

И не вина, а беда Есенина, что он оказался неспособным преодолеть влияние среды, которая в городе его окружала, а окружала его среда беспутная и распутная, пьянственная богема, которая видела в Есенине лишь занятого собутыльника. К другой среде в городе Есенин к несчастью не нашел путей. Деклассированный поэт, попавший в чуждую среду, лишенный культуры — а он был мало культурен — Сергей Есенин не нашел в жизни, в борьбе за жизнь, никаких зацепок, чтобы спастись, и нал жертвой и своей собственной некультурности

и своей оторванности от «отчего дома», и одиночества, и неспособности итти в ногу с своим веком.

Таков был Есенин. В поэзии его, разумеется, звенят упадочные настроения. Но вся ли это поэзия упадочна? Нельзя же всякое стихотворение, в котором поэт говорит о грусти, скорби, о тоске, говорить, что это упадочничество. Тогда много произведений Байрона, Лермонтова, и многое другое, даже у Пушкина, тоже надо объявить упадочными, но ведь это значит, что значительная часть классической литературы окажется упадочной.

Товарищи, лирическая поэзия имеет дело с настроениями и переживаниями, а настроения и переживания многообразны. Нельзя ограничить лирическую поэзию только мотивами барабанного боя и боя часов. (Аплодисменты). Странная вещь: тот же Сосновский, которого я всегда читаю со вниманием и которого считаю одним из самых талантливых наших публицистов, который очень правильно подмечает причины скуки в наших клубах и причины успеха Есенина, тот же Сосновский замечает, что Есенин говорит о таких чувствах, о которых запрещено говорить в ячейке.

Но неужели все то, о чем не говорят в ячейках, упадочничество? Если наша комсомольская и вузовская молодежь с охотой читает Есенина — то разве только потому, что его поэзия упадочна? Но это-то и неправда, и вовсе наша молодежь, в подавляющем большинстве своем, не упадочна. Упадочников — меньшинство, а круг читателей Есенина шире круга упадочников и, если молодежь, всегда более чуткая, чем наш брат, человек зрелых лет взволнованно читает такие строки:

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось.
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

то не потому, что это упадочничество, а потому, что это подлинная, волнующая лирика, хотя бы и чуждая нашей молодежи по своему содержанию. Вообще вся борьба с Есениным, который подменяется есенинщиной — напоминает мне борьбу с кожаным болванчиком, которого можно бить по морде совершенно безнаказанно. Такую же роль кожаного болванчика для некоторых любителей начинает играть большой поэт, заплативший своей кровью за свою трагическую, социально обусловленную оторванность от великого движения своего времени. Он хотел быть вместе с революцией, но не сумел. Он не пошел в ногу с жизнью — и жизнь ушла от него. И он погиб. Но погиб не потому, что был алкоголиком. Напротив. Он сделался алкоголиком потому, что чувствовал надвигающуюся гибель, потому что жизнь, настоящая, творческая, с ее борьбой, уходила от него, оставляя его одного с томительными мечтами о невозвратной ушедшей в прошлое деревянной Руси.

Русь моя, деревянная Русь,
Я один твой певец и глашатай

— Это ведь было одним из центральных мотивов его поэзии — и не случайно, а с полным сознанием своей роли бросил он поэтическую фразу:

Я последний поэт деревни —

и эта поэтическая фраза является далеко «не фразой» в житейском смысле. Он и в самом деле «последний поэт» старой, до-революционной деревни капиталистической эпохи, которая разрушалась и погибала на его глазах. Вспомните его последние посещения «родных мест», — страшное разочарование, которое его охватило, его тоскливое восклицание:

Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен.
Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

А ведь — это приговор, это — смерть, и нечему удивляться, что Есенин стал пить горькую: он начал умирать задолго до самоубийства — оттого-то в стихах его последних двух лет так много мотивов гибели. Оттого-то его самоубийство не является озорством, чем-то таким, что можно осудить, не поняв. Я ведь не говорю об оправдании самоубийства. Я говорю о том, что его надо понять — так же, как и хулиганство Есенина, в наличии которого нельзя, разумеется, сомневаться. И хулиганство его, отвратительное, как всякое другое, и заслуживающее самого резкого осуждения, было такой попыткой уже погибающего и малокультурного человека найти какое-то спасение перед лицом надвигающейся гибели. Оттого-то я и говорю — хулиганство чубаровцев и хулиганство поэта Есенина несколько различны по мотивам, хотя социально вредны одинаково, а б. м. хулиганство Есенина объективно даже вреднее. Но констатировав эту вредность — нельзя не пытаться понять, по каким причинам оно возникло, это хулиганство большого поэта. Именно потому, что он большой поэт, любимец молодежи, а не первый встречный чубаровец. Ведь «объяснить», «понять причину» это и значит правильно истолковать и обезвредить явление. А голое осуждение Есенина, как хулигана, — не опорочивает его поэзии — в ее не упадочнической части. Эта поэзия приобретает еще больший социальный интерес, так как она раскрывается перед нами, как лирическая трагедия человека, не сумевшего преодолеть трудностей своего житейского и поэтического бытия. Ведь в его пьяном надрыве, отвратительном, как всякий другой пьяный надрыв, звучали нередко ноты подлинного раскаяния, настоящей боли. Ведь то самое стихотворение, которое цитировал Сосновский: «Пей, сука, пей», кончается словами: «Дорогая, я плачу, прости, прости». Заметьте, что Есенин один из самых целомудренных поэтов

(смех), если вырезать из его книги цикл «Москва Кабацкая». Я предлагаю вам взять первый том его и с карандашом в руках подчеркнуть все любовные мотивы его лирики. Вы увидите, что их очень мало. Любовной лирики, я не говорю уже об эротике за исключением «Москвы Кабацкой» почти нет. Только в последние годы его жизни, когда ломалась деревянная Русь, только в последние годы его жизни появились любовные мотивы, несколько кабацких стихотворений и стихотворения, посвященные Айседоре Дункан. Но вся лирика, за исключением 1914—15 г. г., где мелькает женский образ, совсем лишена любовного элемента. Его упадочные стихотворения следовало бы конечно при строгой редакции из первого тома собрания сочинений исключить, но значит ли, что этих упадочных стихов достаточно для того, чтобы мы могли козырять Есениным, как причиной всех бед, терзающих нашу комсомольскую молодежь? (С места: «Кто это делает»). Это делают. Меня интересует это постольку, поскольку мне хотелось бы, чтобы мы научились, наконец, относиться к литературным явлениям крупным и мелким равно, с должным вниманием к их сложности, а не обращались бы с литературой, как с предметом недостойным серьезного внимания. Надо научиться уважать литературу. (Голос: «правильно». Аплодисменты). В большинстве нет этого уважения в литературе. Когда Бухарин пишет «злые» заметки и называет их злыми, мы понимаем почему. Так надо. Бухарин бьет по определенным вредным явлениям, которые называет есенинщиной, но не по Есенину, как поэту. И надо прекратить отождествление поэзии Есенина и есенинщины хотя бы потому, что это отождествление вносит сумбур в головы молодежи, которая, читая Есенина, видит есенинщину только на некоторых его страницах.

Теперь, товарищи, позвольте мне кратко сказать об упадочничестве соеди молодежи. Я не буду говорить подробно, об этом говорилось достаточно и с тем, что говорил тов. Луначарский, я в значительной мере согласен. Я не возражаю также против того, что говорил товарищ Сосновский относительно социальных корней упадочничества. Но ведь все это общее место. Получается какой-то гутаперчевый мешок, куда бросают все, что под руку попадет, и будут бросать пока мешок не лопнет. Но молодежь, которая ставит перед нами вопрос: как быть, как жить, что делать, она настоящего, конкретного ответа не получает. Кроме того, среди молодежи явления упадочничества требуют немедленного вмешательства. Обратиться к молодежи с указанием что-де потом будет хорошо, а сейчас так и должно быть — нельзя, тем более, что явления упадочничества должны быть, могут быть изживаемы теперь же, не дожидаясь того времени, когда мы подыдем хозяйство, понастроим просторных домов и увеличим стипендии вузовцам. Позвольте, товарищи, я для краткости остановлюсь только на одном обстоятельстве и этим ограничусь. Я просил бы вас, товарищи, не сердиться. Я обращаюсь к молодежи — может быть я не прав, вы мне ответите. Но я хочу честно сказать, что одной из причин развития и роста упадочных настроений среди молодежи считаю самое молодежь и не упадочническую ее часть, а именно здоровую часть молодежи. Это кажется парадоксом. Но я сейчас объясню, в чем, мне кажется, дело.

Товарищи, молодежь наша представляет собою коллектив, товарищество. Но скажите, как обстоит с чувством товарищества в этом товариществе? Я приведу одно исключительное дело, о котором писал Сосновский, кореньковщину. Был такой студент, он, на-днях писали в газетах, приговорен к расстрелу. Он затравил, а может

быть убил свою жену. (С места: «Нет»). Если не убил, то способен был убить. Но меня интересует не это, меня интересует вот что: как же могло случиться, что этот бандит, чубаровец, типичный упадочник и пр., — я спрашиваю, как могло быть, что окружавшие его вы, здоровые, крепкие, молодые, зубрившие к зачетам книжки, вы, которые говорите о борьбе с упадочничеством, скажите, как могло случиться, что вы не заметили, что среди вас живет настоящий бандит? Как это могло произойти, что бандит мог самым подлым образом затравить, довести до самоубийства нашего же товарища, студентку? Ведь все это происходило в вузовском общежитии! Значит были кругом люди, которые называли друг друга товарищами! Ведь драма происходила на ваших глазах! Ведь его жена, студентка Давидсон, жаловалась же товаркам, она ведь плакала, она ведь искала чей-нибудь поддержки, где же вы были, я спрашиваю, те, которые их окружали? Когда Николай Кузнецов застрелился, неужели у него, как и у Розы Давидсон, совсем не оказалось друзей? У Есенина не было друзей, были только собутыльники, они пили с ним водку и знать не хотели его душевных драм. Воспоминания показывают, что Есенин был одинок, вокруг него были люди, не знавшие его и не любившие его. А Николай Кузнецов, у него-то ведь были друзья? Где же были они, эти друзья, когда он перед смертью искал зацепки за жизнь? Ведь не может же быть, чтобы юноша, молодой человек, так просто, «здорово живешь», «без борьбы, без думы роковой» полез в петлю. Человек перед смертью не может не тосковать. Не бывает этого. Где же были друзья его, товарищи, когда он искал чьего-нибудь сочувствия, а быть может поддержки?

Общие причины явлений упадочничества, социально-экономические причины. Но не надо все сваливать на экономику: экономика-де одна виновата, а

мы, люди, здесь не причем. Это неверно. И от нас, живых людей, на почве известных социально-экономических отношений, кое-что, и не малое, зависит. И мы, живые люди, можем вмешиваться в события и кое-что делать в пределах тех же самых социально-экономических законов. А ударяться в бездействие, сваливать все на социально-экономические причины — товарищи, это тоже одна из форм упадочничества. Оттого-то нельзя смотреть безучастно на то, что происходит вокруг. Если на твоих глазах происходит убийство, ты способствуешь убийству, если не мешаешь ему. И здоровая молодежь наша повинна в развитии упадочничества в такой мере, в какой безучастно и с равнодушием созерцала и созерцает безобразия творящейся в ее среде. В вашей молодой среде процветает, например, наплевательское отношение к человеку, нередко хамское отношение к женщине.

Да, нередко. Почему же, вы, молодые не боретесь с этим хамством, не искореняете его без пощады? Почему какой-нибудь прохвост может ходить среди вас, засунув ручки в брючки, и творить разные мерзости, да среди бела дня, да еще под флагом строительства «нового быта», новой «свободной» морали? И никто не сорвет с него маску, хотя всем видно, что это жулик, чубаровец и что его надо вытолкать из вузовской среды в три шеи. (С места: «А еще ходит, как герой»). Здесь, товарищи, повинна не упадочническая часть молодежи, не эти разложившиеся элементы, а именно не разложившаяся, здоровая часть, ибо я знаю, что упадочников меньшинство, а здоровой молодежи, которая учится, работает, стремится к будущему — большинство. Где же это большинство? И почему оно бездействует? А ведь оно — сила. Ведь это в его среде выются гнезда упадочничества. Где же его воля к сопротивлению? Где же «общественное мнение»? Или

она, эта здоровая часть молодежи, не умеет отличить добро от зла?

И я имею право, товарищи, сказать, что первая и главная роль в борьбе с упадочническими настроениями среди молодежи принадлежит самой молодежи.

Она должна перестать быть пассивной, должна перестать созерцать безобразие, которое происходит вокруг нее. Почему могут совершаться -самые отвратительные поступки в вашей среде, когда на словах, теоретически, вы все как будто против них? Потому, что, очевидно, вы не отдаете себе отчета в том, что вы также отвечаете за эти чужие поступки. Чувства ответственности за товарищей у вас, очевидно, нет; нет у вас, очевидно, чувства уважения к товарищу, нет товарищеской любви. Мы вообще перестали ценить человека. Это оказывается и в отношении к поэту Есенину, это сказывается в том, что мы спокойно можем созерцать, как рядом погибает человек. Конечно, это в значительной степени результат гражданской войны, результат империалистической войны. Наши нервы огрубели, мы просто перестали быть чуткими, нас не трогает чужое человеческое страдание. Все это так и должно было быть в эпоху жестокой гражданской войны: нельзя было сентиментальничать. Но теперь-то мы строим мирный быт и грубость необходимо смягчать. А мы очень грубы — это прежде всего сказывается в не-товарищеском отношении к человеку. Уважения к человеку мало — потому, что мало уважения и к самому себе. Нет культуры воли, нет желания построить хороший, крепкий тип нового человека. Поэтому распространяется слюнтяйство, разгильдяйство, и даже Комсомол сейчас не воспитывает еще такого человека, который должен быть образцом. В нашу эпоху, когда говорят, что надо поднять качество башма-

ков, качество галош, качество продукции, — нам надо в первую очередь поднимать качество человека, качество социалистического человека. (Бурные аплодисменты). И вот, товарищи, потому, что борьба за качество социалистического человека не ведется, потому, что эта задача даже не поставлена, с такой легкостью и не встречая сопротивления, распространяется упадочничество. И чтобы с ним бороться, надо вспомнить, что каждый человек, как человек, достоин уважения, достоин признания. (Шум. Голос: «А буржуи!») Позвольте задать вопрос. В Чубаровом переулке хулиганы изнасиловали рабфаковку и за это их жестоко судили. Но, если бы изнасиловали они не рабфаковку, а скажем, бывшую или даже настоящую какую-нибудь буржуйку, неужели надо было бы отпустить их на свободу? Товарищи, вы забываете, что здесь очень тонкий переплет. В том то и дело, что, когда вы говорите, что одного человека можно уничтожить, а другого нет, то вы должны отдать себе отчет: во-первых, почему можно уничтожить и во-вторых, кто может уничтожить? Отдельному гражданину общества не разрешено ни уничтожать, ни изнасиловать своего соседа. Почему? Да, потому, что иначе общество, человеческое общежитие, существовать не может. Когда чубаровцев судили, ужаснее всего было то, что они не понимали, почему их судят. Что собственно произошло? Растоптали женщину? Да, они топчут их каждый день. Погубили девушку? Да, ведь, они делают это походя! Товарищи, вы представьте себе, что в обществе существовала бы какая-нибудь группа частных лиц, которые сами стали бы решать, кого из сограждан своих ценить, как людей, достойных уважения, а с кем разделаться, как подобает с людьми, никакой ценности не представляющими? Что получилось бы, если бы эти отдельные лица стали бы делать практические выво-

ды из своих соображений? Получился бы бандитизм и самосуды в самой резкой форме. Вот этого-то организованное, правовое общество и не может разрешить отдельным своим гражданам. Функции суда и осуждения власть оставляет за собой — ибо она действует в интересах целого и по поручению целого. А это значит — что отдельные граждане, не действующие по поручению общества, и в интересах всего общества, не наделенные полномочиями общества, что эти отдельные граждане не имеют права нарушать личных и иных интересов других граждан, не объявленных общественной властью вне закона. Поэтому, когда нанесут удар ножом буржую — будь это отъявленный нэпман — он найдет защиту в советском народном суде, а нанесший удар ножом, кто бы он ни был — по советскому суду потерпит наказание. Потому, что иначе общество существовать не может, иначе чубаровцы всех мастей и оттенков сделаются хозяевами положения. Оттого-то я говорю, что в нашем обществе, существующих на основах революционной законности, один частный гражданин, в силу своего личного, индивидуального хотения, не может убить другого гражданина, или вообще нанести ему ущерб, кто бы этот другой гражданин ни был. Общество не позволяет одним гражданам по личному усмотрению решать судьбу и многообразные интересы других своих граждан. Но это и значит именно то, что он говорил выше: что каждый человек, как общее правило, достоин уважения. Вы можете на улице ударить ногой собаку, это будет нехорошо, но вас не потянут в суд. Но если вы ударите ногой человека, хотя бы это был буржуа, вас потянут в народный суд. Потому, что по советским законам человеческое достоинство охраняется за всеми гражданами нашей страны. Если же некоторые граждане лишены гражданских прав, то и в этом последнем случае власть не отдает этих лишенных прав граж-

дан на растерзание другим гражданам, а изолирует их.

Все это очень элементарно и совестно говорить эти азбучные вещи, но ведь не всем они, оказывается, достаточно ясны, если надо доказывать, что нельзя изнашивать не только рабфаковку, но и нэпманшу. (С места: «никто этого не говорит»). Я говорю, что человек вообще, как человеческое существо, в человеческом обществе должен пользоваться уважением, если он не вредит человечеству. А когда он начинает вредить, общество может лишить его всего, даже права на жизнь. Но общество в целом, а не отдельный член общества.

Я здесь коснулся только одного из основных вопросов одного из больных мест. Борьба против упадочничества должна вестись самой молодежью в первую очередь; молодежь должна найти в себе волю к победе над упадочничеством, должна истреблять упадочничество, воздействовать на упадочников; должны быть мобилизованы все силы нашего молодняка, нашего комсомольского коллектива для борьбы с явлениями упадка, с негодяйством и разгильдяйством, имеющими место в этом коллективе.

Но эта борьба будет плодотворна, когда вместе с нею будет подниматься среди молодежи уважительное отношение к человеку, культура человека, как борца, качество социалистического человека, как строителя социалистического будущего. (Аплодисменты).

В. МАЯКОВСКИЙ

Товарищи, ставить знак равенства между всем упадочничеством и Есениным бессмысленно. Упадочничество — явление значительно более серьезное, более сложное и большее по размерам, чем Сергей Есенин. Я не берусь говорить о разных причинах упадочничества и о различных формах его проявления. Я начну разговор с того

именно, на чем кончили т. т. Сосновский и Полонский, с вопроса о литературе: как это упадочничество в литературе отражается, виноват ли в этом Есенин, или какая-то легендарная есенинщина, которая родилась после смерти Сергея Есенина и пошла гулять по Советскому Союзу. Я много езжу по разным городам Союза и одно из главных моих занятий — выслушивание стихов пролетарских литературных организаций: Ростовской Ассоциации Пролетарских Писателей, Нижегородской, Самарской и других. И приблизительно 35—40% поэтов подражают Сергею Есенину, находятся под совершенным есенинским влиянием, и мотивами своей работы, и отдельными выражениями и отчасти преклонением перед памятью о Есенине. Это было в Нижнем. Пришло ко мне человек 16 поэтов, многие есенинцы. Я рассыпался, де, я очень и очень рад видеть такое сочувствие поэзии С. Есенина и могу вам прочесть последнее его сочинение. Читаю. Аудитория радовалась и говорила: да, это хорошо, это по-есенински. И только потом я открыл, что это стих Александра Блока. У него и про вино, и про Россию лучше, чем у Есенина. Колоссальное увлечение Сергеем Есениным объясняется тем, что не знают ни что такое литература вообще, ни что такое есенинская, ни что такое Есенин. Есть какое-то понятие, противопоставляемое скуке, как писал в комсомольской газете Вольпин: «в пивной пиво, в пивной раки, а в ячейке наоборот». И это противопоставление оставляют при разборе Есенина: де, интересно и душевно, а революция суха и надоела. Надо понимать литературное значение Есенина, роль его в нашей литературе, размеры его дарования, то, что пригодно в нем для нас и что непригодно, но в этом ни один себе отчета не отдает. Есенина у нас не знают, читают 5—6 стихотворений и то по величайшему популяризатору т. Сосновскому. (*Голоса*: «Неправда, Неправда»). Я знаю,

что вы знаете стихи Есенина, но не отождествляйте себя со всей нашей массой.

Товарищи, у нас есть официальная поэзия, печатающаяся в миллионном количестве экземпляров. Сейчас собралась федерация советских писателей. Там представители 7 пролетарских и 7 крестьянских. Пролетарских я знаю, но когда я увидел во главе федерации 7 крестьянских писателей, мне пришлось покупать и читать их всех потому, что я ни одной их фамилии не слышал. Я имею авторитетное утверждение Авербаха о расходимости этой поэзии в миллионном количестве! А их не знает ни один из присутствующих здесь. Вы знаете стихи Хомякова? Нет, не знаете, а они печатались в миллионах экземпляров. Вы знаете сочинения Замайского, Роги? Не знаете. Это нисколько не удивительно. Вот какое новое толкование марксизма, Маркса и Ленина в крестьянском журнале «Жернов», где рассказывается о рождении Владимира Ильича, о том, как он искал себе доспехов в России, оных не мог найти, поехал в Неметчину, где жил богатырь большой Карла Марсович «и после смерти этого самого Марсовича» все доспехи его так без дела лежали и ржавели». Хорошее понимание роли марксизма и влияния его на развитие революции. «Так без дела лежали ржавели». Ленин пришел и Марсовы доспехи надел на себя и «как будто по нем их делали». Одевшись — вернулся в Россию обратно. Тут собирается Совнарком. И вот картина сбора Совнаркома. Как приехал Алеша Рыков с товарищами, а спереди едет большой богатырь Михайло Иваныч Калинычев. И вот, разбили они Юденича, Колчака и других, то домой Ильич воротился с богатой добычей и со славой. Это описание нашей борьбы, это Маркс и Ленин. (Голос: «Причем тут Есенин?»). Я говорю о возникновении есенищины. Если печатающихся в миллионах экземпляров писателей вы узнаете

только из случайных цитат, то это показатель отсутствия интереса к литературе. А ведь это расходится, вернее его расходят. Есть это нельзя, ни при каких условиях. Тов. Полонский радовался, что Есенин распространенный писатель. Дай бог такому писателю поменьше распространения. Одна из главных причин интереса. Лирический писатель, лирические темы, раки, а не ячейка, что по литературной линии можно противопоставить ему в крестьянской и пролетарской поэзии? Можно очень, очень мало. Причина, наше страшное литературное бескультурье. Сам Есенин не имел причин класть себе преграды. Но удивляешься на редакторов С. Есенина, на людей, которые не только не давали и не могли дать ему литературных советов, но наоборот, двигали по водочной дороге. (*С места*: «Что это значит?»). Это значит следующее: у нас к водке точное и правильное отношение найти очень просто: водка, это бутылка в 40° и никаких сомнений, ни 42, ни 38, и описание ее действия и ее самой чрезвычайно просто. Но писать про водку, это значит итти по линии наименьшего сопротивления. Но это нравится. Особенно, если рядом с любовью к водке еще и нет никакого литературного вкуса, или иметь очень маленький, ясно, что Есенин выпирает над всей литературой. Он хоть про водку хорошо писал. Ясно, что у Полонского, в его журнале Есенин должен был выпирать. Я сегодня читал журнал «Красную Ниву», как на таком фоне Есенину не разжиганиться!

Вот русский язычок одного из стихотворений в сегодняшнем номере «Красной Нивы»: «От радости сердце разбилось вдвое». «Вдвое» это определение количественного увеличения. Вы у Есенина этого не найдете, а здесь это на каждой странице. Конечно, при таких литературных перспективах Есенин вырастает до грандиозных литературных размеров. Прежде всего и раньше всего про

ценность Есенина. Он умел писать стихи? Это ерунда сущая. Пустяковая работа. Сейчас все пишут и очень недурно. Ты скажи, сделал ли ты из своих стихов, или пытался сделать оружие класса, оружие революции. (Аплодисменты). И если ты даже скапутился на этом деле, то это гораздо сильнее, почетнее, чем хорошо повторять: «Душа моя полна тоски, а ночь такая лунная». (Аплодисменты). Я отнюдь не поклонник того, чтобы подложить какую-нибудь душеспасительную вещицу за образочек и на нее молиться, я не за рифмованную политграмоту. Уже если Калинин выругал сухую, однообразную агитацитику, то мне и бог велел. (Смех). Я не за высушивание нашей работы. Работай-де и живи — без танцев, без пива. Нет. Этим путем занимается тот, кто к этой моральной деятельности приставлен. А я буду пиво похваливать, не кривя душой. (С места «В стихах?»). И в стихах и в прозе. Дело не в этом, а в том, что и по этой любовно-пьяной литературной линии наша российская литература дала во много раз лучшие образцы, чем мы находим у Есенина.— Я приводил на прошлом собрании строки, которые мне нравятся у Есенина «Знаю я, что с тобою другая... и т. д.». Это самое «ДР» другая, дорогая, вот что делает поэзию поэзией. Вот, чего многие не учитывают. Отсутствие этого «ДР» засушивает поэзию не менее докладов, о которых говорит т. Калинин, превращая и ее в скучную пасторскую риторику. Но уж если говорить о «ДР», то я вам приведу одну частушку «Дорогая и дорогая, дорогие оба, дорогая дорога довела до гроба». Это «ДР» почище, чем у Есенина. Вопрос о С. Есенине — это вопрос о форме, вопрос о подходе к деланию стиха так, чтобы он внедрялся в тот участок мозга, сердца, куда иным путем не влезешь, а только поэзией. Вопрос о форме важнейший вопрос. А сейчас что получается? Форма и обработка сырого словесного

материала об'явлена чорт знает чем, чуть не белой вещью! Кем об'явлена... Я перечитываю с постоянным удовольствием речь т. Калинина и мы ее перепечатаем в «Лефе» от строчки до строчки, потому что в ней указано, что нужно знать технологию своего ремесла, знать свою работу. То же самое в области поэзии. С удовлетворением читаем мы »Злые Заметки» т. Бухарина. За всеми вождями угнались, за Бухариным, за Калининим, но вот за Ольшевцом поэты не могут угнаться. А эти Ольшевцы делают ежедневную лит-погоду. Печатают такие статьи, где форма об'является под полным запретом. У т. Бухарина есть блестящая фраза: он говорит о зайцах, которых можно выучить повторять цитаты, и он этих зайцев кроет. Но зайцы, попавшиеся т. Бухарину, это сравнительно милые зайцы, столичные зайцы, с большим горизонтом. А есть зайцы провинциальные, которые даже цитат не читают, а живут и питаются цитатами, завезенными другими заезжими зайцами. Мы трубим не о Есенине, а о культурных задачах. В «Известиях» за последние полгода я нашел только одну литературную заметку, хвалящую какого-то поэта за то, что он подражает Есенину. Маловато. Ругая Есенина, выступая против упадочничества, нам нужно посмотреть на то, как организована наша литературная жизнь. Я очень советую, товарищи, следующий доклад поставить на тему о редакторской критике потому, что Есенины сами по себе не так страшны, а страшно то, что делают из них т. Полонские, т. Воронские и т. Сосновские. Есенин не был мирной фигуркой при жизни и нам безразлично, даже почти приятно, что он не был таковым. Мы его взяли со всеми его недостатками, как тип хулигана, который по классификации т. Луначарского мог быть использован для революции. Но то, что сейчас делают из Сергея Есенина, это нами самими выдуманное безобразие.

В. М. ФРИЧЕ

От прошлого раза осталось несколько записавшихся ораторов и, прежде чем дать им слово, я позволю себе сказать несколько слов к порядку прений. У нас совершенно определенная тема, а именно: в нашем социальном организме, в пролетариате, в пролетарской молодежи, в вузовской молодежи имеются ли признаки некоторой болезни, в смысле пессимизма, разочарования, хулиганства и т. д., в каких размерах эта болезнь имеется, если она есть, и как ее нужно лечить. Вот та тема, которая перед нами стоит, вот тот большой и больной вопрос. Поэтому, я просил бы держаться именно этих рамок. А в прошлый раз прения то и дело перескакивали на другую тему. В прошлый раз очень много говорили о Есенине, о есенинской поэзии, очень много говорили о его личности. Я предлагаю этого не делать. Нас личность Есенина совершенно не интересует, Есенина больше нет; осталась его поэзия, и только о его поэзии можно говорить. Но и о поэзии его, хотя мы Секция Литературы и Искусства, мы не можем и не должны говорить с художественной стороны. В прошлый раз, уступая аудитории, тов. Полонский должен был сделать оценку, характеристику этой поэзии. Этот вопрос может быть затронут только в том смысле, поскольку эта поэзия питает те болезненные настроения, которые имеются и только в таких пределах можно и следует касаться этого вопроса. Я позволю себе огласить один документ, представляющий интерес, где этот вопрос, именно так поставлен. Этот документ заимствован из стенной газеты одного из наших средних учебных заведений и представляет ответ комсомольца комсомолке, поклоннице Есенина. Здесь о личности поэта не говорится, а только о его поэзии.

«Недавно, — пишет этот комсомолец в стенной газете, — недавно мне в руки попало твое произведение о

Есенине... Ты пишешь: «не могу понять почему передовая молодежь в первые дни после смерти Есенина возносила талант поэта, молодежь кричала, что же ты наделал, мой синеглазый», а теперь они все борются против Есенина и есенинщины. Для меня же Есенин остался тем же, чем был раньше. Стихи гениального поэта очень много дают молодежи (сужу по себе). В минуту внутреннего разлада, когда нехватает сил и слов, чтобы выразить свои чувства, не изменив и не исковеркав их, я прибегаю к Есенину.

«Очень сожалею — отвечает комсомолец — что за неимением места не могу подробно остановиться на высказанных тобою мыслях. Укажу лишь на то, что ты уже здесь в приведенных выдержках дала ответ на твой вопрос — почему молодежь борется с Есениным и почему он тебе нравится. Ты прибегаешь к Есенину в «минуты внутреннего разлада», потому что стихи Есенина есть наглядный образчик, наглядное выражение этого «внутреннего разлада». Вся жизнь, все творчество Есенина есть «внутренний разлад». И вместо того, чтобы бороться с этим «разладом» в самой себе, чтобы постараться изгнать его и поселить в себе бодрость, ты томно усаживаешься в полутемной комнате и начинаешь перечитывать стихи Есенина. Вот почему мы и боремся с Есениным, что он поселяет, поддерживает пессимизм, «внутренний разлад» с самим собой, в среде нашей молодежи. Мне очень жаль, что ты, комсомолка, член боевой организации молодежи, еще до сих пор находишься под влиянием есенинщины и не стараешься понять, почему мы против него.

Искренно советую тебе внимательно прислушаться к тому, что говорит по этому поводу комсомол, и вступить в борьбу с захватившими тебя всякого рода «внутренними разладами» и есенинщиной.

Им не место там, где должны быть бодрость и стремление к работе».¹

Вот здесь в этом документе, а такие документы нам нужны, во-первых, об Есенине не говорится ничего, а показана связь между этой поэзией и упадочными настроениями среди молодежи. Я предлагаю, если касаться Есенина и его поэзии, то только с этой стороны.

Затем, я должен указать, что выступления некоторых товарищей в прошлый раз были окрашены в чрезвычайно пессимистический цвет, были пессимистически заострены. Мы полагаем, что это не очень целесообразно. Так, тов. Преображенский в своей очень интересной речи, развил теорию о трудности построения социалистического хозяйства, социалистической культуры в нашей стране, в виду неприспособленности человеческого материала к этим задачам, в виду того, что имеется разрыв между производительными силами и производственными отношениями, имеется неприспособленность био-психологического материала к этим задачам, и отсюда почва для

¹ После вечера 5 марта секцией получено письмо от уважаемого товарища, приславшего выписку из стенной газеты ячейки и месткома ЦИК СССР и ВЦИК — это стихотворение курьера в приемной М. И. Калинина тов. Перепелкина. Так как оно имеет непосредственное отношение к трактуемому вопросу, помещаем его здесь.

Стихи Есенина

Стихи Есенина мне ничего не дали,
Хоть жаждал я в них многое найти,
Но с ними мне не по пути:
Они от жизни далеко отстали.

Ну, как пойду я жизненной тропой
С усталой лирикой, истерзанно-хмельной,
Когда я сам почти полубольной,
Когда я сам измученный тоскою.

всяких ненормальностей. Но ведь надо сказать и можно эот показать, что в таких же трудных условиях протекало строительство капиталистического общества, ибо и тогда, когда строился капитализм, было такое же несоответствие между био-психологическим человеческим материалом и теми производственными отношениями, тем строительством и теми задачами, которые тогда стояли. Достаточно вспомнить работу немецкого исследователя Макса Вебера, где он показывает, какую большую роль сыграл протестантизм и кальвинизм в Англии, в Америке и других странах в деле выработки психологии капиталиста организатора, в деле воспитания типа капиталиста-предпринимателя.

Это была длительная мучительная работа над человеческим материалом. Это указывает, что тогда, когда строился капитализм, было такое же несоответствие. Можно показать, что и теперь это имеет место в некоторых капиталистических странах. В той же самой Франции, на которую оратор указывал, как на страну, где это приспособление произошло целиком и механизм вертится, как следует, уже в 17—18-м веке, вплоть до мировой войны, раздавались голоса, что французский человеческий материал не приспособлен к задачам индустриального капитализма. Можно указать хотя бы на книгу известного французского писателя Пьера Ампа «Победа Франции над французами», написанную во время войны, где

Мне музыка нужна, но не больная.
Здоровые стихи, как воздух, нам нужны.
Тот слился с жизнью Октября и Мая,
Кто отошел от жуткой старины.

Есенин не ушел и с жизнью не сроднился,
„Остался в прошлом он одной ногой”,
В кабацком омуте скользил другой
И наконец достиг того, к чему стремился.

он проводит мысль, что средний француз совершенно не приспособлен ни био-, ни психологически к задачам капитализма. Он лезет в рантьеры, идет в чиновники, но не в торговлю, не в промышленность, потому что он не приспособлен к этому, и отсюда всякие для Франции отрицательные последствия. Эти трудности имеются не только у нас, они имелись и при капиталистическом развитии и не изжиты, до сих пор.

Поэтому это преувеличивать не следует, а если к этому прибавить еще ту пассивность и усталость рабочего класса, о которых говорил оратор, то получается очень жуткая картина. Точно так же слышались те же излишние пессимистические нотки в интересной речи тов. Соновского, в конце его речи, где он развешивал картину тяжелых жилищных условий, кажется в Орехово-Зуеве или Иваново-Вознесенске, где говорилось о красной свадьбе, когда жених и невеста вернулись домой в комнату, где все жившие в этой комнате старики и молодые стали с любопытством ждать, что же будет дальше. Это, конечно, ужасно, и оратор старался доказать, что здесь есть почва для пессимизма. Никто не будет спорить, что это тяжело. Но все-таки, если мы вспомним прошлое, то мы знаем много таких случаев. Например, один из первых русских рабочих поэтов Нечаев рассказывал о тяжелых условиях, в которых протекало его детство. Он работал на стеклянном заводе, отец его пьянствовал, избивал свою

Мой милый, обновленный край родной
И наша жизнь, наш век борьбы суровой —
Поэзии хотят совсем иной,
Поэзии прекрасной, нежной, новой

Стихи Есенина мне ничего не дали
И ничего не могут дать.
Он с ними сам не мог догнать стальную рать,
Стихи Есенина полны больной печали.

жену, приставал к ней, и дети — спавшие в той же комнате — все это видели. Это было ужасно, но тем не менее Нечаев не ударился в пессимизм, а из него вышел человек, как человек. А если принять во внимание, что жилищные условия не так скоро изменятся, то получится пессимистический тупик. Нам кажется целесообразным, принимая во внимание все трудности момента, в то же самое время молодежь ориентировать на примеры более бодрящие, хотя бы на пример старшего поколения революционеров, которые были в положении худшем, чем нынешняя молодежь, ибо то поколение видело не торжество революции, а разгром революции. Оно видело разнузданную реакцию и должно было уйти в подполье. Оно видело все свои стремления затоптанными реакцией, но это несколько не приводило это поколение революционеров к унынию и пессимизму. Оно продолжало свое дело в труднейших условиях, потому что оно верило в это дело и знало, что они победят. И мне кажется более целесообразным ориентировать молодежь на такие примеры, в том числе на пример Ленина, чем строить такой пессимистический тупик, ибо не должно быть места унынию, пессимизму, расхлябанности — я цитирую опять этого комсомольца — там, где нужна бодрость, где нужно стремление к работе. Поэтому от имени Секции я должен сказать, что мы считали бы целесообразным так освещать вопрос, и в этом отношении Секция вполне солидаризируется с докладчиком, который свой доклад закончил словами, что мы эти болезни изживем потому — что пролетариат не может погибнуть, и не может погибнуть социализм, как ни трудно его строить.

Л. ЛЕОНОВ

Товарищи, я не представляю себе возможным охватить, особенно в несколько минут, две обширнейшие темы, поставленные А. В. Луначарским — упадочничество и есенинщина. Это два больших сложных вопроса, по которым вести дебаты одновременно — задача почти невыполнимая, да и спор сам по себе по своей расплывчатости мог бы оказаться беспредметным. В этом нас убеждают выступления предыдущих ораторов, которые заостряли все свое внимание либо на Есенине, почти не касаясь главной темы доклада, либо концентрировали внимание на анализе причин упадочничества, обойдя молчанием вопрос об есенинщине. Поэтому я позволю себе задержать ваше внимание на одном вопросе главной темы — на анализе болезненных настроений нашей вузовской молодежи.

Я думаю, что у нас не будет разногласий на счет того, что нельзя рассматривать вопрос о молодежи, о ее настроениях изолированно, вне зависимости от настроения всего рабочего класса или крестьянства, от того экономического положения, в котором мы сейчас находимся, от тех сложных и часто противоречивых процессов, которые у нас имеются. И в этом отношении диверсия т. Преображенского имеет свои основания. С его концепцией можно согласиться или не соглашаться, но что экономические предпосылки для марксиста обязательны — в этом, надеюсь, споров нет. Должен отметить, что данная здесь постановка вопроса не совсем ясна: о какой молодежи мы говорим? Об упадочных настроениях среди какой молодежи идет речь? Нужно совершенно точно и четко поставить вопрос, расчленив молодежь на производственные — точнее, классовые — группы. Когда вы говорите о молодежи крестьянской, находящейся в дерев-

не, либо уже пришедшей в город и обивающей пороги Биржи Труда, это одно. Когда вы говорите о рабочей молодежи, находящейся на производстве, непосредственно у станка, или о молодежи, сидящей за конторкой, или прилавком — это будет другое. Когда вы говорите о молодежи учащейся — это будет третье. Здесь различные экономические предпосылки и различные, следовательно, настроения.

Кроме того, для суждения об этом сложном вопросе нужен большой фактический материал, нужно глубокое всестороннее изучение явлений во всех указанных мною трех прослойках. Судить о настроениях молодежи только на основании литературных источников — как это делают некоторые товарищи — не совсем правильно. Литературные отображения, пусть даже талантливых молодых наших писателей, не дают полной картины, а выводимые ими типы, явления и настроения — за весьма редкими исключениями — не продумываются ими до конца. Книжки, пьесы «пекутся», пусть талантливым мастером, в 3—5 м-цев, в какой срок ни собрать достаточного материала, ни достаточных наблюдений для изучения типов нельзя. Если вы возьмете литературу, на которой главным образом здесь базировались, то увидите, что в ней имеем отображение той части молодежи, которая представляется оторванной от масс, не имеющей экономических основ — деклассированной, или той молодежи, которая в дни гражданских битв играла большую роль, но которая — сейчас уже не у дел. На этих литературных источниках базироваться и из них делать все свои выводы — мне представляется, не совсем правильным. К сожалению, нам не представлен достаточный фактический материал о молодежи, о тех упадочных настроениях, которые мы там имеем, среди какой части молодежи они, главным образом, появляются, какова их природа и т. д.

В моем распоряжении имеется анкета одного высшего учебного заведения г. Москвы. Охватывает она, правда, не очень большое количество студентов, но во всяком случае — материал чрезвычайно интересный. О чем говорит эта анкета, составленная и обработкой законченная полторы-две недели тому назад? На вопросы, относительно общественной работы — ведет ли эту общественную работу заполняющий анкету, удовлетворяет ли она его и т. д. — мы имеем такие ответы: «не влечет меня общественная работа», «не имею пристрастия к общественной работе», «общественная работа меня никак не удовлетворяет». На вопрос — почему — мы имеем такие ответы: «общественная работа мне ничего не дает», «нет вкуса к общественной работе», «на общественной работе далеко не уедешь». Чем объясняются такие ответы? Некоторые товарищи склонны отнести это к плохой постановке общественной работы у нас. Отчасти это так. Но разве только в этом причина? Нет, не только в этом. Причина и в том, что общественная работа отрывает от академической работы, что общественник загружен сверх всякой меры, и кто бы он ни был — пусть это член Бюро ячейки, пусть член Исполбюро — общественная работа ему не засчитывается. Когда к концу года придется перейти ему на второй, третий курс и т. д., то посмотрится в зачетную книжку, и если в зачетной книжке не сдан зачет — сиди второй, третий год. Это обстоятельство имеет не маловажное значение. Но только ли это? Нет, не только. Имеется еще целый ряд обстоятельств. В этом году у нас учащаяся молодежь совсем не та, что была 3—4 года тому назад. Какой состав у нас теперь? Сейчас у нас молодняк, который не имеет ни производственного, ни общественного закала. 3—4 года тому назад мы имели огромный % настоящих пролетариев в ВУЗ'е, которые ранее были на гражданских фронтах и которые имели большой револю-

ционный и общественный стаж. Попавши в Университет, они начинали пролетаризировать ВУЗ, вносили бодрящий революционный порыв. Сейчас их нет. ВУЗ'овская молодежь приема последних 2 лет в большинстве своем не имеет ни общественного, ни тем более революционного прошлого и, естественно, очень легко подвержена всяким упадочным настроениям, пессимизму и т. п., особенно, если принять во внимание материальные, жилищные и друг. условия. Далее. Подготовка теперешней Вузовской молодежи неудовлетворительна. Конкурсные испытания нынешнего года достаточно красноречиво говорят об этом. Я могу вам привести наиболее характерные ответы при устных приемных испытаниях. У меня лично прошла не одна сотня подвергавшихся испытанию. Вот, например, ответы, которые мы получали по общественным дисциплинам.

Вопрос: Что вы знаете о партии октябристов?

Ответ: «Партия, которая была во время Великой Французской революции». (Смех).

Вопрос: Что такое декабристы?

Ответ: Партия, которая выступала против освобождения крестьян в 1861-м году. (Ответ этот особенно характерен, если принять во внимание, что в том же прошлом году мы праздновали столетие декабристов).

Вопрос: Кто такие меньшевики, кадеты и с.-р.?

Ответ: Все это контр-революционеры. (Смех, голоса: «Правильно», «а у вас какое мнение по последнему вопросу?»).

Если угодно, можно, конечно, поговорить на тему о том, кто такие меньшевики, эс-эры и кадеты, и какая между ними разница. (Смех). О том, что все они контр-революционеры — разумеется, нет споров. На этом последнем вопросе, который вызвал смехок, я, к сожалению, не могу останавливаться.

Должен заметить, что процентов 20—30 подвергшихся испытанию не разбирается в самых элементарных вопросах политграмоты, обнаружили крайне неудовлетворительную подготовку по русскому языку. Но самое печальное в этом то, что в большинстве случаев это — окончившие школу II ступени. Если принять во внимание такую подготовку, крайнюю громоздкость и сложность программ наших ВУЗ'ов, крайне неудовлетворительные материальные условия, да прибавить сюда общественную нагрузку, — все это вместе взятое ставит в чрезвычайно тяжелые условия студента, и он, подчас, разводит руками, не зная, что ему делать, на что прежде всего и раньше всего надо бросаться. В такой лихорадочной обстановке студент пребывает в ВУЗ'е 4—5 лет. Наконец мытарства закончены. Студент покидает альма-матер. Перед ним, казалось, широкая дорога впереди. А какие в самом деле перспективы перед ним открываются? Окончив ВУЗ, он не имеет достаточной подготовки. Он — счастливец — попал на ф-ку или завод в качестве инженера, техника и т. д., попадает в среду старых специалистов, которые не всегда и далеко не благосклонно к нему относятся и далеко не везде и всегда дают возможность работать «красным» инженером. Ему приходится выдерживать колоссальнейшую борьбу, и не всегда с успехом, для того, чтобы занять более или менее сносное положение. Это та часть, которая попала на ф-ку, на производство, устроилась.

Но имеется огромная часть, которая не попадает. Перед нею — долгие м-цы ожидания работы, долгие м-цы безработицы и все прочее. Наконец, нельзя не принимать во внимание еще одного крайне важного обстоятельства. Молодежь, оканчивающая ВУЗ, в большинстве своем выходит оттуда подорванной, физически надломленной, с крайне издерганной нервной системой. И это обстоятель-

ство нельзя не учитывать, когда мы говорим относительно тех настроений, которые имеются среди молодежи — учащейся молодежи.

Относительно упадочных настроений и болезненных явлений — та же анкета дает интересный материал.

На вопросы, пьете ли и почему вы пьете? (*С места: «Жажда»*).

Вот ответ: «Пью, некуда девать себя».

«Пью потому, что скопились деньги». (Смех).

Это характерно, характерно, когда человек, получающий 23 рубля в месяц, живет впроголодь и в день получения стипендии — счастливый день, который нужно «вспрыснуть». Вспрыснул, стипендию израсходовал в 5—6 дней, а весь м-ц почти голодает. Не менее богатый материал мы можем получить в ВУЗ'ах для суждения о половых отношениях, о товарищеской спайке, раздорах, отсутствии чуткости и товарищеской взаимопомощи, поддержки и т. д. Я не могу за краткостью времени дать исчерпывающий анализ всех процессов среди вузовской молодежи, вызывающих упадочные настроения.

Общий мой вывод — симптомы болезненные, несомненно, имеются, но сказать, что сейчас мы имеем массовые опасные явления, упадочничество массового характера, по-моему, это было бы преувеличением. Эти болезненные симптомы должны сигнализировать, что у нас на этом участке не все благополучно. Что при максимально внимательном отношении к учащейся молодежи, которое должно быть, мы наполовину не имели бы тех явлений, которые имеются сейчас. Необходимо Наркомпросу и Главпрофобру, в частности, обратить максимальное внимание на составление программ, на выработку учебных планов, на увязку смежных дисциплин и устранение параллелизма программ отдельных кафедр, на большее изучение того, что делается в стенах

ВУЗов. (т. Луначарский с места: «Вы вычислили, сколько внимания мы даем»). Я знаю. Я говорю не только о материальной стороне. Мое замечание следует понимать не в том смысле, что материальных средств дается мало, я говорю о том, что Главпрофобру нужно больше внимания обратить на то, что делается в ВУЗ'ах. По-моему, его недостаточно. Вот, к примеру сказать, на Украине мы имеем что-то около 150 или больше высших учебных заведений; в то время, как во всей Германии их насчитывается столько же, сколько на всей Украине. Что это — целесообразно? Целесообразно ли держать колоссальное количество людей в Москве и Ленинграде в плохих жилищных условиях, которых можно без ущерба держать в других городах? Целесообразны ли те программы, которые мы имеем сейчас? Я мог бы назвать целый ряд высших учебных заведений, имеющих параллельные программы, схожесть учебных планов при различной целевой установке. Если бы на это обратить сугубое внимание, я полагаю, что процентов 50 тех причин, которые питают упадочничество среди студенчества, мы могли бы изжить.

Мое время истекает и поэтому ограничусь еще только одним замечанием. Меня удивляет, почему именно в этом году, почему в феврале этого года поставлен вопрос об упадочнических настроениях молодежи, в то время как симптомы болезни мы имели в прошлом году куда больше, чем в этом году? Тов. Луначарский, вероятно, помнит, что у нас в прошлом году было много случаев самоубийств, в этом году — случаи единичны. Почему же именно в этом году поставлен вопрос об есенинщине, упадочничестве и т. д.? Нужно, конечно, приветствовать, что именно Коммунистическая Академия взяла на себя почин и поставила этот вопрос. Но я считаю, что с постановкой этого вопроса мы опоздали ровно на год.

К. РАДЕК

Товарищи, я должен в первую очередь извиниться перед тов. Луначарским, что беру слово в дискуссии, хотя не слушал его доклада. Я был занят, хотел быть на докладе, считаю вопрос очень важным, но, поэтому, я не буду ничего говорить против доклада т. Луначарского. Я думаю, что дискуссия выходит на совершенно неправильные рельсы — дискуссии о Есенине.

Понятно, что вопрос о Есенине есть часть вопроса об упадочных настроениях среди молодежи. Есенинщина сделалась отчасти выражением упадочных настроений среди молодежи. Это маленький случайный кусочек великого, социального и политического вопроса. Пытаться защищать Есенина социально, потому что Есенин был большой поэт, это глубоко неправильный подход. Мировая литература знает очень больших поэтов, которых мы не возьмем примером для жизни, — я не говорю о жизни Есенина, — но поэзия которых вдохновляла нас в трудные минуты нашей жизни. Есенин большой поэт. Это для меня не подлежит сомнению. Я плохо знаю русский язык, поэтому мне трудно чувствовать русский стих.

Но стих Есенина я очень чувствую и понимаю настроения, которые он выражает. Смешно не видеть, что он поэт другого класса, не того, который строит социализм, он крестьянский поэт и свихнувшийся крестьянский поэт, который искал, может быть, болезненно искал, пути к нам и не нашел. Мы можем глубоко жалеть о великом таланте, который свихнулся, но не относиться к его стихам с хулением. Он попал в социально-политический переплет, где часть молодежи поддалась этим упадочным настроениям и начала делать из него знамя. И поэтому, когда минует это время, когда мы выйдем на более про-

сторную, широкую дорогу, мы отделим отношение к Есенину, как поэту переходного времени, от того социального содержания, которое вредно, а теперь мы этого не можем отделить. Это в вопросе об отношении к Есенину.

Теперь несколько слов о вступительной речи тов. Фриче. Тов. Фриче сказал чудовищную вещь: он указал на нецелесообразность пессимистической установки и сослался на Ленина. (*Тов. Фриче с места*: «Я сказал: чрезмерной»). Чрезмерной. Я не знаю, имеет ли Секция Литературы и Искусства при Ком. Академии мерило для чрезмерного пессимизма и нечрезмерного пессимизма. Когда Ленин в 1921 г. говорил, что наш пролетариат деклассирован, и поставил вопрос о судьбах нашей революции в этих условиях, что это означало? Это был пессимизм достаточный, недостаточный или чрезмерный?

Для того, чтобы, товарищи, меня не приняли за одного из представителей пессимизма, я для своей защиты прочту вам место из одного писателя, который говорит так: «Пессимизм Жиц считает политическим убеждением...» (Читает).

Я понятно не хочу нашего старого заслуженного тов. Фриче ставить на одну линию с таким невысоко-квалифицированным критиком некоммунистом, как Жиц. Но эта оценка пессимизма и оптимизма дана тов. Ермиловым в центральном органе комсомола, в журнале «Молодая Гвардия», и я считаю, что эта оценка правильная. Мы находимся в трудном положении — на перекрестке исторического развития при задержанном на Западе развертывании мировой революции и при закончившемся этапе экономического развития, мы стоим перед трудным вопросом, который надо преодолеть, и в этот момент всякому, который указывает на очень тяжелое явление, говорят: «Ты пессимист, ты должен быть, как петушок, откровенен». Это приводит только к тому, что появился

целый ряд специалистов по этим психологическим настроениям. Например, тов. Малашкин написал целый роман «Луна с правой стороны». Здесь все освещено, действительно, полностью с правой стороны (смех), и с этим я согласен. Тов. Малашкин упадочничество описывает со слов рабочих. Сам-то он против этого и отмежевывается от этого слова; он говорит, что упадочнических настроений в рабочей молодежи нет, она здорова; в крестьянской молодежи этих настроений нет. Пронизана нездоровыми явлениями только окраинная молодежь и вузовская. При чем эта окраинная молодежь вся носит еврейские фамилии. И эта окраинная молодежь занимается афинскими ночами и предается троцкизму.

Товарищи, я был бы очень доволен, если бы оценка больных и здоровых явлений среди молодежи дана была только в романе, который я считаю пасквилем на нашу молодежь. Это упадочнический роман. Если бы оценка эта была правильная, т.е. если бы мы имели нездоровые явления только среди вузовской молодежи, то это значило бы, что у нас в рабочем классе, в его наиболее отзывчивой части — рабочей молодежи обстояло бы все хорошо. А ведь, это есть основа для дальнейшего развития нашего класса, для наших вузовцев.

Затем — если бы только еврейская молодежь проявляла нездоровые инстинкты, тенденции, то бог с нею, мы бы очень с ней обошлись хорошо. Но ведь надо же подходить к делу намеренно с обманом, чтобы ставить такие тезисы. И этот обманчивый подход (обманывает ли автор сам себя, как я думаю о тов. Малашкине, про которого я не имею причин полагать, что он писал иначе, чем думал, или он обманывает читателя), — это есть самое опасное упадочническое явление в нашем классе. Ленин учил нас, когда есть опасные явления, ты с ним борись, а не посыпай его сахарком. Ленин говорил, что

это маленькое явление, что это частичное явление, что это не отражает какого-нибудь общего процесса.

Здесь, товарищи, говорил тов. Новоселец. Он подошел сразу к вопросу о почве упадочных настроений и назвал ряд причин экономических и политических. Может быть, он прав, а может быть — неправ, это мы увидим дальше. Есть ли это пустяковый вопрос, что среди вузовцев у нас многие комсомолки могут носить газовое платье. Если эта часть молодежи может себе позволить такую роскошь, то надо дифференцировать эту молодежь.

Я читаю очень внимательно «Комсомольскую Правду», читаю ежедневно, читаю не передовицы, в которых часто говорится, что все обстоит благополучно, и не статьи отдельных лиц, а читаю письма комсомольцев. Из этих писем видно, что имеются очень болезненные явления среди крестьянской молодежи. С одной стороны, контр-революционные явления, с другой стороны, молодежь, которая идет в комсомол, ищет хлеба, ищет культуры. Другое явление среди рабочей молодежи и третье явление среди вузовской молодежи.

Товарищу, я считаю, что наша литература совершенно не дает картины всей убогости вопроса, размеров бедствия. Где вы имеете в нашей литературе изображение быта нашей молодежи, с пьянками, которые играют очень большую роль в жизни молодежи, за отсутствием культурных потребностей, за отсутствием политических интересов? Понятно, это не все. Есть великолепная часть рабочего класса, втягивающаяся в политическую жизнь, в социальную жизнь, думающая о будущем. Но, что большинство рабочего класса, рабочей молодежи не принимает участия в этом культурном строительстве, это не подлежит никакому сомнению для человека, который хотя бы по прессе следит за тем, что происходит среди нашей молодежи.

Я проверял это мое впечатление, которое у меня создалось на основании нашей прессы, я проверял свое впечатление в разговорах с целым рядом товарищей здесь и в Ленинграде, среди очень хороших, вдумчивых ленинцев, из которых партия будет иметь в будущем великолепных работников. Они указывают факты, как партии приходится с большим трудом втягивать массы в нашу работу. Работа лежит в значительной степени на узком активе. Это факт, который не менее важен, чем похождения того или другого комсомольца. При этом, очевидно, что старшее поколение в своей молодости было на 100% добродетельнее. Так выходит по современным хулителям молодежи.

Среди вузовской молодежи есть совершенно специфические вопросы. Есть вопрос о настроениях молодежи, которая приходит из деревни, из мелко-буржуазных слоев города. Есть вопрос об отрыве части пролетарской вузовской молодежи от станка и о процессах, вызванных этим. Но основной вопрос заключается в том, что делается среди молодежи на фабрике. И тут ясно, что основная причина — экономическая, что значительная часть молодых рабочих, кончая школу, не может попасть на фабрику. Мы не используем даже того количества мест, которое забронировано для этой молодежи. Об этом идет непрерывная дискуссия.

Идеологические болезни этой молодежи? В первую очередь они состоят в том, что культурная работа среди молодежи очень поверхностна, очень схематизирована. Мне пришлось в прошлом году видеть такую сцену на улице: пьяного молодого парня поддерживает милиционер, и при этом в руках у милиционера комсомольский билет. Подошел к милиционеру, спрашиваю, что он намерен делать. Говорит: «пьяный, отведу в участок». И объяснил, что завтра, когда выспится, отпустят. Я говорю:

давайте мне его. Потасил к себе. Человек выспался и очень смущенно начал смотреть, где он находится. Я начал стыдить, говорю: строим социализм, чего тебе пить, разве это радость? Он на это отвечает. Во-первых, говорит о жилищных условиях: живет дома, у родителей, угла собственного не имеет. Я говорю: иди в ячейку. И тут он начал говорить о том, что делается в комсомольской ячейке. Непрерывные заседания формального характера, рефераты на одни и те же темы, часто непонятные.

Я не буду обобщать заявление случайно встреченного мной комсомольца, но что какой-то кусок правды в этом есть, не подлежит сомнению. Работа у нас больше имеет характер пропаганды сверху, обработки большой массы, чем самостоятельной работы мысли широких кругов молодежи. Сейчас мы охватили громадную массу молодежи. Мы в наше время в кружках учились по 15 парней. Теперь миллионная организация охватывает громадную массу, накачивает ее и должна накачивать. Но одновременно не идет культурная работа, которая молодого, отзывчивого парня могла бы удовлетворить, подтолкнуть дальше.

Если же перейти от молодежи с фабрики к вузовской молодежи, то тут в основе очень тяжелое экономическое положение. И тут, я должен сказать, тип работы среди молодежи такой, который значительную часть живой молодежи совершенно от нас отбрасывает. Я в прошлом году напечатал статью в «Комсомольской Правде». На эту статью было два ответа, которые показали, каковы вообще отношения не к старому литератору, который умеет защитить себя, если захочет, а к тем товарищам из комсомольских ячеек, которые, может быть, ошибаются, но чего-то ищут. Я говорю, что молодой парень, который с первого дня рождения идет по правиль-

ному пути, это совершенно исключительный тип. Молодежь, которая не искала, не мучилась, но спрашивала себя, — это плохая молодежь. Я написал статью. Мне ответили два ответственных товарища из комсомола. Один при моей жизни (не после смерти, я еще могу защищаться) рассказывает, что «т. Радек рекомендовал всего Есенина целиком, т. Радек считает, что Есенина молодежь любит». И приписал мне все смертные грехи. После, понятно, пришел т. Оссовский, и произошло все, что полагается в этом случае (смех).

Ежели т. Ермилов, которого ни старой партийной работы, ни литературной я не знаю, позволяет себе по отношению к товарищу (который может и по зубам дать), буквально, скажу деликатно, перевернуть статью от начала до конца, то что делается в ячейках, если какой-нибудь товарищ выступит и, может быть, неправильную речь скажет?

Я говорю, что, если мы хотим бороться против упадочных тенденций, а мы обязаны это делать, то первое условие состоит в том, чтобы наша социалистическая комсомольская молодежь могла в своей ячейке выступить и говорить ясно и точно, что у нее болит. В «Комсомольской Правде» значительная часть молодежи уже выступает. Я питаю глубочайшее уважение к «Комсомольской Правде». Но это невозможно во всех комсомольских ячейках. Наш комсомол не только воспитательная организация, но и боевая бытовая организация. В первую очередь — это организация, в которой молодежь делает первые шаги, учится, как быть коммунистами. И понятно, что в такой организации метод командования это для комсомола — почва, которая будет усиливать упадочные тенденции.

Когда я говорю об экономических причинах, то, само собой понятно, я не хочу сказать: раз есть объективные

причины, не надо бороться. У нас были части Красной армии на фронтах без сапог, жрали пшено, и все-таки мы считали их обязанностью бороться за Советскую власть. И это мы должны сказать молодежи, как бы ни было тяжело ее положение, я должен сказать, что и старое поколение училось не в лучших условиях. Мне приходилось не только голодать, но месяцами жить без квартиры, и все-таки я не увлекался Есениным, а увлекался поэтами, которые пели песни о борьбе.

Мы не должны пасовать при этих настроениях. Рабочий класс находится в тяжелых условиях, но он представляет громадную силу и затруднения, сумеет победить. Нельзя ударяться в фатализм.

Но мы должны помнить также, что нельзя приходить к молодежи с проповедями. Нельзя закрывать глаза на факты, которые есть, на тяжелое положение материальное и идеологическое. Мы должны сказать, что мы можем сделать для улучшения этого положения.

Здесь говорилось о бюрократизме. Борьба с ним — это один из путей для того, чтобы комсомолец, у которого накипело на душе, пришел к руководящим комсомолом товарищам не в дни приема и смог поговорить по душам.

Нужна борьба с бюрократизмом, с этой портфельщиной среди молодежи. Я должен сказать, что, когда я вижу комсомольца, бегущего с набитым портфелем, меня тошнит. Борьба за выдержанную пролетарскую линию молодежи это есть борьба с упадочными настроениями. Когда мы закрываем двери перед собою, то мы не знаем, что делается в деревне, что делается на фабрике. Молодежь это знает хорошо. Но, когда мы вслух об этом говорим, то молодежь чувствует фальшивое положение. Разве молодежь наша не знает, что сотни тысяч крестьянской молодежи, земельных, полуземельных, не знают куда им деться. Разве мы не знаем, что многие комсо-

мольцы, красноармейцы пишут письма, что недостаточно заботятся о крестьянской бедноте.

Партия, видя опасность этого вопроса, решила взяться за работу среди крестьянской бедноты больше, чем до сих пор.

Настроение молодежи это есть средство против неверия лучшее, чем все разговоры о неверии. На фабрике мы имеем безработицу, мы имеем молодежь, которая не попадает на фабрику. Лучше организовать самой молодежи для той минимальной помощи, которая возможна. В тысячу раз лучше внушить молодежи, что это есть переходные затруднения, что мы с этими затруднениями можем бороться, что партия о них думает, — чем этот вопрос снимать и не ставить.

Одним словом, по-моему, упадочные настроения среди молодежи это есть результат тяжелого переходного времени, которое мы переживаем, затруднений социалистического строительства. Это есть результат известных бюрократических явлений не только в организационной жизни, но и на идеологическом фронте. Это проклятая фабрикация тезисов, о которых говорил тов. Бухарин, что они, кроме уныния, на людей ничего не наводят. Выход из положения такой, что не надо писать романов, посвященных только эротике.

Надо поднять для самостоятельной работы низовые массы молодежи, не делать ее в первую очередь объектом политического руководства комсомола, а делать ее самым руководящим элементом своей работы. Других путей нет. Идеологическая борьба возможна только при правильной установке, а невозможна путем эротики или порчи молодежи.

Тов. Фриче говорил здесь, что тов. Преображенский не прав потому, что капитализм с трудом создавался, и он тоже переживал очень жестокое время. Он забыл

только одну маленькую вещь, что капитализм не создавался сознательно народными массами, а капитализм создавался капиталистами на спине этой массы.

Мы имеем период социалистического строительства, в котором тяжелые явления не являются результатом нашей воли, а являются результатом того факта, что русская революция, окруженная со всех сторон капитализмом, должна в крестьянской стране строить социализм. Но мы строим этот социализм и хотим его строить. Сознательные народные массы его строят, и как тут удивляться, что в моменты затруднений возникают некоторые сомнения, некоторые пессимистические настроения.

Разве мы не знаем, что тов. Бухарин говорил на ленинградской конференции о хулиганстве среда молодежи, и не только среди молодежи. И ни какой речи не было об оптимизме. Наоборот: революционеры должны ясно и четко сказать, что враг есть, есть серьезный враг, и не дать себя вести в сторону эротики. Нужно связать этот вопрос с вопросами нашего класса, с вопросами о политике нашей партии и в нашей партии видеть главный рычаг для борьбы с этими упадочными настроениями, тогда этот вопрос о настроении, об установке можно включить в общие вопросы о положении рабочего класса. И тогда мы не будем терять вечера на дискуссии о Есенине, когда вопрос идет о будущем рабочего класса. (Аплодисменты).

И. НУСИНОВ

Тов. Радек, полемизируя с т. Фриче, высказал «чрезвычайно свежую», ленинскую мысль о том, что не надо скрывать болезни. Но раскрытие болезни само по себе еще не есть оптимизм или пессимизм. Оптимизмом или пессимизмом это становится по тому, видят ли на ряду с

болезнью, также здоровые явления и умеют ли выяснить, него больше: болячек или ростков новой жизни. А этого в речи т. Радека, как и речах некоторых других ораторов, меньше всего было. Указание тов. Фриче, на потерю пропорции в выяснении положительных и отрицательных отнюдь не является «чудовищным заявлением», как тов. Радек полагает.

Тов. Радек сообщил нам «чрезвычайно свежий и интересный материал»: он встретил на улице пьяного комсомольца, забрал его к себе, — когда тот выпался, то заявил, что в комсомоле не все благополучно. Я думаю, что входить с таким материалом на трибуну Коммунистической Академии не стоит, что нужен материал несколько посolidнее. (Шум). Я цитирую т. Радека, а он цитировал пьяного, который выпался. Тов. Радек говорил о том, что матершина среди рабочей молодежи чрезвычайно развита. А примерно 3—4 года тому назад ее было меньше?

Ведь находил тов. Троцкий нужным повести борьбу с матершиной среди красноармейцев. Все дело в том — стало больше или меньше. Года 3—4 тому назад было ее вероятно больше, но нам не до того было, чтобы с ней бороться.

Выходил до т. Радека т. Леонов (не писатель, а оратор) и сообщил нам, что наша молодежь безграмотна. Она чрезвычайно невежественно заполнила такую-то анкету. А два-три года тому назад она была образованней. Разрешите привести пример не менее пикантных ответов, который я получил в I Московском Университете в 1925 г. на выпуске фоновцев, которых я экзаменовал по истории партии.

На вопрос: какие были в нелегальную эпоху органы с.-д., они ответили: «Искра» и «Новое Время». Пять человек один за другим ответили, что «Новое Время» бы-

ло нелегальным органом большевиков. Товарищи, это было зафиксировано в докладе, который я после экзамена на ряду со многими подобными пикантными ответами послал в соответствующие инстанции.

Дело не в том, с какой подготовкой сейчас приходят, а в том, какую мы имели 2—3 года тому назад. Не трудно указать отрицательные стороны студенчества. Но надо на ряду с этим видеть и положительные явления в студенчестве. Товарищи здесь оперировали единичными фактами.

Разрешите и мне рассказать один, два отдельных факта из жизни вузовского студенчества. Я расскажу факт, который мне приходилось наблюдать только дней десять тому назад, когда ко мне часов в 11 вечера пришел студент для того, чтобы иметь беседу по поводу доклада, который ему предстоял на второй день прочесть в моем семинарии. Этот студент извинился, что пришел на квартиру так поздно, и пояснил: я сегодня был участником несколько комических похорон. И он рассказал мне следующее: жили пять человек в одной комнате студенческого общежития. Один из них болел туберкулезом кишек. Успел заразить других товарищей. Наконец, его увезли в больницу. Этот товарищ был на всех фронтах, и сейчас он умирает от госстипендиального существования и заражает туберкулезом остальных товарищей по комнате. Этот товарищ просил, чтобы его хоронили по-революционному. Когда он умер, взяли знамена, достали оркестр музыки, но на похоронах этого студента шли пять человек: четыре человека соседа по комнате в общежитии, пятый — факультетский товарищ. Это действительно, если хотите, трагические по своему комизму или комические по своему трагизму похороны. Но товарищ — участник этих похорон не впал в отчаяние, не отправился после похорон в трактир, как комсомолец тов. Радека. Он в 11 часов

вечера счел необходимым притти закончить работу по докладу. И надо сказать, что он специально к этому докладу изучил немецкий язык, чтобы прочесть в подлиннике немецкого писателя, о котором шла речь. Не надо замалчивать эти чрезвычайно печальные похороны. Но надо видеть, что студенты не сломлены этим госстипендиальным существованием, не разбиты этими ужасными похоронами. Об этом нужно рассказать. Я утверждаю, что сейчас в этом году эти студенты являются более характерным выражением студенчества наших вузов (аплодисменты), чем студенчество, выведенное в повести «Луна с правой стороны».

Разрешите мне еще сделать одно замечание о Есенине. Один товарищ жаловался на то, что все, цитируя Есенина, цитируют чрезвычайно неприличные слова. Я неприличных слов цитировать не буду, но и я процитирую то, что мне нужно и необходимо для пояснения своей мысли. Есенин ушел со словами: «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей». В этих словах: стремление поразить. Делай то, что ново, что новей. Эти прилагательные сами по себе чрезвычайно снижают момент смерти и ставят под сомнение значительность этой смерти.... Но не в этом дело. Хочу я поговорить о другом. Мне думается, именно в связи со смертью Есенина, с самоубийством Есенина и еще кое-кого из писателей, — в течение последнего года мы знали самоубийства двух писателей, кроме Есенина, — надо, может быть, несколько перефразировать формулу Пушкина и сказать, что гений не только не убийца, но и не самоубийца. И самый факт, что Есенин окончил самоубийством, ставит под большим сомнением вопрос о его гениальности. Разрешите сослаться на пример двух, трех русских гениальных писателей. Разрешите сослаться на пример Толстого, который так скорбно переживал проблему само-

убийства, скорбно до того, что человек боялся всякого рода оружия, которым можно бы покончить с собой. Но, однако, он самоубийством не окончил.

Самоубийца потенциальный, без конца думал над проблемой самоубийства. гений другого типа, Александр Блок. Но и он самоубийством не окончил, ибо гений — не самоубийца. Гений, мучаясь проблемой самоубийства, как-бы перефразировал всегда последнюю фразу Есенина и говорил: «В этой жизни умереть не трудно, ибо жить труднее». И гений творил жизнь чрезвычайно трудную, чрезвычайно сложную, чрезвычайно мучительную в эпоху классового человеческого общества. Он творил для своего коллектива. Так перефразировала сейчас эту фразу и лучшая часть нашей молодежи: «в этой жизни умереть не трудно, ибо жить труднее». Надо строить социализм в единственном государстве в мире. И они его строят.

Вяч. ПОЛОНСКИЙ

Один из выступавших здесь товарищей, к моему великому изумлению, определил мое прошлое выступление так: «поповская речь Полонского и его проповедь состоит в том, что все люди — братья». (С места: «правильно»). Я поэтому решил взять слово, чтобы об'яснить, что то, что я сказал, очевидно, неправильно понято. Я не стану обвинять товарища в том, что он не сумел меня правильно понять — возьму вину на себя, очевидно, я не ясно выразился. Мое прошлое выступление было продиктовано желанием сказать молодежи правду в глаза о том, какие явления, по-моему мнению, должна молодежь истреблять в своем быту. Упадочничество — явление, в конце концов, более серьезное, чем простое настроение пессимизма, неверия и т. д. Если бы оно заключалось только в таких настроениях, то ведь настроения преходящи. Но я позволю себе утверждать, что упадочничество — это есть

та форма, которую сейчас принимает контр-революция. Упадочничество есть маска контрреволюции, и всякие упадочнические настроения, объективно или субъективно, прямо или косвенно, есть вода на мельницу контр-революции. Товарищи, явление это потому-то сложно, потому-то и важно, что оно захлестнуло молодежь после революции. После победы революции и после разгрома революции одинаково бывает волна упадочничества. При чем она захлестывает тех, кто от революции пострадал. После 1905 года, когда революция была разгромлена, волна упадка захлестнула отчасти и рабочий класс, который получил жестокий удар, и значительную часть революционной интеллигенции, которая после поражения отхлынула от революции. В Октябрьской революции пролетариат вышел победителем, разгромлены были старые господствующие классы, но они были разгромлены, но не истреблены, и их остатки догнивают вокруг нас. Целые пласты человеческие обречены сейчас на упадок, на разложение, на гниение. Это те слои, которые не могут войти в нашу советскую общественность, которые не могут принять участия в нашем социалистическом строительстве. Обреченные историей на гибель, они еще живут, существуют. Правда, нельзя сказать, что вот это разлагающееся мелко-буржуазное окружение является единственным источником, откуда микробы упадочничества проникают в среду нашей молодежи. Есть целый ряд серьезных, главным образом — экономических причин, которые создают благоприятную почву для развития упадочных настроений. Об этих причинах здесь говорилось очень подробно. Но, поскольку рабочий класс в нашей революции является победителем, постольку социально он не является и не может являться упадочным слоем населения. Хотя отдельные его части, под влиянием разных причин, могут поддаваться настроениям упадка, но это будет настроения временные, прехо-

дящие, не похожие на упадочность тех буржуазных слоев, о которых я говорил выше. Некоторые товарищи говорили, напр., что причиной некоторых упадочнических настроений являемся малый размер стипендии. Но, товарищи, нельзя же, в конце концов, такие настроения называть упадочническими. Если человек на улице «упал», сломал себе ногу и недели две лежит и стонет, то нельзя же его назвать упадочником (тов. Маяковский: «Плохое сравнение»). Есть ряд явлений, которые поверхностны, которые не глубоки, не серьезны, и совершенно очевидно, что, когда мы говорим об упадочничестве, мы говорим о явлениях более серьезного порядка. Здесь сказались и усталость, и замедленный темп революции, и переход из героической эпохи гражданской войны в эпоху мирного строительства, которая разочаровала многих из товарищей, с трудом принимающих будничную, не видную, кропотливую работу — после яркой героической борьбы на фронтах, и эпоха нэпа с ее соблазнами для слабых и неустойчивых, и многое другое. Все это, конечно, способствует развитию упадочнических настроений, создает благоприятную почву для их роста и обезоруживает людей пред лицом упадочных влияний, проникающих из мелко-буржуазного окружения. Но когда молодежь захлестывается упадочничеством, то нас это волнует именно потому, что в молодежи мы видим ту смену, которая завтра возьмет на себя продолжение героической работы, которую несет на себе наше старое поколение. В прошлый раз я указал, между прочим, вот на что. В молодежи существует хамское отношение к человеку, невнимательное отношение к товарищу, грубость нравов, безучастие, наплевизм, полное равнодушие к окружающим: моя хата с краю. Когда я говорил об этом — аудитория была согласна, такие явления есть. Когда я приводил в пример дело Коренькова, то спрашивал: товарищи,

щи, дело это происходило не в темном уголке, а на глазах у молодежи. Где же была молодежь? (*С мест*: «И стариков тоже не было»). И стариков не было, но и молодежь что-то не заметила. (Возгласы Маяковского). Но мне систематически мешает говорить тов. Маяковский. Тов. Маяковский, мы боремся с упадочничеством. Но одной из форм, упадочничества является недисциплинированность (смех, аплод.). Я об этом говорил в прошлый раз: многие упадочники не умеют владеть собою, держать себя в руках. Это относится и к тов. Маяковскому (смех, аплод.). Наплевательское отношение к человеку, грубость в среде молодежи, хамское отношение к женщине есть. У нас мордобой бывает редко, но брань — обычное явление. Матерщина у нас на каждом шагу, а ведь это — брань самая грубая, самая оскорбительная. Все это и многое другое говорит о страшной грубости нравов, в основе которых лежит неуважение к человеку. Отсюда, вероятно, явилось это некоторых товарищей заключение — будто я говорил о том, что все люди — братья. Вывод, конечно, неверный, потому что, если бы пришел к вам кто-нибудь и стал бы проповедывать, что все люди — братья, я первый предложил бы отправить этого проповедника подальше, потому что проповедывать нам, еще не кончившим борьбу, окруженным врагами, что все люди — братья, это значит пытаться нас разоружить перед лицом «братьев», желающих накинуть нам петлю на шею. Проповедывать сейчас братство «вообще» это значит творить контр-революционное дело.

Но, товарищи, когда мы говорим, что это ложная, буржуазная, контр-революционная формулировка, из этого нельзя сделать обратный вывод, что *все люди — враги*, в том числе и те люди, которые являются с нами вместе членами одного класса, нашими товарищами по борьбе. Нельзя говорить, что все люди — братья, но надо говорить о

том, что люди одного класса должны относиться к другу с уважением, с братской товарищеской любовью — или это тоже «буржуазная мораль», тоже разоружение перед лицом врага? Но я как раз думаю, что грубое, невнимательное, бессердечное отношение к товарищу, т.е. к человеку своего класса, хамское отношение к женщине, хулиганское неуважение к людям — это сейчас как раз и является в некотором смысле контр-революционным явлением, потому что разлагает наше молодое, создающееся социалистическое общество, прививает ему такие навыки, с которыми социализм построить будет трудно. Неужели вы думаете, что «наплевательское» отношение к товарищам, к другим гражданам — это и есть то самое отношение, к которому стремится пролетариат, строитель нового человеческого общества и новых человеческих отношений? Но что нового в этом «наплевизме»? Оно ведь как раз характерно для общества капиталистического. А классовая мораль пролетариата говорит о классовой солидарности, о товариществе, о братстве всех угнетенных. А что означает «братское» чувство к человеку своего класса? И есть ли у нас такие братские чувства? Если к вам придут и скажут: «все люди — братья, поэтому любите врагов ваших», такого проповедника вы гоните в три шеи. Но если вам говорят: ненавидьте врагов ваших и любите друзей ваших, перестаньте смотреть на товарищей, как на дерево, научитесь уважать товарища, будьте к нему внимательны, то почему это «обзывается» поповской моралью? Ерунду сказал товарищ: никакого поповства здесь нет, а есть здесь подчеркивание того, что в нашей среде почти что отсутствует, исчезает чувство товарищества. Говорим: «товарищ», а звучит, как «милостивый государь» или еще хуже. В нашей среде истинно товарищеских, братских отношений очень мало. Я говорил, что в нашей среде надо по-товарищески относиться

ся к человеку, которого называешь товарищем. А это во все не значит, что я проповедую «все люди — братья», в том числе и классовые враги. Но ведь должна же быть разница в наших отношениях к классовому «врагу» и к классовому «другу»? А вот эта-то разница иногда не заметна. Иной раз иной товарищ к классовому «другу» относится так, как если бы он был классовым «врагом». Или это не верно? Вообще — по вопросу об общечеловеческом и классовом можно говорить много и много. Здесь для товарищей есть неясность. Я говорил: если бы чубаровцы изнасиловали не рабфактовку, а нэпманшу или бывшую аристократку, разве советский суд не судил бы их? Конечно, осудил бы. Значит ли это, что советский суд стоит на точке зрения, что все люди — братья? Нет, конечно. И когда я говорил, что человека надо уважать, я меньше всего полагал, что меня поймут в поповском смысле, что надо любить врагов наших, что все люди — братья. Моя формулировка такова: ненавидьте врагов ваших и любите друзей ваших. Она ни в коем случае не является поповской потому, что коммунизм развивается и растет на чувстве товарищеской солидарности, на чувстве братства к человеку того же класса, на общности классовых интересов и борьбы, с одной стороны, и на чувстве ненависти к классовым врагам, с другой. Но ненависть к классовым врагам не должна уничтожать товарищеского братского чувства к классовым друзьям. (Аплодисменты).

В. ЕРМИЛОВ

Тов. Радек сказал, что он «имел несчастье» выступить в «Комсомольской Правде» со статьей о Есенине и есенинщине. Это, действительно, было несчастье, но, к сожалению, не только для т. Радека, а и для сотен тысяч читателей «Комсомольской Правды». (Смех). В своей

статье т. Радек поставил вопрос так, что нам, молодым партийным и комсомольским работникам, имеющим, конечно, вдвое меньше заслуг, чем имеет т. Радек. (Голос: «Только вдвое?»). Я беру арифметическую пропорцию: тов. Радек вдвое старше меня, — нам пришлось т. Радека поправлять. Тов. Радек бросил здесь фразу о том, что я будто бы его в своей скромной статье (с места: «Очень нескромной»), «переврал». Товарищи, я приведу цитату из статьи т. Радека (с места: «Это вы мастер»). Я мастер дословно приводить цитаты, это верно, это значит, что я их не перевираю.

Тов. Радек, анализируя причины тяги молодежи к Есенину, писал, что молодежь, изволите видеть, любит Есенина потому, что Есенин так же, как и она, молодежь, не ясен, противоречив, что Есенин так же, как и наша молодежь, не знает, куда идет.

Это — буквальная фраза из статьи т. Радека. Лучшим ответом т. Радеку был ответ того комсомольца, который говорил до меня. Товарищи, это представитель той молодежи, которая не знает, куда она идет? Он прекрасно отдает себе отчет в том, «куда идет» рабочая молодежь, часть рабочего класса. Он здесь чрезвычайно логично развил свою мысль этот молодой парнишка, тов. Иванов, который, вероятно, всего два-три года состоит в комсомоле, но который уже прекрасно разбирается в вопросе о путях и перспективах рабочего класса СССР. И если он любит Есенина, то не потому, что не знает, куда он идет.

Тяга молодежи к Есенину имеет гораздо более глубокие корни, и их-то и не показал т. Радек. Совершенно ясно, что в нашей комсомольской работе имеет место и бюрократизм, и ряд других огромных недочетов. И основной, может быть, недочет комсомольской работы сейчас сводится к тому, что мы не научились ею удовлетворять эмоциональные запросы молодежи. У моло-

дежи накопилось чрезвычайно много эмоциональной энергии, которую она часто не знает, куда девать. У молодежи выросла и обострилась потребность в товарищеской среде, в интимности, в дружбе, в нежности и т. д. Тяга молодежи к Есенину имеет часто именно эти корни. Но разве это является симптомом упадочничества? Очень часто, — конечно, далеко не всегда — молодежь влечет к Есенину именно здоровая потребность в ощущении радости жизни, радости природы и т. д. И ежели мы сведем все причины тяги молодежи к Есенину только к упадочничеству, мы этим сделаем грубую ошибку.

Далее, вторая, чрезвычайно существенная ошибка в статье т. Радека была та, что он не дифференцировал молодежь. Тов. Радек, говоря об упадочничестве среди молодежи, не показывает корней этого упадочничества в различных прослойках молодежи. Мы знаем прекрасно, что те настроения маловерия, которые бывают в различных прослойках рабочей молодежи, глубоким образом отличаются от упадочных настроений, имеющих место среди известной части вузовского юношества. А т. Радек мешает все в одну кучу, не различает специфики этих явлений в разных прослойках молодежи (С места: «Неправильно». «Правильно»).

Ведь совершенно ясно, что если в среде рабочей молодежи эти настроения имеют под основой нашу общую некультурность, те или иные временные заминки и колебания общей кон'юнктуры, то в вузовской среде они имеют совершенно иные причины. Тов. Радек все это смешал в одну кучу. И ответ комсомольца, выступавшего до меня, является ответом именно на этот вопрос. Он говорит, что в среде рабочей молодежи наблюдается колоссальная тяга к учебе, к поднятию квалификации и т. д. Недавно на Бюро ЦК Комсомола был заслушан доклад Ленинградской организации Комсомола. Если бы т. Ра-

дек ознакомился с материалами этого доклада, опубликованными, в своей наиболее интересной части, в нашей печати, то он был бы поражен тем громадным количеством новых форм работы, огромной свежей волной, которые сейчас имеются в нашей союзной работе в Ленинграде. Бытовые кружки, такие первоначальные, культурные начинания, как группы для совместного посещения музеев, театров, лекций, разнообразнейшие конкурсы и т. д., целый ряд новых форм, которые изобретает сама молодежь и которые Комсомол лишь вводит в организованное русло, — это яркое доказательство того, что мы не имеем сейчас оснований говорить о сколько-нибудь серьезном распространении упадочных настроений в среде рабочей молодежи. Я заявляю это со всей ответственностью, основываясь на колоссальном количестве материала, находящегося в распоряжении ЦК комсомола на этот счет. Не дифференцировать молодежь на отдельные ее прослойки, не ставить конкретно вопрос о причинах нездоровых настроений в каждом данном конкретном случае, — означает впасть в худший вид паники, когда вся действительность, не могущая не настраивать на оптимистический лад, предстает в красках сумрачно-безнадежных. Нужно признать, что упадочные настроения имеют место лишь в определенных прослойках молодежи, не распространяясь никоим образом на ее подавляющее большинство. И в этом смысле, товарищи, мы говорим, что мы оптимисты. Тов. Радеку не нравится это слово, он его старается избежать, он выдумывает даже теоретические обоснования против этого словечка. Мы не боимся этого, может быть, затасканного слова. Мы говорим, — да, мы оптимисты, и оптимисты не только потому, что у нас имеются упрямые факты, но и потому, что у нас есть такие молодые ребята, которые сегодня блестящим образом отвечают т. Радеку. (Аплодисменты).

В. КНОРИН

Товарищи, у нас происходит что-то странное. В стране мало культурной, отсталой, где художественная литература проникает только в незначительные верхушечные слои, самые верхушечные слои населения, вдруг, якобы, поэт Есенин стал знаменем самых отсталых, скверных, упадочных настроений рабочего класса и учащейся молодежи. Мне кажется, что тут что-то не так, что дело не в Есенине, что мы сами — лучше оказать, некоторые наши литераторы — сделали есенинскую упадочную поэзию, которая доступна сравнительно небольшой группе нашей молодежи, сделали ее знаменем некоторых общественных явлений, не имеющих прямого отношения к Есенину. Я считаю, что мы должны в этом бросить обвинение нашей литературной критике и нашим журналистам. Я считаю, что совершенно неправильно было то, что некоторые наши товарищи делали. В вопросе о есенинщине, об упадочничестве они отрицательное явление, которое есть в нашей общественной жизни, покрывают именем Есенина, дают тем самым этому явлению определенный флаг, определенное знамя, «идеологию», превращают, его в определенное течение. Я считаю, что в этом скрывается крупнейшая опасность, что так поставленные споры приносят больше вреда, чем пользы. Для нас было бы гораздо лучше разбираться в явлениях, которые мы имеем среди рабочей молодежи, если бы «мы их рассматривали в их естественном виде, — не прикрывая есенинщиной, Есениным, тех, так называемых «упадочных» настроений, которые есть у отдельных элементов молодежи. (С места: «Правильно»). И мы бы гораздо лучше, гораздо яснее добрались бы до них. Превращение отдельных отрицательных фактов в оформленное общественно-литературное явление может только вредить нам.

Еще два замечания по поводу литературы. Здесь говорят не только об Есенине, но говорят и о целом ряде писателей, в произведениях которых звучат упадочные нотки. Здесь называли коммуниста Малашкина и его последнюю повесть «Луна с правой стороны». Можно было бы назвать еще целый ряд литературных произведений, которые теперь упоминаются в этой связи. Из тех фактов, которые рисуются в этих произведениях, делают вывод по отношению к нашей молодежи, и не только по отношению к вузовской молодежи, но позволяют из этих литературных изображений делать выводы и по отношению ко всей молодежи. Так у нас случается за последнее время. И вот по этому поводу я хочу сказать следующее: наша литература, произведения пролетарской литературы — я не буду говорить о ново-буржуазной литературе — и близкая к нам попутническая литература вообще не изображает быт рабочей молодежи, она изображает быт только вузовской молодежи или отдаляющейся еще больше от нас мелко-буржуазной молодежи. Явления, которые отмечают Малашкин, Романов и др., характерны даже не по отношению к этому году, это — явления, которые сейчас находятся на ущербе. Литература превращает их в новый «факт» и бросает обвинение рабочей молодежи. Я считаю, что мы от таких ошибочных приемов литературного изображения и литературной критики, которые у нас в настоящее время имеются, должны отказаться; это не приносит пользы, а скорее вред борьбе с теми настроениями, которые мы в настоящее время называем упадочными.

Теперь несколько слов о самой нашей молодежи. Я начну с некоторых политических соображений. Товарищи, пройдитесь по избирательным собраниям, которые сейчас каждый день происходят на десятках фабрик и заводов. Что же мы видим? Сотни тысяч молодежи тол-

пятся в дверях, не имея возможности войти, участвуют активно в кампании, 90% молодежи подают записки, предложения, поправки к наказу и т. д. Общее впечатление таково. Есть тут упадочные настроения, или нет? Как будто нет. Спросите, каковы цифры. Говорят 90%. (С места: «97%»). Прекрасно. 3% не участвуют. Отсутствует 3%, при том это большинство случайно отсутствующие. Что — тут упадочные настроения? Если литераторы говорят об упадочных настроениях, то первым противоположателем их анализу является политическая активность нашей рабочей молодежи. Этот политический противоположитель показывает, что у нас молодежь в общем и целом здорова. Я припоминаю некоторые последние собрания, на которых мне приходилось участвовать. Я напомним хотя бы тот единодушный отпор, который дала сейчас рабочая молодежь в целом ряде собраний чемберленовской ноте. Помню одно собрание, где подавался ряд записок после выступления оратора: каким путем можно поехать в Китай, помочь китайской революции. Что это упадочные настроения? Я думаю, что это не упадочные настроения. И поэтому говорить об упадочничестве по отношению к более или менее широкой массе нашей молодежи было бы ошибочно. Но на этом общем фоне роста политической активности, на фоне роста культурности нашей молодежи мы имеем ряд отрицательных явлений, о которых здесь упоминали, — хулиганство, которое развилось на почве безработицы, на почве деклассированности некоторой части рабочей молодежи, не имеющей доступа в производство. В этой среде мы эти упадочные явления имеем. Это есть определенный классовый процесс. Мы нашей промышленностью не можем поглотить всей молодежи, часть остается вне производства. Некоторая часть молодежи, которая работает в производстве, но слабо связана с производством, не втянута в на-

шу политическую жизнь, поддается влиянию окружающей, близкой ей географически деклассированной молодежи. Это факт. С этим нам нужно считаться в наших решениях, которые мы здесь можем принять. Главная задача — классовое воспитание нашей молодежи. Мы не можем сказать, что сейчас у нас в этой части все обстоит благополучно. Мы видим, что появился у рабочей молодежи ряд новых интересов, на которые мы достаточного ответа не дали до сих пор, которых мы не удовлетворили, — хотя бы этот самый интерес к художественной литературе, к искусству. Он является крупнейшим фактором в деле оздоровления молодежи. Мы до сих пор этого крупнейшего фактора не использовали и в той части, которую мы использовали, он, очевидно, тех оздоровляющих результатов, которые нам нужны, еще не дал. Вот товарищи единственная мера, которую мы сейчас должны принять рядом с крупнейшими мероприятиями по социалистическому строительству нашей страны, по укреплению рабочего класса нашей страны, по втягиванию нашей молодежи в социалистическое строительство. Это — задача по втягиванию молодежи в активную культурную жизнь. Мы с этой задачей еще не справились мало-мальски удовлетворительно и еще не справляемся, потому что мы в стране культурно отсталой, где мало грамотных, потому что мы не имеем кадров, которые необходимы для того, чтобы вовлечь в культурную работу многомиллионную молодежь. Я, заканчивая эту часть, должен сказать, что упадочничество сильно раздуто и в литературе и в вузовской полемике. Эти явления все-таки находятся на ущербе. Целый ряд фактов и явлений, которые сейчас только что появляются в литературе, в жизни уже находятся на ущербе и изживаются мало по малу. Мы идем вперед, а не катимся назад. И поэтому я думаю, что совершенно не верна та постановка, с которой

на прошлом собрании здесь выступал тов. Преображенский, который говорил, что мы переживаем кризис советской культуры. Мы должны сказать, что никакого кризиса советской культуры, никакого кризиса в советской общественности нет. Мы находимся в плоскости роста, а не в плоскости упадка. Это мы должны ясно заявить. Тов. Преображенский выводит свое положение о кризисе из своей своеобразной экономической теории, изложенной в его книге «О новой экономике». На этой экономической концепции он строит свою концепцию культурной жизни страны и отсюда получается ряд совершенно странных, неприемлемых для нас выводов. Он говорит о противоречиях между ростом людской живой силы и производственными отношениями. Я думаю, что такая постановка вопроса совершенно неприемлема. Можем ли мы ставить вопрос о живой человеческой рабочей силе, о процессе воспроизводства человеческой рабочей силы, о людском материале нашей страны вне вопроса о производственных отношениях, вне роста нашей промышленности? Есть ли у нас какой-нибудь другой метод выращивания человеческого материала, кроме той колоссальной работы, которую мы делаем по развитию нашей промышленности? Рост культуры нашей страны, изживание элементов деклассированности, приспособление человеческой живой силы к новым задачам — это все идет и пойдет параллельно с ростом нашей страны, с ростом нашей промышленности. Не может создаваться людская сила раньше, чем будут созданы соответствующие производственные отношения. Не может быть обратного процесса. Только в этом процессе, в процессе создания новой советской техники вы создадите живую социалистическую рабочую силу. Поэтому не может быть и речи о каком бы то ни было кризисе несоответствия между живой нашей рабочей силой и производственными отноше-

ниями. Поэтому не может быть речи о каком бы то ни было кризисе советской культуры. Мы с 1921 г., когда Ленин поставил вопрос о культурной революции, из года в год все больше и больше приближаемся к практическому осуществлению этого лозунга. Мы сделали еще очень мало, но сейчас наступил период, когда вопрос о культуре, вопрос о культурной работе в массах, вопрос о культурности и культурной работе среди молодежи, прежде всего, ставится на первое место. В этой культурной работе мы должны изживать то, что здесь называется упадочничеством. В этой культурной работе мы должны воспитать человеческое отношение к человеку и коммунистическое отношение к труду. Эта задача перед нами стоит сейчас в нашей работе, в нашей борьбе за здоровую молодежь. (Аплодисменты).

Тов. БОГДАНОВ

Товарищи, прежде всего, я предупреждаю, что я, с одной стороны, работаю на заводе, с другой стороны, живу в студенческом общежитии, поэтому знаю быт студентов и рабочей молодежи. Прежде всего, исхожу из того положения, что увлечение Есениным и упадочническими настроениями среди нашей молодежи — это факт. Исходя из этого факта, нам нужно решить вопрос — каким образом с этим бороться, бороться с есенинщиной или с вредной стороной есенинской поэзии. Мне кажется, что вопрос, отчего молодежь увлекается Есениным, является до сих пор невыясненным. До сих пор еще вопрос неясен, какова позиция молодежи по отношению к Есенину. Она выражается в том, что наши руководители, начиная от т. Луначарского и кончая т. Сосновским, в этом вопросе не спелись. (Смех). Когда началось увлечение Есениным? Товарищи, не смейтесь, потому что я говорил не умею. Им начали увлекаться только после того, как он

умер. Раньше увлекались отдельные единицы, а потом это увлечение стало массовым.

Что же было вначале? Вначале его превозносили чорт знает до чего, а потом его раскусили. Было ли это правильно? Нет, не было правильно. Прежде всего, ведь мы знаем, что каждый запрещенный плод сладок, и если мы есенинскую поэзию загоним в подполье, то таким образом мы ни в коем случае дело не исправим. Для того, чтобы молодежь не поддавалась таким упадочническим настроениям, нужно молодежь критически научить воспринимать есенинскую поэзию. Но для того, чтобы молодежь воспринимала эту поэзию, она ее должна знать, а прочитав фельетон тов. Сосновского, выходит, что читать не нужно, и что все издания надо бросить в печку. Так что наша задача состоит в том, чтобы научить воспринимать эту поэзию критически. Прежде всего, кто увлекается Есениным? Им увлекается наиболее передовая часть молодежи, потому, что те, которые не увлекаются, те не читают этой поэзии. Поэтому, поскольку передовая часть молодежи читает Есенина, мы должны эту передовую часть молодежи научить критически ее воспринимать, а уже эта часть молодежи научит критически воспринимать эту поэзию всю остальную часть. Это будет правильный подход. Затем, еще один момент. «Комсомольская Правда» — наша газета, которая нас учит, нами руководит, она почему-то совершенно ничего не печатает по этому поводу. Я знаю как раз такой факт, что в «Комсомольскую Правду» поступила статья по вопросу об есенинщине. Эта статья не была помещена, и ее автору ответили, что у нас дискуссия о Есенине закончена, а на следующий день появляется статья Бухарина. Значит, «Комсомольская Правда» закрывает дискуссию, а партийная «Правда» только начинает. В умах молодежи выходит как будто бы сумбур, они не знают, кого

слушать, как будто наша комсомольская газета, которая должна нам дать правильное понятие, которая должна нас вести в этом отношении — она замалчивает этот вопрос и старается не говорить по этому поводу. Пусть говорит тот, кто умнее нас, рядовых. Дальше, я хочу сказать свое личное мнение по всему тому, что говорилось в прошлый раз. Мне кажется, что в этом отношении, в отношении оценки Есенина, есенинской поэзии, больше всего прав тов. Луначарский. Именно, познав Есенина, восприняв его критически, мы приходим к выводам тов. Луначарского, что, читая есенинскую поэзию, разбирая ее, мы не должны впадать в пессимизм, а наоборот, следуя жизнерадостным моментам, которые содержатся в его поэзии, мы должны, в конце-концов, отбросить и пессимизм, и хулиганство, и прочее. Кто делает хулиганские выводы из есенинской поэзии, тот читает Есенина поверхностно. Надо читать есенинскую поэзию не в такие моменты, когда неладно и грустно, а наоборот.

Тов. НОВОСЕЛЕЦ

Товарищи, в прошлый раз тов. Полонский старался расчленивать, поставить перед нами вопрос, что такое есенинщина и что такое упадочные настроения, может ли служить есенинщина общим знаменателем всех этих упадочных настроений, которые есть у нас к молодежи. По моему, самая тема доклада поставлена не совсем правильно. Может ли есенинщина служить знаменателем всех упадочных настроений, которые есть у нас в молодежи? По моему, товарищи, нет. Есенин и есенинщина возглавляют совершенно другие социальные прослойки, чем есть у нас в среде рабочей и учащейся молодежи. Для подтверждения своей мысли я проиллюстрирую такой тип упадочных настроений. Безработица. Комсомолка, которая проработала не один год в комсомоле, вела

активную работу, попадает под сокращение и состоит на Бирже Труда около года, не может найти работы. Отсюда голодовка, а голодовка знаете к чему ведет — к самому упадочному настроению. Каково ее положение, если она работала в комсомоле много лет и не может теперь найти работы? Как у нее будет очень хорошее настроение? Безусловно, плохое. Отсюда идет разочарование: в комсомоле-де ничего нет, партия-де не ведет нас по пути социалистического строительства. Отсюда уныние. Потом — либо она кончает самоубийством, либо становится проституткой. Это один тип упадочных настроений.

Другой, с которым я сталкивался, — это факт бюрократизма. Факт бюрократизма, товарищи, у нас безусловно велик. Мы знаем, что бюрократизма есть сколько угодно, и есть такой бюрократизм, который легко можно было бы изжить. Я знаю, что одному рабочему парню была назначена командировка учиться, но по вине некоторых товарищей ему не дали во-время соответствующего «отношения», и дело расстроилось. У него полнейшее разочарование. Парня оторвали от производства, у него нет никакой работы. Что же он должен говорить, что все хорошо, все прекрасно? Он уже думает о нагане, думает, что можно покончить свою жизнь, потому что, кроме бюрократизма, кроме плохого отношения, ничего нет.

Тов. Фриче говорит, что все хорошо. Это правильно, но слишком большим оптимистом быть нельзя. По-моему, оптимистом быть чрезвычайно вредно, потому что у нас очень много отрицательных явлений, которые нужно глубоко учитывать, чтобы изжить упадочные настроения, которые у нас существуют. Я больше всего сталкивался с рабочей молодежью и с учащейся молодежью. Чем, товарищи, обуславливаются упадочные настроения в среде нашей молодежи? Я, например, всецело присоединяюсь к мысли тов. Радека, что нужно бороться не против Есе-

нина: для того, чтобы изжить наши упадочные настроения, нужно бороться совершенно другими методами. Какие же это методы? По-моему, товарищи, основное это то, что надо материальное положение учащейся молодежи всячески улучшить. (Шум). Если мы не будем улучшать материальное положение нашей молодежи, безусловно упадочные настроения будут всегда существовать. Вот нам, например, вузовцам, заметно: когда получаем стипендию, у всех на лицах чувство радости. (Смех, аплодисменты). А что получается к концу месяца, когда денег нет в кармане (аплодисменты), когда в пять дней один раз обедаешь? Тогда о хорошем, о прекрасном не подумаешь. Я лично считаю, что это одно положение, которое обуславливает упадочные настроения в нашей молодежи.

Второй причиной упадочных настроений является недостаток идеологической работы в среде нашей молодежи. Я расскажу такой факт. Мне в провинции пришлось столкнуться с одним рабочим парнем, у которого отвратительное упадочное настроение. Чем это объясняется? А тем, что его называли троцкистом, меньшевиком за то, что он сказал, что политшколы плохи. А! Политшколы! — Оппозиционер! Оппозиционер — это стало убийственной кличкой. Если парень здоровую мысль высказал, обязательно в число троцкистов, социал-демократов или меньшевиков попадет. Я сталкивался с таким явлением. Какой отсюда следует, по моему, вывод? Нужно нашей молодежи дать работу критической мысли, дать свободу критики нашей молодежи. Хотя, может быть, меня зачислят в оппозиционеры, но я стою на точке зрения тов. Радека, когда он говорит, что среди молодежи недостаточно работает критическая мысль. У нас сейчас в университете имеется какое стремление у молодежи? Она идет не по здоровому руслу, начинает создавать кружки по изучению Есенина. Почему она создает эти

кружки? Потому, что нет всех необходимых данных, чтобы создать кружки по изучению Ленина и Маркса, хотя они этим занимаются в университете. Есть такая тенденция. Это — тенденция нехорошая. Но у нас, если высказывается здоровая мысль, обязательно пришьют либо «оппозиционера», либо «социал-демократа». Я вам скажу, что в провинции это особенно заметно. В Москве я не долго живу, мне здесь не приходилось с этим сталкиваться. Что касается провинции, то это там очень часто встречается. (С места: «Приведи пример такой здоровой мысли, за которую...»). Я порекомендовал бы поехать в провинцию поработать.

Мне хотелось так сказать: безусловно, и сама есенинщина таит в себе очень много нехорошего, но безусловно в Есенине, в есенинщине, как сказал тов. Луначарский в прошлый раз, много красивого, в его лиризме есть много ценного, и это ценное нам, молодежи, надо забрать.

Кроме того, мне хотелось сказать, что нужно против есенинщины и против упадочных настроений бороться не только путем идеологическим, путем создания здоровой идеологии, но нужна помощь старших товарищей. Тов. Полонский сказал, что мы не научились уважать людей. Я не знаю, каких людей. Например, Саблина я не уважаю, думаю, что и вы к этому присоединитесь. Я бы сказал, что большинство наших старших товарищей очень много о нас говорят, но они далеко не всегда нас уважают. Когда мы обращаемся к ним, они недостаточно к нам внимательны, чтобы на, факте, на примере, помочь. Если со стороны старших товарищей будет внимание к указанным явлениям в среде молодежи, то будет самая хорошая жизнь.

Тов. СОЛОВЬЕВ

Я, товарищи, давно собираюсь вылить свою душу (смех), потому что в последнее время, когда Сергей Есенин умер, писали: великий русский национальный поэт. И никто ничего не возражал. Прошел год. И увидели, что в связи с неестественной смертью Есенина (смех), именно в связи с трагической смертью Есенина на него широкая масса молодежи обратила внимание. И так как наша партия и комсомол увидели, что молодежь увлекается Есениным, который не был пролетарским поэтом, как у нас понимают и как ставят в пример Демьяна Бедного, я хочу поставить вопрос таким образом: существует ли у нас есенищина, есть ли она, как таковая, и можно ли говорить об есенищине? Я полагаю, что есенищина существует только в уме Анатолия Васильевича Луначарского, в уме тов. Сосновского и других наших товарищей, которые подняли этот вопрос и начали говорить об есенищине. Товарищи, мы констатируем, что молодежь увлекается Есениным. Это правильно. Почему молодежь увлекается Есениным? Потому что Есенин поэт современный. Я скажу, что из всех поэтов, которые есть в наше время, лучшим поэтом был безусловно Сергей Есенин. И именно та часть молодежи, которая любит и понимает поэзию (я не считаю себя большим знатоком поэзии, но я понимаю кое-что), любит Есенина. Но что мы видим теперь? Мы видели, что об'явили какую-то есенищину, и ставят знак равенства между хулиганством и есенищиной.

Меня страшно удивило, когда я прочел, что тов. Луначарский выступает в рабочих клубах на тему «Хулиганство и есенищина». Я подумал: господи, боже мой, что это такое? (Шум, смех). Может быть, я ничего не понимаю (с места: «скорее всего!»), но я считаю, что

это крайне несправедливо, что, когда тов. Сосновский пишет статью о хулиганстве, он говорит: «Вот, где корни хулиганства, в литературе», и указывает на Есенина. Он берет одно стихотворение Сергея Есенина, посмертное стихотворение, которое нигде не было напечатано, знаменитое «Сыпь гармоника!». И на этом основании он выводит, что «вот где корень хулиганства — в литературе». По-моему, это крайне несправедливо, когда вырывают отдельные слова из стихотворения и доказывают: «вот где корень хулиганства — в поэзии Есенина».

Я хочу указать еще на статью тов. Бухарина. Он также дал залп по есенинщине. Как же он делает этот залп по есенинщине? Он даже не потрудился привести нескольких цитат. Он взял отдельные слова из лексикона Есенина: «сисястая, кобыла» и т. д. и доказывает: «вот, где, товарищи, хулиганство». И все, кто критикует Есенина, они выступают с такой цитатой и так аргументируют хулиганство Есенина.

По моему, это совсем неправильно. Если мы, как здесь товарищ сказал, прочтем внимательно всю поэзию Есенина, то мы там не найдем такого хулиганства. В конце концов, все построения, все аргументы по поводу хулиганства Есенина построены на тех сведениях, которые взяты из личной жизни Есенина. Но какое право мы имеем вмешиваться в личную жизнь поэта, когда он умер, брать факты из жизни этого поэта и аргументировать против него? Если брать такие стихотворения у Есенина, которые берут, то давайте у Пушкина брать: у него десятки, сотни таких стихотворений, и давайте говорить, что Пушкин также хулиган. А личная жизнь Пушкина была еще более распушенной, чем личная жизнь Есенина. Почему никто не скажет, что Пушкин хулиган? А теперь только потому, что великий Сергей

Есенин не пел, как Маяковский, которого очень мало читают (аплодисменты), не пел, как Демьян Бедный, поэтому объявили его хулиганом, и отсюда все качества.

Тов. ЭТКИН

Товарищи, мне будет трудно говорить, особенно после тов. Полонского, вообще после таких ораторов, которые здесь были, но меня задел вопрос относительно есенинщины. Выступает здесь, наверно, студент и говорит, что есенинщина это выдуманная вещь, что она находится только в голове у тов. Луначарского и Сосновского. Это неверно, товарищи. Я думаю, что особенно студент, который должен наблюдать жизнь современной молодежи и вообще весь ход нашей жизни, не может, не должен высказывать такую мысль. Есенинщина есть, бесспорно есть. Конечно, нельзя говорить, что есенинщина находится только среди студенчества, она есть и среди рабочих. Правильно говорил т. Радек, что нельзя валить все шишки только на студенчество. Есть есенинщина и среди рабочей молодежи. Она выражается в том упадочничестве, о котором так много говорили. Есенин может быть как поэт довольно талантливый, этого наверно никто не будет оспаривать, но именно то плохое, что есть в его произведениях, очевидно, именно молодежью воспринимается. Мы знаем, что рабочей молодежью — мне приходится это на заводе часто слышать — не берется то хорошее, что есть у Есенина, пожалуй, его мало, а берутся такие вещи, как «много девочек щупал», пошел туда-то и туда-то. Это легче воспринимается.

Поэтому, если Сосновский и другие ругают есенинщину, они правы, потому что есенинщина разлагает молодежь, часть учащейся и особенно рабочей молодежи. Он кричит, этот студент, что мы не имеем права вмеши-

ваться в личную жизнь писателя, особенно после его смерти. Я думаю, что и после смерти и при жизни писателя мы должны вмешиваться, если не в личную жизнь, то в то, что он пишет, что подносит. В это нужно вмешиваться потому, что нужно сказать что, когда коммунист Малашкин подносит свою «луну», большинство рабочих, которые высказывались по поводу нее, ругали эту луну потому, что она не выражает то, что есть. Почему он берет студенческую часть молодежи? А среди рабочих ребят нет настоящего упадочничества? Ведь оно выражается не только в том, что плоха у нас материальная часть, материальные условия. Надо сказать, что даже у многих из рабочих ребят позванивает в кармане. Упадочничество выражается не только в плохих условиях. Это есть; но упадочничество выражается в том, что есть какой-то верно по выражению Белоцерковского штиль, будни. Многие рабочие ребята, которые участвовали на фронтах во время революции, затянуты этим. И этот штиль, эти будни, которые имеются, скучноваты, это выражается в том упадочничестве, которое имеется среди молодежи.

Надо сказать, что такая литература, как Гумилевско-го, Малашкина и проч., это не та литература, которая может воспитывать. Я думаю, что — наоборот. Они помогают Есенину и есенинщине потому, что молодежь не может на этом воспитываться, понять, в чем корень всего этого зла. Я считаю, что Карл Радек был прав, когда говорил, что среди комсомольцев, рабочей части комсомола есть карьеризм. Когда мы шли сюда, мы спорили как раз об этом, задели вопрос относительно того, что есть в нашей ячейке карьеризм, и он подавляет инициативу молодых ребят, которые хотят работать. И надо сказать, что борьба с упадочничеством необходима, и не в такой мере и не так, как хотят даже наши хорошие коммунисты, как

Малашкин и т. д., такая борьба, чтобы раскрывать болезненные явления. Не так нужно их раскрывать. Нужно именно, как указал т. Радек; нужно подойти к этому вопросу иначе: нужно посмотреть и на экономическую сторону жизни молодежи, и на то, чтобы воспитывать ее в таком духе, чтобы показать, что то, что у нас есть — это штиль, нужно все это понимать и стараться лучше строить. Вот, товарищи, все, что я хотел сказать.

Тов. ИВАНОВ

Я надеюсь, товарищи, что вы меня извините, что я дерзнул выступить в Коммунистической Академии. Прежде всего, мне думается, что этот вопрос совершенно бесспорный, что Есенин и есенинщина — 2 вещи совершенно различные. Что я подразумеваю под есенинщиной? Это такое настроение, когда часть молодежи отрывается от коллектива, замыкается в свою собственную жизнь, и отсюда уже идет все остальное. Так вот, товарищи, если исходить из такого определения, то посмотрите, есть в рабочей молодежи такие настроения или нет? Мое мнение такое, что тут надо отличать: есть у нас упадочные настроения, есть у нас большие стороны, есть у нас хулиганство, есть уголовщина. Это три вещи совершенно разные. Возьмем прошлый год, была заметка, не заметка, а статья в «Комсомольской Правде», когда там писали такую штуку, что группа в 8 человек очень увлеклась этой есенинщиной. Начали читать Есенина, потом дошли до того, что решили покончить жизнь самоубийством, но не покончили. Так вот, товарищи, если мы посмотрим на рабочую молодежь, то надо прямо сказать, что таких упадочнических настроений среди рабочей молодежи нет. Здесь есть большие стороны, которые заключаются в плохом материальном положении. Позвольте остановиться на том вопросе, который я считаю большой сто-

роной в рабочей массе. У нас есть ребята, которые зарабатывают прилично и они уже, если можно так выразиться, становятся на путь «пижонства». Пижонство состоит в «цыганочке» знаменитой, которая существует и очень распространена сейчас в рабочих клубах и вообще среди рабочей молодежи. Но все-таки это не есть есенинщина. Это больная сторона. Больная сторона показывает то, что культурный охват молодежи еще слаб. Но, конечно, надо сказать, по моему, Карл Радек, конечно, с ним очень опасно спорить, он по моему не прав, когда говорит, что большинство рабочей молодежи охвачено этим настроением. Товарищи, достаточно следующего примера. Мы все работаем 6 часов сейчас на производстве, а я скажу, что у нас большинство рабочих находится 8 часов на производстве, потому что они хотят поднять свою квалификацию. Это везде. Я скажу, что ребята вместо того, чтобы работать 6 часов, сидят 8 часов. Они на этой работе учатся. Надо подчеркнуть, что рабочая молодежь осознала, что квалификация играет огромную роль, что прежде всего надо поднимать квалификацию, чтобы поднять наше хозяйство.

Теперь далее. Надо сказать, что комсомол безусловно является передовой частью молодежи и в особенности в среде рабочего класса. Поэтому больные стороны, которые существуют у комсомола, должны отразиться и на всей крестьянской массе. Правильно сказал Карл Радек, что много у нас собраний, что мы не можем распределять наше время, что у нас бывает очень сухая повестка дня. Нельзя же, чтобы все сразу было. Товарищи, разве VII съезд комсомола этого не отмечал, что у нас содержание и формы работы не соответствуют друг другу? Я думаю, что мы к этому приступаем сейчас. Возьмите нашу ячейку. Там ставились доклады о расширении нашего МОГЭСА. Приняли ребята участие в этом? Приняли.

Ставили вопрос о международном положении? Был какой-то докладчик из райкома. Наши ребята плохо принимали участие. Почему? Не потому, что их не интересует международное положение, а потому, что было сухо. Это показывает, чего наши ребята хотят и что у нас имеется.

Я теперь еще хотел оказать относительно учебы. Я скажу, что тяга к учебе огромная среди рабочей молодежи. Достаточно показать цифры рабфаков и т. д. Я скажу, что ребята занимаются самообразованием в огромном размере. Приходится совершать сплошь и рядом путешествия. Приходишь в раздевалку, постоишь, постоишь и пойдешь опять в Толстовскую библиотеку. Многие ребята занимаются самообразованием. Жилищные условия не позволяют, но все-таки у ребят определенное стремление к учебе. Этого никто отрицать не будет среди рабочей молодежи.

Так вот, товарищи, я много не буду говорить. Я хотел только подчеркнуть, что есенинщина, те упадочнические настроения, которые имеются среди учащейся молодежи, составляющие зло всей учащейся молодежи — это одно, а те большие стороны, которые имеются у рабочей молодежи, они коренным образом отличаются от упадочнических настроений, от есенинщины, от уголовщины и хулиганства. Это совсем другое дело. Лишь небольшая часть рабочей молодежи в силу плохих материальных условий, в силу плохого культурного охвата пошла и стала на этот путь, этим страдает. Но в большинстве рабочей молодежи есенинщины нет.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

тов. ЛУНАЧАРСКОГО

Товарищи, прежде всего, два слова о самой теме: было бы очень нелепо, если бы мы за есенинщину спрятали все явления упадочничества, хотя бы ограниченные так, как ограничил их т. Кнорин и как я их в своем докладе ограничиваю. Верно и то, что такие явления частичны, отнюдь для всей нашей молодежи не характерны.

Но связь между есенинщиной и упадочничеством бросается в глаза. Есенинщина есть наиболее организованное, я бы сказал даже — массовое, внешнее проявление стремления создать какую-то идеологию упадочничества. Вот почему Московский Комитет партии и Московский Комитет комсомола замучили меня требованиями читать доклады на тему об упадочных настроениях в связи с есенинщиной. В течение нескольких месяцев это делалось. Наконец, я взмолился: дайте мне говорить без Есенина, потому что это мешает мне остановиться на других сторонах, которые я считаю более важными. Вышло, однако, еще хуже, потому что я получал десятки записок: а как вы относитесь к Есенину? Это тоже говорит о том, что органическая связь тут несомненно есть. Я прошу обратить внимание на то, что Есенину я посвятил не более $\frac{1}{5}$ части моего доклада. То, что выступавшие в прениях по докладу товарищи очень напирали на Есенина и на есенинщину, это не вина докладчика и не вина Коммунистической Академии, которая правильно поставила тему.

Теперь, товарищи, я должен сказать, что многие, тут выступавшие, оказывается, не слышали моего доклада. Если бы они слышали, то говорили бы гораздо меньше, в том числе и т. Радек: если бы он прочел по стенограмме мой доклад, то увидел бы, что девять десятых того, что он сказал, было мной уже сказано — те же причины упадочничества и те же указания на то, чем их нужно изжить. И хотя я никаким краем к оппозиции не отношусь, я указал на то, что облыжные нелепые обвинения в оппозиционности каждого инакомыслящего, постоянное стремление в некоторых — не всех, конечно, но в некоторых — организациях объявить такого товарища паршивой овцой, заражающей стадо, — это очень мешает развитию свободы мысли, свободы гражданского проявления своего мнения. Так что и эту даже специфическую причину, которая в глазах оппозиционера занимает, конечно, гораздо большее место, чем на самом деле, я отметил. В общем у меня с т. Радеком не было бы ни малейших разногласий, если бы не то, что т. Радек немножко чрезмерный пессимист. Он цитировал т. Ленина для того, чтобы доказать, что на зло нужно смотреть прямо, в упор. Но разве этому хоть сколько-нибудь противоречит то, что говорил т. Фриче? И какой же это пессимизм? Пессимизмом называется такое общее настроение, которое заставляет видеть зло большим, чем оно есть, а хорошие стороны меньшими, чем они есть. Пессимистическое миросозерцание есть такой вывод, который указывает, что зла в природе или в нашем обществе — больше, чем блага. Когда Ленин констатировал зло, то делал это для того, чтобы его преодолеть, был всегда полон веры в его преодолимость. Правда, и т. Радек кончил этой верой; но зачем же он назвал чудовищным заявление т. Фриче, что пессимизму среди нас места нет? А заявление т. Фриче было вызвано речью тов. Преображенского. И я, минуя все остальное потому,

что мне не приходится ничего изменять в моем докладе после выслушенного, хочу остановиться, главным образом, на речи т. Преображенского, которую я не слышал, но с величайшим вниманием прочел по стенограмме. В ней действительно есть проявление несколько новой постановки, если не самой проблемы упадочничества, то борьбы с ним.

Да, здесь мы имеем пессимизм. И не надо иметь никакого особого инструмента для того, чтобы сразу, с первой страницы, или, вернее со второй, заметить этот пессимизм. «Когда мы подходим ко многим нашим явлениям, в частности, к тем явлениям, которые ставят нас в тупик...» и т. д. Разве мы в тупике? Можно ли представить себе больший пессимизм, чем когда коммунист выходит на трибуну в Коммунистической Академии и заявляет, что мы — партия, страна — находимся в тупике? И это в том самом году, когда мы развертываем колоссальное индустриальное строительство, когда мы идем по линии капитального основного строительства и продвигемся на 21% по отношению к производству прошлого года, это у нас, при этой громадной, прущей со всех сторон силе, которая заставляет капиталистов скрежетать зубами за границей и хвататься за зазубренный, для них самих опасный меч? Ведь так характеризовать нынешнее положение нашей республики — значит за трудностями не видеть нашего продвижения вперед.

Тов. Преображенский, ища причины, почему это происходит, указывает на то, что мы в тупике потому, что у нас «нет людей». Говоря, что людей нет, он не повторяет того, что говорил уже в своей книге, он дальше идет. Дело, оказывается, не в том, что у нас недостаток квалифицированных рук. А вот его формула: «Мы имеем здесь явную диспропорцию, явные ножницы между тем огромным шагом вперед, который мы

сделали в Октябре, национализировав или, вернее, социализировав нашу промышленность, и тем запасом людей, которые могли бы быть в полном смысле слова руководителями хозяйства». Другими словами, у нас мало умных людей в ЦК и правительстве. Вот что это значит. Это значит, что в партии, в стране, не только нет квалифицированных работников, но у нас нет и людей, которые были бы подготовлены к руководству хозяйством, к общему планированию социалистического строительства. Конечно, никто из нас не скажет, что мы так богаты талантами, гениями, что даже огромная задача, которая перед нами стоит, вполне нам по силам, и мы без всякой жути, без всякой робости подходим к ней и говорим: мы все легко сделаем. Это было бы комчанством. Но заявлять, что наша Всесоюзная Коммунистическая партия, величайшая из всех, когда-либо существовавших на земле, оскудела настолько, что мы в тупике, и не можем дать никакого руководства, — это неверно. Это неверие в партию. Это пессимизм. Достаточно иметь самое простое чутье, чтобы понять, почему т. Фриче говорил о том, что не совсем место таким речам здесь, где самые смелые, самые бодрые люди на свете, одержавшие самую большую победу, которую когда-либо одерживало человечество, собираются, чтобы обсудить стоящие перед ними трудности.

Но все-таки не в этом лежит центр тяжести речи тов. Преображенского, не в этом пессимизме, а в перенесении центра тяжести с вопросов хозяйственных и культурных, в смысле знаний и умения, на почву этики.

Тов. Преображенский во всем своем построении ни разу не говорил о том, что у нас может нехватить квалифицированных рабочих рук. Если бы он сказал это, то должен был бы сделать и вывод: надо поднимать народное образование, добиться того, чтобы народное обра-

зование, в особенности в технической части, шло бесперебойно и скорее бы обгоняло затраты на промышленность, чем отставало от них. Но тут нечего было бы мудрить и строить какие-то особые теории. Дело ясное: страна некультурна, страна невежественна; это тысячу раз говорил Ленин и сказал поэтому (конец его статьи о кооперации): если бы мы смогли прибавить культурность к Советской власти, то социалистическая проблема сама собой разрешилась бы. Но нет, у т. Преображенского дело обстоит не так. Он говорит, что западно-европейские пролетарии подготовлены к социализму трудовой дисциплиной, которую они прошли в течение десятков лет, а что у нас этой трудовой дисциплины нет. Он говорит о том, что под давлением буржуазии, мещанства, крестьянства, которого страшно много, мы все еще остаемся индивидуалистами, что мы хотим при помощи бюрократии, карьеризма, построить социализм, а этого сделать нельзя. Нужно известное моральное перерождение. Поэтому он призывает к добровольчеству, к созданию каких-то коммунистических монашеских орденов свободных людей, носителей высокой этики, и думает, что таким образом мы сумеем спастись от того болота, которое нашу партию постепенно захлестывает.

Бее эти положения нужно рассмотреть, подвергнуть их особо тщательной проверке, и не потому, что я считаю абсолютно неверным усиленное внимание к вопросам этики, но потому, что когда их ставят на первый план — или на очень важный план, хотя бы и не первый, — то производят чрезвычайную, грубейшую ошибку.

Во-первых, все эти утверждения, что наш пролетариат и вообще население СССР менее подготовлены к социалистическому строю, чем западно-европейский пролетариат и тамошнее население — представляют довольно сомнительное положение. Правда, Владимир Ильич и

другие коммунисты говорили часто, что нам легче было сделать политическую революцию, а на Западе легче будет построить социализм. Но почему? В силу индустриального развития, в силу высокой зрелости западного капитализма. Конечно, высокая концентрация промышленности дает возможность легче ввести страну в рамки планового хозяйства.

Но что касается этического состояния пролетариата западно-европейского и нашего, то еще задолго до революции, и никто иной, как Каутский, которого никто в чрезмерной революционности не заподозрит, заявил, что рабочие России более подготовлены к революции и пойдут впереди других, потому что обмещивание квалифицированного западно-европейского пролетариата есть факт. Владимир Ильич подчеркивал, что западно-европейский империализм подкупает своего рабочего, что рабочий вырождается с верхнего конца и превращается, сам того не видя, в эксплуататора колониальных стран. Это обрастание жирком, бифштексами, комфортом, помогает буржуазии обманывать рабочего. Это есть обмещивание, настолько далеко зашедшее, что Владимир Ильич пришел к такой теории: если бы мы надеялись только на западно-европейский пролетариат, то, пожалуй, революция не скоро получила бы помощь. Он указывал на колоссальную важность другого удара, который капитализм получит от еще не «цивилизованной» бедноты колониальных и полуколониальных стран. А теперь приходит тов. Преображенский и заявляет, что у нас мало фабрично-заводской выучки, и поэтому мы не годимся для социализма. Это неверно. Нам нехватает знаний, нам нехватает культуры; но признание: мы мещане, мы нравственные уроды, мы люди, которым нехватает самоотверженности, — и это после этих годов военного коммунизма, годов строительства, после того, как мы в 4 года

восстановили наше хозяйство, после голода 1921 г., — это аттестат совершенно неожиданный для нашей страны, для нашего пролетариата. Я думаю, что ни один европейский коммунист и даже немногие европейские социал-демократы осмелились бы такой аттестат дать.

Я этим не хочу сказать, товарищи, что задача морального самовоспитания является ненужной для нас, и я считаю эту сторону мысли тов. Преображенского очень интересной.

У нас сегодня было большое коллективное чувство памяти Гоголя, и тут выяснились две точки зрения. Часть марксистов, пишущих о Гоголе, говорит, что Гоголя, его критику и сатиру надо понимать, как поражающую общественный порядок его времени, и выводы нужно делать только в разрезе соответствующей эпохе общественной борьбы. Но, ведь — если не говорить о мистике и религиозных падениях — Гоголь шел и дальше. Никто не скажет, что такие явления, как хлестаковщина, ноздревщина, суть такие явления, которые свойственны только помещикам николаевского времени. Мы встречаем таких гоголевских типов вокруг себя и в себе самих, как не вечные, но, во всяком случае, долговечные человеческие прототипы. Гоголь, как великий писатель, охватывал не только те внешние черты, которые создавались условиями десятилетий, но и те глубочайшие складки характера, которые складывались столетиями под влиянием частной собственности и буржуазной государственности вообще. И пока мы не изжили эти собственнические инстинкты до дна в нашей стране, пока мы не сломали их окончательно и пока мы себя не очистили от всей скверны, которая заражает воздух — до тех пор и Гоголь будет жить, до тех пор призыв его звучит громко и для нас. Для нас важен тот Гоголь, который обличал буржуазного человека, помещика, чиновника, частного собственника и

присущие им глубочайшие, почти неподвижные складки подхалимства, чванства, чревоугодия и т. д. Возражают на это: нет, уклон в эту сторону, психологическую сторону, разбор корней, кормящих эти пороки, борьба в себе самом с теми наслоениями, которые делают нас людьми темными, дурными, — это не общественно, это не социально. Но прислушайтесь к голосам, которые раздаются. В Ленинграде была проведена большая анкета относительно задач театра. И рабочие в сотнях ответов говорят: нам надоела чисто общественная и только общественная постановка вопроса. Дайте нам лирики. Мы сознаем наши слабости, недостатки, мы хотим жить другой жизнью, перестроить бытовые отношения, почему нам не помогают разобраться в этом?

Это, конечно, совершенно законное требование, потому что мы приступаем к строительству быта, к непосредственному строительству жизни изо дня в день. Это есть конечная задача, к которой приходит сам пролетариат, создавая для ее разрешения все более богатую материальную базу. А она создана, по крайней мере, настолько, что мы можем об этом думать. И не нужно для этого быть непременно оппозиционером. Тов. Преображенский говорит: поднимем квалификацию человечества, имея в виду не квалификацию рук, чтобы был лучшим слесарем, а именно, чтобы был лучшим человеком. Маркс, когда он хотел сформулировать, каким критерием мы можем пользоваться, чтобы знать, какой общественный уклад выше и какой ниже, сначала выразился так: «Все то, что способствует росту богатств общества — прогрессивно». Это определение может показаться сухим, но оно в другом месте выражено так: «Тот общественный строй выше, который содействует большему развитию всех заложенных в человеке возможностей». Что это — метафизика? Это не метафизика, это самая настоящая програм-

ма коммунизма. Из-под власти не только капиталистов, но и машины высвободиться, стихию природы и общества себе подчинить, и чистую человечность, то, что заложено в нас наиболее прекрасного, разумного, развернуть до возможных пределов — эта этическая задача имеет сейчас известную важность. Работать над собой и над другими путем художественного и педагогического общественного воздействия, исправлять в нас всякие, иногда еще очень глубоко засевшие, пороки — это очень серьезно. И я как раз защищал и буду защищать эту точку зрения, считая ее нормальной и здоровой. Но когда я прочитал речь тов. Преображенского, то поразился, как можно перегнуть палку в другую сторону. Его центральная мысль — главная беда в том, что мы недостаточно моральны. А раз мы недостаточно моральны, то что же нам делать? Проповедями заниматься, что ли? Для всякого марксиста это звучит ужасно, — это же почти толстовство! Мы говорим: индустриализация. Он говорит: нет, голубчики, это вам не удастся, пока вы не сделаетесь моральными, пока вы не примете новое евангелие от Евгения Преображенского.

Откуда мог возникнуть такой странный рецепт: давайте добровольно собираться в братства свободных и чистых, это добровольное братство, может быть, нас спасет? Из недоверия к партии. Когда человек говорит, по приказу социализма построить нельзя, давайте строить добровольно — это значит, что мы, обычные коммунисты, строим «по приказу», а они, чистые, избранные, будут строить добровольно этот самый социализм. Это ли не глубочайшее недоверие к нашей великой партии?

Не нужно нам никакого другого добровольчества, кроме того, что мы добровольно исполняем наш партийный долг и поступаем так, чтобы наши действия принесли максимальную пользу пролетарской революции. Не всякий может «вместить», но нам ясно, куда идти. И сюда

могут и должны устремиться как партия, так и комсомол. Этика будет только сопровождающим моментом, а отнюдь не доминирующим, так как есть задачи большей важности.

Я, конечно, совершенно согласен со всем, что говорил т. Кнорин, но я должен подчеркнуть одну сторону дела. Если к нравственному перевоспитанию нашего населения мы должны отнестись, как к задаче серьезной и интересной, но не решающей, то к нашей культурной задаче, понимаемой, как повышение наших знаний и умений, мы должны подходить с большей серьезностью, чем до сих пор подходили. Я сегодня на одном очень серьезном партийном заседании от одного очень серьезного партийного человека слышал такую фразу: «Вообще говоря, надо примириться с тем, что в течение многих лет мы будем скудно давать средства на культуру, на образование, ведь мы целиком заняты индустриализацией. Надо это помнить и надо объяснить всем, что это продлится довольно долго». А между тем, товарищи, я скажу для всеобщего сведения, что во времена самой бурной индустриализации Запада там шли усиленные затраты и на основной капитал промышленности, и на народное образование. Во всех передовых странах (Германия, С. Штаты) затраты на народное образование обгоняли затраты на основной капитал. А у нас они отстают. Мы в социалистической республике еще не догадались, что затраты на народное образование есть абсолютно необходимая часть индустриализации. Нынешний год был исключительным. Нам нужно было дать громадную сумму на основное строительство, нам надо было погодить даже с такими настоятельными требованиями, как народное образование. Но дальше годить нельзя.

Владимир Ильич в конце своей статьи о кооперации говорит: нам очень трудно будет достигнуть куль-

турности, которая в сущности решает вопрос о социализме, во-первых, потому, что мы очень неграмотны, а, во-вторых, потому, что самое введение культуры предполагает уже некоторый хозяйственный базис, некоторую степень обеспеченности.

Значит, одно держится за другое. И вот на пропорциональное развитие того и другого надо особенно указать. Практическое же решение тех задач, которые указаны были в моем докладе, по мнению большинства ораторов, которые здесь выступали, — и это совершенно правильное мнение, — лежит в дальнейшей борьбе за индустриализацию страны, со всеми входящими в это понятие предпосылками, в том числе быстрым, бурным подъемом народного образования. Сим победиши. Этим мы разрешим и вопрос об упадочничестве. (Аплодисменты)
